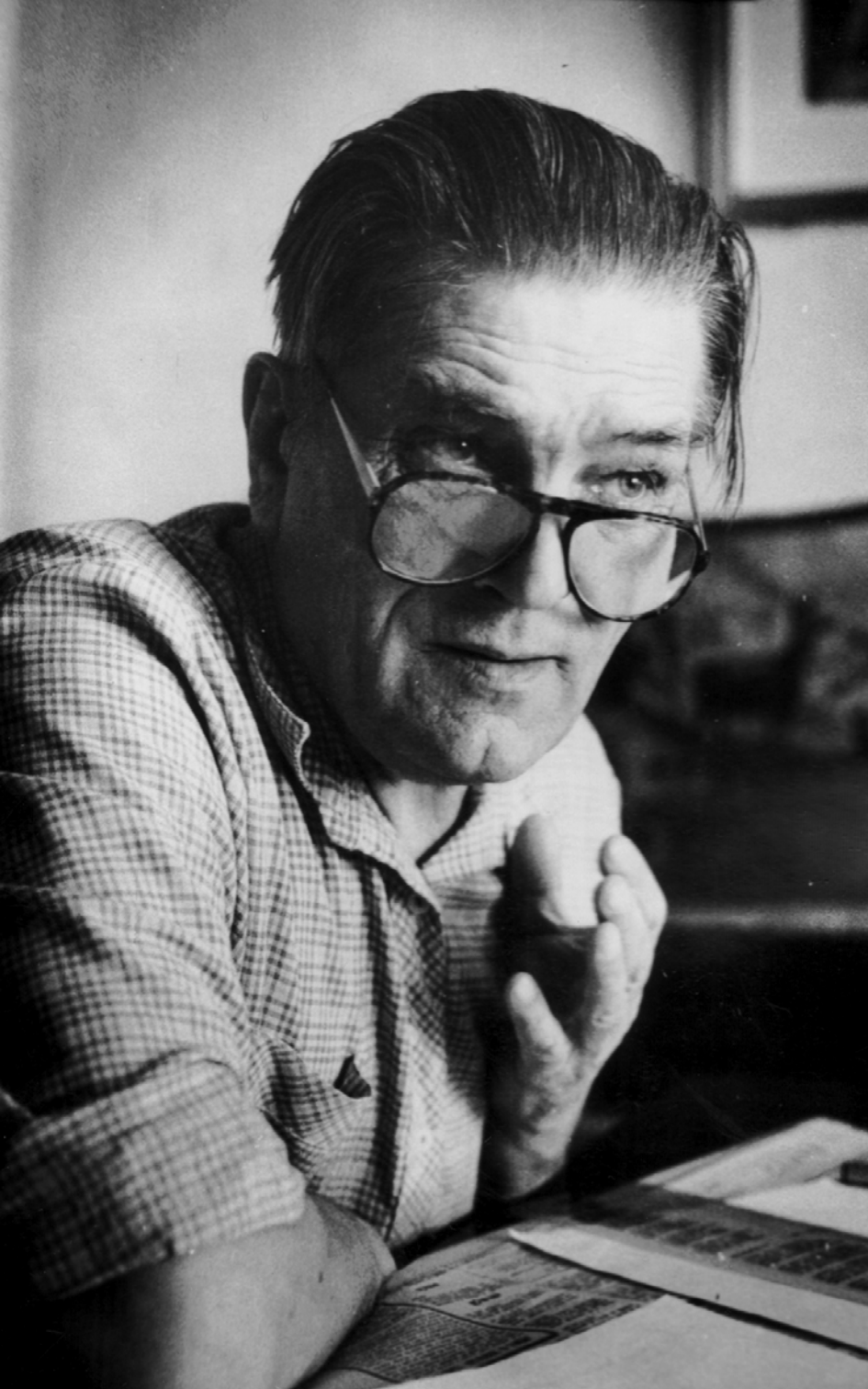


Первые литературные чтения
памяти И. Н. Григорьева



СЛОВО. ОТЕЧЕСТВО. ВЕРА

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 90-летию поэта
Игоря Николаевича Григорьева
(13 ноября 2014 г. Санкт-Петербург,
Пушкинский Дом)

Санкт-Петербург
2015

Слово. Отечество. Вера : материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию поэта Игоря Николаевича Григорьева (Санкт-Петербург, Пушкинский Дом, 13 ноября 2014 г.) / сост. Н. В. Советная. – СПб., 2015. – 216 с.

ISBN 978-5-906782-69-4

Почти через двадцать лет после ухода из жизни поэта Игоря Григорьева о нём заговорили писатели, литературоведы, языковеды, лексикографы, журналисты, с удивлением и восхищением открывая миру истинно русский характер героического человека – партизана, подпольщика, разведчика, фронтовика, самозабвенно любившего родину-Русь и животворное народное Слово, которое у этого мастера заиграло, засияло многочисленными гранями.

Выводы учёных, писателей, общественных деятелей – участников научной конференции «Слово. Отечество. Вера» в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) в ноябре 2014 года, изложенные в статьях данного сборника, убедительно подтверждают, что наследие поэта Игоря Григорьева есть достояние русской культуры.

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906782-69-4

© Международный институт резервных
возможностей человека, 2015

ТОЧКА ОТСЧЁТА

Первые литературные чтения памяти Игоря Григорьева (1923–1996) «Слово. Отечество. Вера» – завершающее событие в череде мероприятий, посвящённых 90-летию со дня рождения замечательного русского поэта, молодость которого пришлась на горячие годы Великой Отечественной войны. Юбилейные вечера памяти Григорьева накануне празднования 70-летия победы над фашистской Германией в столицах и многочисленных городах России и Беларуси стали свидетельством любви к живому поэтическому слову Игоря Николаевича, которому принадлежат мудро-смирненные строки:

Что привелось перенести,
О чём молчу,
Чем вечно маюсь,
Как я тебе – ты мне прости!..
(«Признание»)

Почти через двадцать лет после ухода поэта о нём заговорили писатели, литературоведы, лингвисты, журналисты, с удивлением и восхищением открывая миру истинно русский характер героического человека – партизана, подпольщика, разведчика, фронтовика, самозабвенно любившего родину-Русь и животворное народное Слово, которое у этого одарённого мастера заиграло, засияло многочисленными гранями.

Поэзия Игоря Григорьева, озарённая светом великой победы над фашизмом, впитавшая дух суровой и раздольной Псковской земли, благодать озерно-лесной Витебщи-

ны, торжественное величие града Петрова, мощь и сдержанную красоту русского севера и сибирской тайги, настоящая на безмерной любви его православного сердца, жива во времени. И уже это даёт право называть её настоящей, подлинно народной!

В конференции «Слово. Отечество. Вера» состоявшейся 13 ноября 2014 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук в Санкт-Петербурге, приняли участие учёные, писатели, общественные деятели из Москвы, Минска, Санкт-Петербурга, Тюмени, Пскова. Их выводы, изложенные в статьях данного сборника, убедительно подтверждают, что наследие поэта Игоря Григорьева – есть достояние русской культуры.

И. Григорьев умел забывать о себе и искренне, самоотверженно помогал людям. Если он замечал у человека хотя бы искорку литературного таланта, то окрылял, заражал творчеством и... радовался, радовался каждой удавшейся поэтической строчке товарища. Редкая способность!

Не промыслительно ли, что именно конференция «Слово. Отечество. Вера» как Первые чтения памяти Игоря Григорьева в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) стала отправной точкой для возобновления исследований литературного творчества писателей второй половины XX века и нынешнего времени? И это при отсутствии государственного финансирования данного проекта с 90-х годов прошлого столетия. Истинно, истинно – неисповедимы пути Господни!

Заинтересованный читатель найдёт в настоящем сборнике, кроме статей о творчестве и жизни поэта, биографическую справку, библиографию и словарь эпитетов-окказионализмов И. Н. Григорьева (автор-составитель А. П. Бесперстых), информацию об авторах сборника, протокол конференции и, конечно, соприкоснётся с поэзией замечательного русского поэта.

Н. В. Советная

«СЛОВО. ОТЕЧЕСТВО. ВЕРА»

Международная научная конференция,
посвященная 90-летию Игоря Николаевича Григорьева

*Творчество поэта и воина И. Григорьева
и писателей его поколения*

13 ноября 2014 г. Санкт-Петербург, Пушкинский Дом

Б. А. Орлов. «Да тебе ль стихам не верить в храме лирики, Григорьев!»

С.-Петербург, С.-Петербургское отделение СП России

А. А. Горелов. Об Игоре Григорьеве.

С.-Петербург, Пушкинский Дом

Н. В. Советная. «Нас в люди выводила Русь» (обзорный видеоряд о жизни И. Григорьева).

С.-Петербург, МИРВЧ

В. В. Шугля. «На всех одна земная ось»: о патриотизме И. Григорьева.

Тюмень, Общественная палата РФ

Б. А. Леонов. Григорьев в воспоминаниях современников.

Москва, Литературный институт им. А. М. Горького

А. М. Любомудров. «Мучаюсь бедами нашей горестной родины...»: Россия Игоря Григорьева.

С.-Петербург, Пушкинский Дом

А. Н. Андреев. «Болен лирикой»: феномен поэтического мировосприятия И. Григорьева.

Минск, БГУ

Г. Н. Ионин. Еще один голос России.

С.-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена

Н. А. Пителина. Мотив памяти в поэзии И. Григорьева.

Псков, ПГПУ им. С. М. Кирова

А. С. Ольхин. Презентация книг, посвященных жизни и творчеству И. Григорьева.

С.-Петербург, МИРВЧ

Открытие выставки, посвященной творчеству И. Григорьева. Выставку представляет Д. В. Григорьева.

М. П. Поздняков. «Говорят про тебя, что ты – Белая Русь»: И. Григорьев в Беларуси.

Минск, СП Беларуси

Г. Б. Пациенко. «Отчее слово»: мировоззренческие особенности творчества И. Григорьева.

Москва, СП России

А. Ю. Цепина. «Брошенные в пространство»: отражение экзистенциального мироощущения человека XX в. в стихотворении И. Григорьева «Спит земля...».

Псков, ПГПУ им. С. М. Кирова

В. В. Васильев. «Я иду через покосы прямиком...» Псковскими дорогами Игоря Григорьева – экологическая тропа.

Псков, отделение СП России

Т. К. Никольская. Образы гражданской лирики в творчестве И. Григорьева и Л. Никольской.

С.-Петербургский христианский университет

О. Н. Ярошенко. Перифраза в повести И. Григорьева «Все перемелется».

Минская обл., Ильянская средняя школа

Подведение итогов Международного литературного конкурса «Я не мыслю себя без России», посвященного 90-летию Игоря Григорьева.

Награждение лауреатов и победителей проводит сын поэта, д. м. н., профессор, писатель, священник Григорий Игоревич Григорьев.

Н. В. Переяслов. Заключительное слово.

Москва, СП России

Б. А. Орлов

**«ДА ТЕБЕ ЛЬ СТИХАМ НЕ ВЕРИТЬ
В ХРАМЕ ЛИРИКИ, ГРИГОРЬЕВ!»**

Игорь Николаевич Григорьев любил повторять: *«А мне было легко, потому что было и есть у меня три матери: первая – Богородица – Царица Небесная, вторая – Родина – Россия чудесная, а третья – это моя матушка родная Мария Васильевна – прелестная».*

Юбилейный год поэта и воина Игоря Григорьева – 90-летие со дня рождения – завершается нынешней конференцией **«Слово. Отечество. Вера»**. Здесь, в Пушкинском Доме, рядом с университетом, в котором он когда-то учился, Поэт собрал со всех концов нашей огромной страны и из братской Беларуси не просто ценителей русской поэзии, не просто профессионалов и любителей поэтического творчества, но истинных патриотов, для которых слово «Родина» звучит одинаково значимо со словами «Мать» и «Богородица».

Для него, бригадного разведчика 6-й Ленинградской партизанской бригады, легендарного руководителя плюссских подпольщиков и разведчиков, никогда не имела значения национальность человека, он любил всех.

Важно было другое: Душа, Совесть, Правда, Бог. Горько, болезненно переживал он беды и горести Отчизны, защищая которую, был четырежды тяжело ранен и контужен. В последние дни своей жизни Григорьев продолжал горевать: *«Я живу больно, грустно и горестно: мучаюсь бедами нашей горестной родины – России...»*.

Он ушел в 1996 году, в разгар развала Союза и разгула беспредела. Не знал, но с надеждой на возрождение России восклицал: *«Поверю в весеннюю Русь!»* – и смиренно ждал своего часа:

...Я, родина, тебе не надоем
Ни шумом, ни докучною любовью,
Не знай меня, свети пока любому.
Я подожду. Тебе не надоем.

Час воскрешения настал. Он вернул народной памяти имя истинно русского поэта с пронзительно-русским словом, глубинной мощью русского духа – имя Игоря Николаевича Григорьева.

Символично, что прошли памятные литературные вечера в Санкт-Петербурге, Минске, Москве, Пскове, Полоцке, Новосибирске, на Витебщине, завершается Международный конкурс лирико-патриотической поэзии «Я не мыслю себя без России», стартовала Международная научная конференция «Слово. Отечество. Вера», посвященные юбилею Игоря Григорьева, как раз накануне торжественных исторических дат – 70-летия снятия блокады города-героя Ленинграда, освобождения от немецко-фашистских захватчиков Беларуси, Украины, великой Победы нашего народа над фашистской Германией.

Символично, что, возвращаясь к читателю великолепной лирической и гражданской поэзией, Игорь Григорьев словно поднимает русское знамя над матушкой Россией, вновь прирастающей землями, объединяющей народы, единственно противостоящей хаосу, растлению, войнам.

На ленинградской земле учился Григорьев литературному и поэтическому мастерству, здесь обрел семью и множество друзей, отсюда уехал создавать Псковское отделение Союза писателей России, но снова вернулся, теперь уже в Санкт-Петербург, чтобы остаться навсегда.

Имея признание и собственные книги, Игорь Николаевич, как и всякий творческий человек, все же нет-нет да и задумывался: а получались ли у него стихи – настоящая Поэзия? И сам же восклицал: *«От сомнения воскресни!.. Да тебе ль стихам не верить / В храме лирики, Григорьев!»*.

Уверен, что наша конференция, посвященная творчеству Игоря Григорьева, напрочь развеет все сомнения и еще раз подтвердит прочность, важность, актуальность, жизненность и вечность его поэзии.

Завершается юбилейный год, но рожденные им ежегодный Международный конкурс лирико-патриотической поэзии и литературные чтения имени Игоря Григорьева «Слово. Отечество. Вера» только начинают свой путь во времени. Сегодня мы поздравим первых финалистов, лауреатов и победителей конкурса. Услышим весомое, аргументированное, научное, профессиональное слово филологов и писателей о творчестве поэта и воина Игоря Григорьева.

Г. И. Григорьев

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА

В Евангелии говорится, что Господь сказал ученикам: «Ищите же прежде всего Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (Мф 6:33). Преподобный Серафим Саровский добавил к словам Спасителя притчу о трёх капиталах: денежном, чиновном и духовном. Если духовный капитал является главным для человека, то ни деньги, ни чины, ни что другое не повредит ему.

Если у человека отсутствует главенствующее значение высших духовно-нравственных ценностей, либо происходит их подмена, то он, человек, попадает в зависимость от всего временного и тленного. Об этом «Сказка о золотой рыбке». У старухи была главная мечта о новом корыте, но когда она его получила, ожидаемой радости не случилось, радость была недостаточной. Тут же захотелось новую избу, потом стать боярыней, царицей и особым образом унижить золотую рыбку – стать владычицей морскою...

Собственно, в этом – суть любой зависимости: чем больше доза, тем больше «кайфа» и больше «ломки».

Настоящее время – время роста в человеческом обществе патологических зависимостей. Ещё 20 лет на-

зад в международной классификации болезней их насчитывалось чуть больше десятка, сейчас – более 400. И количество заболеваний увеличивается. Подобное состояние общества свидетельствует об оскудении духовно-нравственных ценностей. Их место занимают патологические зависимости.

Этот процесс начался еще в бытность первого человека Адама. Господь показывал ему Райский сад как будущему садовнику, который станет трудиться в Раю, общаться с Богом и через труд, созерцание и общение достигнет обожения. И тогда на этом новом духовном уровне он получит возможность вкусить плод с древа Добра и Зла.

Однако змей-искуситель уговорил Еву сократить период духовного обучения в Раю, сказав: «Съешь сей плод – и будете, как Боги!». Божий замысел нарушен...

Как это напоминает нынешний, всем известный лозунг современности «Бери от жизни всё!» и ведущую к нему дорогу: «Съел – и порядок!». По сути, это дорога любой зависимости, перед которой оказывается человек, если у него произошла подмена высших духовно-нравственных ценностей.

Когда ученики спросили Христа, где им искать Царствие Небесное, Спаситель ответил: «Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: “вот оно здесь” или “вот там”. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк 17:20). Поиску Царствия Небесного, которое внутри нас есть, и призвана служить настоящая поэзия и в целом – художественная литература.

Выдающийся немецкий психиатр Карл Ясперс, один из основателей христианско-демократической

партии Германии, исполнявший обязанности канцлера Германии после победы над Гитлером, в одной из научных работ, посвящённых состоянию человеческого общества, писал, что оно может находиться в трёх состояниях: человеческая масса, где каждый сам за себя; зрители – когда масса объединяется единым зрелищем; народ – если есть единая вера.

Таким образом, без единой веры, без единого понимания Добра и Зла, опирающегося на Заповеди Божьи, нет народа. Художественная литература в своём Богом данном предназначении помогает человеку обрести высшие духовно-нравственные ценности как путь в Царствие Небесное, которое внутри нас есть.

Н. В. Советная

**«СЖИГАЙ СЛОВА,
ЧТОБ СОХРАНИТЬ МОТИВ...»**

...Россия, Россия, Россия,
Победы терновый венец...
И. Григорьев. Русский урок

Не так давно моя добрая знакомая Татьяна Викентьевна, когда-то сотрудница толстого литературного журнала, огорчённо-растерянно поделилась: сокурсница не только не поняла, но удивилась тому, что женщина всерьёз порекомендовала внучке прочесть роман Александра Фадеева «Молодая гвардия», – мол, нашла что читать! Несовременно. Мальчишки, девчонки – герои? Да правда ли то, что написано!?

Мне тут же вспомнилась моя землячка – белоруска Нина Старцева, родом из деревни Березно Вышедского сельского совета Городокского района Витебской области. Перед войной она вместе с семьёй переехала на Донбасс, в посёлок Краснодон. Здесь и вступила в группу молодых мстителей во главе с Николаем Сумским. Ей было 17 лет.

Еще вспомнилось о героях «Молодой гвардии», когда всматривалась в юные лица на снимках подпольщиков посёлка Плюссы, что на Псковщине: Коля Никифоров, Вася Иванов, Петя Векшин, Гена Шавров,

которым на начало войны было по тринадцать–четыре-
надцать лет. Люба Смурова, Борис Воронков, Люда
Маркова, Женя Севастьянов, Рая Воронцова, Игорь
Григорьев – все только-только со школьной скамьи.
По-юношески горячи и отважны, но по-взрослому
выносливы и суровы. Дети войны – подпольщики,
партизаны...

Игорю Григорьеву, будущему пронзительно-рус-
скому поэту, исполнилось восемнадцать лет 17 ав-
густа 1941 года, когда фашисты уже господами-хо-
зяевами расхаживали по Псковской земле. К тому
горестному времени Игорь, сын крестьянского поэта
Николая Дмитриевича Григорьева, офицера – ротного
Первой мировой, участника Брусиловского прорыва,
награждённого Георгиевским крестом, писал не про-
сто стихи, а одухотворенные поэзией горячие строки:

...Никому спасенья от крестов безбожных!
Никакого лета в убиенных пожнях.
Грех и разоренье, кровь и унижение.
Умирают сёла, как в костре поленья...
Обмерла осинка у горюнь-крылечка,
Будто потеряла знобкое сердечко, –
Горькая не может в быль-беду поверить:
Мёртвых не оплакать, горя не намерить...
(«Лихо», 1941)

Под руководством Игоря Григорьева подпольщики
Плюссы нарушали, где могли, немецкую связь, под-
сыпали гравий в буксы вагонов, писали и расклеивали
листовки, помогали беженцам и военнопленным, со-
бирали оружие, вели наблюдение за передвижениями
врага...

*В тот час в п. Краснодон дети готовились к шко-
ле, не ведая, что она вскоре превратится в госпиталь
для раненых, у постели которых Нина Старцева вме-
сте с подругами будет дежурить по ночам. Лишь в
июне 1942 года врагу удастся прорваться на Донбасс,
где их встретит сопротивление молодогвардейцев.
Они сжигали хлеб, угоняли в степь скот, чтобы не
достался врагу, нарушали линии связи, расклеивали
листовки со сводками Совинформбюро...*

В начале июня 1942 года Игорь Григорьев, Миша
Логинов, Фридрих Веляотс, вместе с плюсской мо-
лодёжью отправленные немцами в телячьих ваго-
нах в Латвию, за лошадьми, возвращались в Плюссу.
Страшно хотелось есть, все были простужены, обес-
силены, немые, в чирьях... И всё же как-то неза-
метно из сорока человек образовалась небольшая, но
крепкая группа сопротивления во главе с Игорем Гри-
горьевым и Михаилом Логиновым. Пока шел обоз,
ребята незаметно выводили из строя лошадей, раста-
скивали продукты, предназначенные фашистам, – что
съедали, что выбрасывали в кусты. Однажды немцы
пронюхали кражу. Не расстреляли, но выпороли за-
чинщиков, а Мишу с Игорем отправили в Локню – в
гестапо. До места назначения они не добрались: охра-
нявший их солдат – чех Франтишек – помог бежать...

*Осенью 1942 года штаб «Молодой гвардии» по-
становил в честь 7 ноября вывесить на улицах Крас-
нодона флаги. Сшили флаг и Нина Старцева с Ли-
дой Андросовой, а водрузили его Николай Сумской и
Александр Шищенко. Утром жители посёлка увидели*

радостно развевающееся красное полотнище – предзнаменование победы!

«Знамя у немцев, – писал Игорь Николаевич Григорьев в автобиографической повести «Всё переделается», – было ошеломляющее: кроваво-красное полотнище (обычно из шёлка), на которое нашит белый круг во всю ширину, а в кругу, опять же нашита, толстая абсолютно чёрная свастика – *Nakenkreuz*, “крюк-крест”. Такое знамя висело в Плюссе на флагштоке перед солдатским казино (бывший банк). Когда его касался ветер, оно начинало шевелиться, будто ползла неимоверно мерзкая и страшная гадина. Оно повергало в трепет и вгоняло в ужас проходящих мимо невольников. Не буду записывать: на себе испытал».

Не успел Игорь после возвращения отлежаться в отцовском доме, как его вызвали на биржу труда и предложили работать в местной комендатуре 858 переводчиком. Григорьев превосходно владел немецким: у него от природы была цепкая, прочная память и просто дар Божий к языкам. Неслучайно он стал мастером глубинного русского языка, и уже над его книгами трудится теперь талантливый филолог Анатолий Павлович Бесперстых из Новополюцка, автор многочисленных, в том числе оригинальных, словарей.

Не сразу, лишь после благословения Тимофея Ивановича Егорова, командира Стругокрасненского межрайонного подпольного центра, давшего для связи пароль «Зажги вьюгу!» и отзыв «Горит вьюга!», согласился Игорь на ненавистную работу в комендатуре.

...Мы вырвемся отсюда
На волю, в лес – наш дом.

Где можно быть собой,
К своей братве причалить,
Из-за угла не жалить,
Где бой – открытый бой.

Так будет! А пока,
По горестному праву, –
Я тут – «герр», вы – «фрау»,
Ловчим в гнезде врага...

(«В комендатуре»)

Проработал Григорьев там ровно три месяца: от 11 марта до 11 июня 1943 года, когда лейтенант Абт из фельджандармерии потребовал от переводчика Эгона (так немцы звали Григорьева) надеть германскую военную форму. Игорь категорически отказался и был отправлен из комендатуры на временную работу: возить на специальной тележке почту на вокзал.

– А когда наберём партию на этап, отправитесь в Германию! – предупредил, ухмыляясь, Абт.

Оставшись в Плюссе и воспользовавшись приказом бургомистра снарядить и доставить в посёлок подводы со строительным инвентарём для ремонта дороги, Игорь Григорьев и Люба Смурова помогли начальнику разведки майору Хвоину Ивану Васильевичу некоторое время легально пожить в Плюссе. Он огляделся, познакомился с подпольщиками, сам оценил обстановку для планирования дальнейшей работы молодёжного сопротивления.

Группа Григорьева обезвредила и передала партизанам крупного карателя, офицера СД, связного

местных немецких агентов полковника Отто фон Коленбаха, представлявшегося журналистом и фоторепортёром Гольдбергом, и его переводчицу из прибалтийских немцев фрау Эмилию Пиллау. Операция была проведена так умно и ловко, что не вызвала у фашистов никаких подозрений об участии в ней местного населения.

Подпольщикам не раз удавалось предупреждать и тем самым спасать от угона в Германию ребят и девочек Плюссы, выдавать евреям документы с русскими фамилиями и именами, оберегая от смерти. Однажды Игорь вместе с младшим братом Львом Григорьевым предотвратил гибель партизан Стругокрасненского подпольного центра, вовремя поставив в известность командиров о готовящейся карательной операции. Но отвести смерть от друга Жени Севастьянова, работавшего шофёром, не смог.

25 июля 1943 года, во время проведения операции по захвату шефа районной полиции Якоба Гринберга и документов – списков лиц, состоящих на службе у жандармов, Евгений был схвачен и в тот же вечер повешен на дереве возле гаража. Его предал девятнадцатилетний полицей из местных – Лёнька Смирнов, с удовольствием носивший вражескую форму: «Что ни говори, красивая форма. Гляди, как хороша! Как ладно она сидит на мне! И ремень настоящий, кожаный. И пистолет на ремне в кожаной кобуре»¹.

11 августа 1943 года, день в день через два месяца после ухода Игоря из комендатуры, тайной полицией была арестована Люба Смулова, работавшая на бир-

же труда. Накануне по просьбе Григорьева она вынесла из биржевой картотеки карточки на подозреваемых немецких агентов – от «цеппелиновцев» до сотрудников СД.

– Возвращу завтра. Сегодня не могу: вечером ухожу на связь с центром, – пояснила командиру.

Вместе с Любой немцы взяли её тётку Ирину Егорову с дочкой Анной и переводчика лагеря военнопленных Игоря Трубяччинского. Григорьева подпольщики успели предупредить: «В доме – засада. Уходи!».

Всю ночь, до выхода из посёлка в лес (пробираться пришлось через минное поле), Игорь писал стихи, посвященные Любе Смуровой, которую не мог позабыть до последнего своего дня, как и не мог простить себе, что не настоял, не потребовал, не приказал вернуть карточки на биржу сразу.

Арестованных подпольщиков, измученных пытками, расстреляли в ночь на 16 сентября 1943 года.

Недоступен лик и светел,
Взгляд – в далёком-далеке.
Что ей вёрсты, что ей ветер
На бескрайнем большаке.

Что ей я, и ты, и все мы,
Сирий храм и серый лес,
Эти хаты глухонемы,
Снег с напуганных небес.

Жарко ноженьки босые
Окропляют кровью лёд.
Горевой цветок России,
Что ей смерть? Она идёт!

(«Последний большак»)

¹ Кириллов В., Клёмин В. Огненный круг: очерки о плюсских разведчиках // Поэт и Воин: книга воспоминаний. СПб., 2013. С. 217.

В начале 1943 года в Краснодоне начались повальные аресты. Были схвачены Жданов Володя и Сумской Николай, а 12 января гитлеровцы ворвались в квартиру Старцевых. Не позволив Нине даже одеться, вывели её на мороз и под конвоем отправили в городскую полицию. Девушку подвешивали к потолку за волосы-косы, загоняли иглы под ногти, жгли ноги раскалённым железом... Как и Люба Смурова, семнадцатилетняя Нина Старцева оказалась сильнее пыток.

Ночью 16 января (именно в этот день, через 53 года, в 1996-м, уйдёт из жизни поэт, подпольщик, партизанский разведчик Игорь Николаевич Григорьев) всех арестованных молодоговардейцев погнали к шахте № 5 с 53-метровым шурфом, чтобы продолжить пытки. Их били, вырезали на юных телах звёзды, жгли железом и сбрасывали в страшную пропасть шахты...

16 ноября 1943 года Игорь Григорьев ушёл в деревню Волково Плюсского района, в распоряжение 6-й партизанской бригады. Прикрывая отход партизанского обоза, получил первое ранение. Спасся чудом: удалось под непрерывным «шмайссерским» обстрелом немецких егерей доползти незамеченным до спасительных кустов. Полуживого разведчика подобрала и выходила крестьянка деревни Посолодино Ольга Артемьевна Михайлова. Игорь еще прихрамывал, когда вернулся в отряд. И сразу вместе с братом Лёкой (так звали его партизаны), переодевшись в немецкую форму, ушел на задание. Задача по захвату шефа районной полиции Якоба Гринберга оставалась нерешённой.

Гринберг услужливо готовился к встрече немецких офицеров, а разведчикам был известен пароль: «Фатерлянд». 26 сентября 1943 года, удачно захватив полиция, братья Григорьевы возвращались в лес. Они не знали, что у деревни Носурино по доносу старосты их ждала немецкая засада... Через десять дней после расстрела Любы Смуровой не стало и Льва Григорьева. До 26 февраля, дня его совершеннолетия, он не дожидился ровно пять месяцев.

Ты меня прости:
Без слёз тебя оплакал.
Умирили избы, ночь горела жарко.
На броне поверженной германская собака,
Вскинув морду в небо, сетовала жалко.

Жахали гранаты,
Дым кипел клубами,
Голосил свинец в деревне ошалелой.
Ты лежал ничком, припав к земле губами,
Насовсем доверяясь глине очерствелой.

Вот она, война:
В свои семнадцать вёсен
Ты уж отсолдатил два кромешных года...
Был рассвет зачем-то ясен и не грозен:
Иль тебе не больно, вещая природа?

(«Брат»)

– Предателя уничтожить, а его дом – сжечь! – приказал Игорю руководитель центра Тимофей Егоров.

Григорьев зажёл паклю на чердаке дома старосты, зашёл в горницу и замер: в красном углу перед иконами теплилась лампадка...

Командиру Игорь доложил, что убить хозяина дома не смог:

– Не палач я...

Отважный разведчик, не единожды выполнявший сложные боевые задания, с трудом сдерживал боль, гнев и ненависть к врагам. Бывало, что «в форме немецкого хауптмана заявившись во вражеский гарнизон... приставал к германскому нижнему чину, заставляя его козырять [ему], гоняя строевым шагом, распекая захватчика самыми обидными немецкими ругательствами...». Но расстрелять захваченных в плен солдат-охранников фашистского сенопункта не смог. Вражеская команда состояла из пожилых, больных, нестроевых немцев-инвалидов, которые и сопротивляться-то не были способны: слепой, горбатый, дурной... «Не по мне это – расстреливать... Я не могу. Таких калек грех бить...» – решил Григорьев и отпустил вояк идти не к своим (германцы точно бы к стенке поставили), а навстречу Красной Армии. Дальше – как Бог даст! И в третий раз не смог Игорь «пустить в расход» немца, сдавшегося в плен вместе с танком и передавшего партизанам ценные документы, – выдал ему банку германской тушенки, пачку галет, поменялся с ним одеждой, да и отпустил восвояси... – «Не палач я!»

...А я, как мой Пророк, мечту лелеял тоже:
И ворага любить, и милость к падшим звать,
Но... меч в моей руке! Помилуй, Правый Боже:
Любовью надо жить и, значит, убивать?

Звенел калёный зной, как в цель попавший выстрел,
Дымилась, чуя смерть, бессокая трава;
До дна клонило в сон. Да ночь короче искры,
И жаждали испить душа и дерева...

А может, грех роптать? Мой стон не без ответа,
И в пролитой крови у жизни спросу нет, –

Сбылось: пришли дожди, когда сгорело лето,
И стала длинной ночь, когда покой отпет.

(«Удел»)

Вот эти слова: «И ворага любить, и милость к падшим звать» – так или иначе повторяют сию минуту на Донбассе тысячи людей, в одночасье ставшие ополченцами на родной земле многовековой Руси – отмежевавшейся Украине. Как же коротка оказалась человеческая память, если забыты зверства немецких фашистов и собственных оборотней-полицаев, всего-то 70 лет назад измывавшихся над русским человеком. Но и побеждённых – им же!

Необъявленная война на Украине, где убивают не врага-инородца, переступившего чужую границу, а соседа, бывшего одноклассника, родственника, ребёнка, говорящего по-русски... Да мыслимо ли это?! Разум отказывается верить...

Украинорожденные неонацисты-бандеровцы, напитанные с детства бесчеловечной ненавистью, пытаются превзойти жестокостью своих патологически зверских предков, вырезавших за ночь целые сёла («Волынская резня»). Сожженные люди в Доме профсоюзов в Одессе, сотни трупов с изъятymi внутренними органами, тысячи зарытых в траншеи без гробов и имён... Кто пересчитает изнасилованных, изувеченных, замученных пытками? Кто вернёт родителей детям и детей – родителям?

О какой любви к ближнему, тем более к «врагу», может идти речь у нелюдей, которые на одной из вечеринок по случаю нового, 2015 года с садистским наслаждением разрезали на куски и пожирали торт в виде... русского младенца!

Фашиствующий сатанизм. В наше время. На земле
молодогвардейцев...

Игорь Григорьев пророчески предупреждал:

Коль века безумье – «на грани»
Пребудет владыкой судьбы,
Земля, Апокалипсис грянет,
Исторгнув из чрева гробы...

(«Русский урок»)

Планируя новую мобилизацию в украинскую армию, воюющую против своего народа, управляемое извне правительство Петра Порошенко готовит и новое военное кладбище под Днепропетровском площадью 80 гектаров – приблизительно на 160 тысяч захоронений. Отправляя солдат воевать, антинародная власть понимает, что Русский мир Донбасса никогда не смирится с восставшим из ада фашизмом. Ополченцы сражаются за свою землю так же, как когда-то их отцы и деды в Великую Отечественную – живя любовью. Спасают, выхаживают, кормят не только жителей Донецка, Луганска, но всякого просящего помощи, даже пленных солдат ставшей вражеской украинской армии. Русский дух, основанный на жертвенности и православии, непобедим!

...И воев, кто в землю положен,
Не дадено дважды сразить.
У жизни закон не преложен:
Их надо сперва воскресить.

Нельзя повторить сорок первый,
«Смоленский котёл», Ленинград –
Измерить безмерною мерой
Несчётные сонмы утрат.

Нельзя повторить «Дранг нах Остен» –
Клеймёны «паучьим крестом»,
Не те мы теперича ростом
(Хоть люди забыли о том).

Нельзя повторить Нагасаки,
Зане ноне порох не тот.
– Авось перебьёмся без драки...
Нет, люди: «авось» не спасёт!

(«Русский урок»)

Через пятьдесят лет после Победы друзья всё ещё будут утешать Григорьева: «Игорь, милый, какую же вы, партизаны, пережили страсть! Прошу тебя об одном: не мучай себя тем, что ты “отнимал чужие жизни”. Я сейчас скажу тебе слова, быть может, дикие в моих устах – увы! – старой женщины, которой скоро самой умирать: МАЛО ВЫ ИХ, ФАШИСТОВ, УБИВАЛИ! Вот так. Прости меня, ради Бога. Ведь мы (т. е. вы и вся наша страна) не вели войны на истребление народа, которую вели они. Отсюда, т. е. из-за этой подлой, страшной цели, во многом несравнимы наши и их потери: у них всего (на всех фронтах) 8 миллионов, у нас же не менее 30-ти. А теперь уж говорят, что и все 40...» (из письма Е. А. Александровой, 03.08.1995 г., г. Шуя)².

Город Краснодар и прилегающие к нему посёлки были освобождены Красной Армией 15 февраля 1943 года. При проведении спасательных работ из шурфа шахты были извлечены останки 71 молодогвардейца. Нину Старцеву достали на третий день. Изуродованное тело и лицо опознать было невозмож-

² Цитируемые в статье письма взяты из личного архива И. Н. Григорьева, хранящегося у Григория Григорьева, сына поэта.

*но. Анна Андреевна Старцева узнала дочь только по
вышивке на рукаве сорочки и по волосам...*

18 февраля 1944 года, после нескольких налётов на немецкий гарнизон, партизаны вместе с войсками Ленинградского фронта полностью освободили Плюссу от фашистов. Каждый раз проводниками партизан в боевых вылазках были бывшие плюские подпольщики: Игорь Григорьев, Борис Чухов, Владимир Клёмин, Люда Маркова... В посёлок входили неожиданно, забрасывали дзоты и бункеры гранатами, захватывали много трофеев.

...И можешь-не можешь – обязан
Добраться! Добечь! Доползти!
Душа закликает и разум:
Не глина – Отчизна в горсти!..

(«Русский урок»)

Однажды после боя Григорьев неожиданно встретился с отцом, который полгода скрывался от карателей в Манкошевском лесу, в земляном бункере, без хлеба, без одежды. Его жену, Марию Прокофьевну, и дочерей, Тамару и Нину, немцы угнали в Германию, а хату сожгли после того, как Игорь ушёл в партизаны. Отцовский наказ сын пронес через всю жизнь: «Береги себя... Но и воевать за тебя никто не должен. Никто не должен умирать за тебя. Неси свой крест...».

Было прощанье с отцом
Необходимым.
Жгло за окопным кольцом
Прахом и дымом.

Танк дотлевал на крестах,
Сталь вопияла.

Слёзная в снежных местах
Слякоть стояла.

В полымя путь, из огня:
Родина в грозах!..
Вёл ты за повод коня,
Нёс я твой посох.

Крута сыновья стезя:
Долго ль сорваться...
Росстани. Дальше нельзя.
Надо прощаться.

Был ты, как вечер, уныл,
Полон смиреньем –
Трижды меня осенил
Крестным Знаменьем.

Я парабеллум трикрат
Вскидывал в небо:
– Честь тебе, старый солдат,
Выразить треба!..

(«Прощанье»)

В контратаку под деревней Островно 10 февраля командование бросило бригадных разведчиков – 38 человек во главе с комбригом Виктором Обьедковым. Этот страшный бой, переходивший в рукопашный, стал для Игоря Григорьева последним. Осколком разорвавшегося снаряда он был тяжело ранен. С того дня прошёл десятки лазаретов, перенёс восемь операций.

Светлый ангел – сестрица, скажите:
Догорит моя ночь хоть когда?
Длань на рану мою положите:
За окошком ни зги – темнота.

Горькой доли глоток, не бессмертья,
Мне бы надо вкусить позарез!

Кроткий ангел, сестра милосердия,
Неужель я для смерти воскрес?

.....
Я согласен, согласен, согласен
Побрататься с тревогой любой,
Лишь не был мой голос безгласен!
Только б, жизнь, не разладить с тобой!

Чтобы петь на неистовом свете,
Разумея: бессменна страда.
Только б русскую душу на ветер
Не пустить – ни про что – в никуда!

(«Боль»)

В музее «Молодая гвардия» хранились (не знаю о положении в настоящее время, когда на Донбассе идут бои) награды Нины Илларионовны Старцевой: орден Отечественной войны I степени и медаль «Партизану Отечественной войны» I степени, которыми посмертно награждена славная дочь Белоруссии, подпольщица «Молодой гвардии» за доблесть и мужество в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Награды Игоря Николаевича Григорьева: орден Отечественной войны I степени, медали «За отвагу», «За победу над Германией», «Партизану Великой Отечественной войны», «За оборону Ленинграда» – хранятся у его сына, заслуженного врача РФ, профессора, доктора наук, священника, члена СП России Григория Игоревича Григорьева.

«Помяни моё слово»

16 ноября 1943 года Игорь Григорьев ушёл в деревню Волково Плюского района, в распоряжение

6-й партизанской бригады. А в конце месяца, во время диверсии на железной дороге, был тяжело контужен. Во время вынужденного «отдыха» взялся за шлифовку написанной в партизанском отряде пьесы «Чёрный день».

Накануне нового, 1944 года коридор школы-восьмилетки в деревне Клескуши Лужского района Ленинградской области превратился в театральную сцену и зрительный зал одновременно. Премьера спектакля прошла с огромным успехом. А в середине января 1944 года Игоря пригласили в политотдел. Молодой офицер с поблескивающим на груди орденом Отечественной войны, старший лейтенант Васенин – фотокорреспондент ТАСС, похвалил пьесу, с которой успел ознакомиться, и предложил Григорьеву почитать стихи. Больше часа он внимательно, не перебивая, слушал.

– Перепиши мне в блокнот стихотворение «Контратака», – попросил и добавил: – Останешься цел – далеко пойдешь, поэт. Помяни моё слово.

Игорь старательно записал:

На взло...на взлобке – взрыв за взрывом,
В ста саженьях – не наша власть.
Мы выстроились под обрывом
(Куда снарядам не попасть).

Нас – тридцать восемь, чад разведки,
Сорвиголов лихой войны.
Предстал комбриг: – Здорово, детки!
Сам поведи! Беречь штаны!..

И он, как русский волк матёрый,
На лёжку прусских кабанов
Метнулся, яростный и скорый!
И было нам не до штанов.

Всклень в лихорадке наважденья,
Войдя в злосчастный русский раж,
Мы проломили загражденья,
Вбегли, втекли, вползли на кряж.

И там, и там – во гнёздах гажьих –
В окопах, глыбью до груди,
Сошли с ума две силы вражьих –
Врагу, Господь, не приведи!

2 сентября 1956 года в «Псковской правде» впервые была опубликована подборка стихов Игоря Григорьева, к тому времени окончившего филологическое отделение Ленинградского университета. «Все-рьёз думать о стихах, – писал поэт, – не без влияния отца [Николая Григорьевича]... стал с 1940 года. А с 1963-го – Поэзия всецело завладела моим существом. Люблю её! И ни на что не променял бы!» В том же году Григорьев был принят в Союз писателей СССР. В 1967 году он переехал в Псков, где вместе с прозаиками Львом Колесниковым и Юрием Курановым при поддержке секретаря обкома КПСС Ивана Семёновича Густова создал и возглавил Псковское отделение Союза писателей. При жизни поэта было издано 22 книги лирики. Последние из них – посвященные стихотворения «Кого люблю» (1994), стихи о войне «Набат» (1995), избранные стихи «Боль» (1995).

Предчувствуя свой скорый уход, Игорь Николаевич желал через горячие строки передать, оставить всем друзьям, добрым людям, встретившимся на горестном жизненном пути, чуткому читателю, потому что последнее слово Поэта, заветную песню души – «сжигай слова, чтоб сохранить мотив»... Книги он раздарил, разослал по знакомым адресам в самые дальние угол-

ки страны. И ждал. Отклика, мнения, разговора... В который раз, наверное, испытывая смутное извечное сомнение: «Поэт ли я?».

В апреле 1995 года в 37-ю квартиру дома № 57 на Рижском проспекте Пскова (установлена мемориальная доска) пришло письмо на имя Григорьева от его тверского друга-писателя:

«Незабываемый Игорь Николаевич! Книгу “Боль” прочитал за два дня по получении. И одолело меня чувство: напишу ему целый трактат в порядке отзвука. Времена столь тяжкие, что надо как молитву повторить: “В том строю не признавал я многое, в этом строе отвергаю всё”. Книга, насколько я понимаю, получилась цельная, берущая за душу. Замечательное, глубокое предисловие. Молодец Владислав Шошин! Уникальная глубина твоего видения мира, русский дух – затронули меня ещё лет двадцать назад, когда Н. Игнатьев принёс твою книжечку... В глухие, тяжёлые годы ты сложился как поэт. Многие стихотворения я воспринимаю как ребусы, налицо эзоповский язык, стиль. В наши дни выплёскивания и души, и требухи, господства наглого надтекста, крика (в том числе и в поэтическом творчестве), как-то по-особому воспринимаешь твою лирику. Она с глубоким подтекстом, у тебя не крик о боли, а глухие, целомудренно скрываемые стенания. И это, я думаю, усиливает впечатляемость.

Как поэт-профессионал, ты чётко знаешь, что – твоё, а что – не твоё. В книжке избранного ты остался верен себе, как жизненный художник...

Твой В. Крюков».

«Спасибо за “Боль”, дорогой Игорь Николаевич! – писала из Новосибирска А. Е. Мелинова. – Поздравляю Вас с отличной книгой. Ваши стихи люблю. Читала. Наслаждалась. Какое-то колдовство. Так всё зримо, так искренне, так точно. Стихи ложатся на сердце, стихи – полные любви к природе, к людям. Они особенно дороги сейчас, когда люди озлоблены и не замечают ничего вокруг. Ни друзей, ни красоты природы. А как Вы чувствуете ее, как говорите о ней! Какие точные и неожиданные сравнения, эпитеты, интонации... Еще порадовала меня Ваша книга тем, что, значит, Вам работается, несмотря ни на что! И слава Богу!..»

Вера Фёдорова из Плюсского района, та самая, которой во время войны немец обрубил руки с хлебом, приготовленным для партизан (поэма «Вьюга»), та самая Вера Фёдорова, помогая которой поставить новый дом под крышу, Игорь Григорьев отдал всё, что у него было – пенсию, до копеечки, – сообщала: «Получила Ваш сборник стихов – усладу для сердца... Спасибо еще раз, дорогой ветеран, за великую победу – праздник со слезами на глазах! Да хранит вас Господь!».

Из Петербурга пришло письмо от Р. К. Королевой:
«...С ответом-благодарностью за твой прекрасный новогодний подарок – твои новые книги. Я должна была бы сразу выразить свое удовольствие и высокую оценку компоновки стихов и похвалить их прекрасную языковую живость. Вслух-то я возопила сразу, и тотчас обзвонила добрых друзей, которые в

этом понимают, и передала книги Юлии. Мне даже совестно, что ты сам отправил эту бандероль: будь уверен, что я в высшей степени оценила этот жест по этикетной стороне и по дружескому расположению. В тем большей степени я – негодяйка, не написавшая сразу! Но зато я с физическим удовольствием прочла стихи, прониклась этой живой энергией истинного, природного русского языка и еще раз ощутила разницу между гладкопишущими русскоязычными и избранными носителями настоящей поэзии русской речи. Не в обиду мужчинам будь сказано, а поэтов-то нутряных сейчас совсем мало: ты да... и не знаю, кого назвать... я ведь только по публикациям знаю... Но всяких Кибировых да Приговых я не принимаю в расчёт, это мальчишки-игруны. А мужчины – остались в прошлом – и Рубцов, и Орлов, и Горбовский, и... смотри-ка сколько было дивных мужиков!

Но зато женщины – сейчас на высоте. Конечно, опять же я знаю только журнальные подборки, но какой материал! (Это я хочу похвалиться, что не лыком шита, имею слух!..) Но ведь это правда: женские стихи поражают. Что-то, наверное, изменилось в равновесии мира...».

Василий Цеханович, участник Великой Отечественной войны, полковник, писатель и журналист был знаком с Григорьевым со студенческих лет. В газете «На страже Родины» печатал его стихи и даже прозу. Об этом писал: «Помнится, ты как-то принёс мне страниц десяток необычного для тебя, нестихотворного текста. Это было отменное, нестандартное, согретое искренним чувством повествование...».

Новые поэтические сборники удивили друга:

«Не чудо ли, что в теперешнем своём положении ты выпускаешь одну книжку за другой? Ой, как непросто это в наше сумасшедшее время! И книжки выпускаешь, и пишешь, пишешь. Хотел бы уравниаться с тобой в работоспособности, да вот не получается. Жду с нетерпением “Плач по Красухе”, который разрастается, по-видимому, из знакомого мне одноименного твоего стихотворения. Что-то он вберёт в себя теперь?

Нетленный образ Красухи переходит из одной твоей книжки в другую. Уничтоженная врагом деревня живёт в твоей памяти и не может оставаться только в ней. Тебе нельзя не закончить “Плач...”. Срок, отведённый для работы – два месяца – маловат. Есть смысл продлить его. Чтобы ничего не скомкать и не изнурить себя чрезмерно...».

Ты взошла на холм,
Скорбна и грозовита.
Ты устала,
Босы ноженьки болят,
Ты – из камня,
Ты – из мёртвого гранита,
Ты – немая,
Но душа твоя – набат...
(«Красуха»)

О. Малышева, пережившая часть блокады в Ленинграде (в архиве музея ЛГУ хранится её рукопись на основе блокадных дневников, выдержки из которых опубликованы в книге «ЛГУ в годы Великой Отечественной войны»), в большом доверительном письме благодарила Игоря Николаевича «за такую славную книгу, трогающую за сердце»: «Вы не только хорошо

её написали, но и прекрасно назвали “Боль”, что, к сожалению, отражает многое в Вашей жизни и теперешнее Ваше состояние. И невозможно без боли и сострадания смотреть на Ваш портрет с той же болью в глазах, но и с болью не только за себя, но и за многое и за многих, т. е. с христианским состраданием! Какое счастье, что мы доживаем до такого возраста, когда Бог даёт нам изведать это чувство!».

Писатель А. А. Романов, издавший в то время книгу лирико-философской и публицистической прозы «Искры памяти» – воспоминания о Н. Рубцове, С. Орлове, А. Твардовском, Я. Смелякове, Ф. Абрамове, В. Быкове, В. Белове и др., готовясь выслать её другу, Игорю Григорьеву, поясняет: «Отдарюсь за твой “Набат”. Он мною услышан! Он обжёг меня! Он заставил вновь тосковать смертной тоской о великих наших жертвах и продажности нынешних властей: “Отступление”, “Набат”, «Непокорство», “С донесением”, “Бабушка”, “Сон”, “Мать”, “Переход” (потрясающее стихотворение!), “Засада” (!!!), “22 июня 1944 г.”, “После войны” и все остальные стихи вместе с поэмой “Русский урок” – замечательны и злободневны! Милый Игорь Николаевич, я по-братски обнимаю тебя за эти стихи, за твой “Набат”! От всей души».

Из г. Шуя Ивановской области пришло письмо от З. Н. Морозкиной и Е. А. Александровой: «Зина читала мне стихи, посвященные плюсским разведчикам... Мы и плакали, и смеялись порой. А поэма “201-я верста” нас окончательно “добила”: она и прекрасна, и страшна. Такие хотя бы строчки:

Горе не понявшим нас:
В грозный для Отчизны час,
В час беды, из века в век,
Был он,
Есть он,
Будет он –
Непреклонно раскалён
Смирный русский человек.

Или:

А он глядит. А глаза у него –
Не видал ничего синей...

(Это об умершем Алёше). Это просто потрясающе...».

В июне 1995 года откликнулся давний товарищ поэта, автор поэмы об Игоре Григорьеве «Капитан Игорь», Алексей Полишкар, поэт, прозаик, переводчик:

«Здравствуй, витязь нынешних дней земли Псковской!.. Получил от тебя письмо и бандероль с тремя твоими книгами: “Контрразведка”, “Набат”, “Боль”. Я бы всё твоё творчество и жизнь назвал – “Боль” за Отечество, за землю Русскую. Друже мой, твои слова твержу и повторяю: “В том строю не признавал я многое...” Очень мне нравится твоё стихотворение в сборнике “Боль” – это “Россия”, а как хорошо и трогательно: “И все тихохонько качаются, Роняя долу жёлтый хруст...” Я хочу ещё очень о тебе написать не очерк, а поэму, как я тебя люблю и каков ты есть, хочется тебе при жизни её прочитать и издать...».

Владислав Шошин, доктор филологических наук, автор нескольких статей-предисловий к сборникам стихов Игоря Григорьева сетовал: «...Получил твою

бандероль... вижу, что восстанавливаются донине сокрытые скрижали истории. Мне, к сожалению, не удалось сказать к 50-летию победы о поэтах ленинградской блокады, книга о них так и лежит у меня в рукописи – никому не нужна, но продолжаю идти вперёд. “Чтобы петь на неистовом свете, разумея: бессменна страда. Только б русскую душу на ветер Не пустить – ни про что – в никуда!” Так говорит Игорь Григорьев – и я его слышу. Как бы я хотел откликнуться в печати на твои книги, как прежде, но и с теми, что ты присылал в марте, ничего не вышло. В “Звезде” сказали, что у нас с ними разные “эстетические системы” (впрочем, это так и есть!), в “Неве” – что откликаются только на “явления”, но мы с тобой для них, конечно, не явления...».

Каждому явлению необходимо своё время. Своё. Начало 1990-х, когда невидимое зло вполне зримо разрушало великое государство, пытаясь уничтожить «смирненно русского человека», его «раскалённый» дух, было временем нестерпимой боли для русского Поэта, который признавался: «Я живу больно, грустно и горестно: мучаюсь бедами нашей горестной родины – России...». Игорь Григорьев был пронзительно *русским* в тот час, когда *русскость* поднималась на смех, над нею издевались, её втоптывали в грязь. А голос Григорьева мощно возносился над этим бесовским шабашем:

Я родине моей не изменял.
Безрадостной полынью переполнясь,
Я убивался с ней в глухую полночь,
Но родине во тьме не изменял.

Её беда (не наша ли вина?),
Что верящих в молчанье грозно ввергнув,
Поверила она в лишённых веры.
Её беда – не наша ли вина?

Я к родине своей не холодею,
Хоть крохобор мне тычет: «Дуролом!...»
Пусть обнесён и хлебом и вином –
От знобкости её не холодею.

Её ли суть (не дело ль наших рук),
Что сыновьям на ласку поскупилась?
Уж больно много гостя поскопилось.
Её напасть – не дело ль наших рук?

Я, родина, тебе не надоем
Ни шумом, ни докучною любовью.
Не знай меня, свети пока любому.
Я подожду. Тебе не надоем.

(«Перед Россией»)

Понадобилось почти двадцать лет, чтобы в возрождающейся России поэзия Игоря Григорьева, опередившая своё время, открылась читателю как «явление» потрясающей эмоциональной силы, чистейшей искренности чувств, истового русского слова, осиянного Божьим духом. Такое слово погасить невозможно!

Выступая в ноябре 2014 года в Санкт-Петербурге, в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН на Первых Григорьевских чтениях «Слово. Отечество. Вера», где прозвучало около двадцати выступлений и докладов, доктор филологических наук, литературовед, критик Г. Н. Ионин воскликнул: «В истории русской поэзии XX века Игорь Григорьев – явление уникальное. Он, быть может, единственный, кто в поединке с конъюнктурой и идеологическими стереотипами недавних лет, никогда не пере-

страивал своей лиры. Он стойко и убежденно оставался верен себе!».

Доктор филологических наук, писатель А. Н. Андреев также высказал твёрдое убеждение, что «творчество Игоря Григорьева – новое слово в литературе – совершенно не лишнее звено в цепи, с помощью которой куется целостность, сплав русской культуры. Боль Игоря Григорьева, весьма умное, диалектическое чувство, сегодня как нельзя кстати. Дело в том, что вечные ценности могут утверждаться только через боль, иначе никак. Не стоит удивляться, что поэзия Григорьева, сложный художественный текст, сегодня только-только начинает открываться читателю... Стилистический и культурный код поэзии Григорьева следует искать в уникальном сплаве двух главенствующих и противоборствующих традиций, которые определяют развитие не только русской, но и мировой поэзии вообще. К сожалению (в котором присутствует изрядная толика боли), надо признаться, что русские пока не научились должным образом оберегать свое культурное наследие... Иметь поэта такого класса и калибра – просто честь для любой литературы мира».

...Стокровьем закат пересия,
Победу над ночью зажгла.
Россия, Россия, Россия,
А если бы кровь изошла?

А если б развёрстая бездна
Пронзила заволжский песок?
Тебе-то, вещунья, известно,
Как в Даль твою впился б Восток.

А вдруг бы себя не хватило?
А вдруг бы да сдали крыла? –

Ведь экая смертная сила
Твою непреклонность рвала!

Всю ночь от потёмок до света,
До самого Солнца-светла,
Ужель не боялась ответа,
Себя сожигая дотла?

Ужели надеялась выжить?
Воскреснуть в назначенный срок?
— Бери неотложней и выше:
Дать нелюди Русский Урок!

(«Русский урок»)

А. Н. Андреев

**«БОЛЕН ЛИРИКОЙ»: ПОЭТИЧЕСКИЙ «СПЛАВ»
В ТВОРЧЕСТВЕ ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВА**

Так случилось, что до 2014 года я не был знаком с творчеством русского поэта Игоря Николаевича Григорьева. Познакомился только в этом году.

Мне, в принципе, не жалко времени и сил на изучение чего-то нового или любопытного в литературе — потому хотя бы, что это обогащает лично меня. При этом постижение, ведущее к обогащению, оказывается возможным в том случае, когда новое в литературе обладает несомненными художественными достоинствами. Вот почему нового всегда — мало.

Сегодня я, достаточно опытный исследователь, точно знаю: к каждой яркой литературной индивидуальности должен быть свой подход, и история постижения писателя или поэта — это всегда особая история. Но если в особой истории не находится место культурным универсалиям, постижение оказывается сомнительным.

История погружения в мир поэта Игоря Григорьева для меня складывалась следующим образом.

В руках у меня оказалась книга избранной лирики «Боль» (СПб.: Путь, 1995). Забегая вперед, отметим, что название издательства предстало весьма символически.

ческим. А вот название книги вначале показалось не вполне удачным. Как-то очень прямолинейно, в лоб, без нюансов, без роящихся сопутствующих ассоциаций, которые сопровождают каждое многомерное (и потому поэтически удачное) название. *Понятие «боль»* для меня никак не трансформировалось в *образ боли*.

К тому же в черно-белом оформлении обложки книги использован графический образ зигзагообразной аритмии, кардиограммы, отсылающий к ассоциации *сердечная боль*. Сердечная боль – это уже образно, однако как-то провинциально, несколько в стиле простодушных жестоких романсов.

С другой стороны, *понятие-образ «боль»* явно обладает гносеологическим потенциалом – оно способно вместить некий второй, *мучительный* план.

У Сергея Есенина в поэме «Анна Снегина» сказано:

Я Вам прочитаю немного
Стихи
Про кабацкую Русь...
Отделано четко и строго.
По чувству – цыганская грусть.

Невозможно сказать про стихи: по чувству – боль. Ибо боль – больше, чем чувство, как любовь, например. Это уже отношение, в котором мироощущение прорастает в мировоззрение. *Боль* вполне может быть концептуальным понятием.

Появилась интрига: название либо бесхитростно и одномерно (понятийно), либо содержание книги должно придать заглавию образную многомерность,

и тогда – вот ведь парадокс – заглавие становится способом обогащения содержания. Заглавие не может жить отдельно от книги.

Внимательно читаю «Боль».

Вначале поэт Игорь Григорьев показался мне простым – в смысле ясным, понятным, не темным. Вот самое первое стихотворение книги – «Зима 1993».

Заплакали березы:
– Зима нас подвела,
Крещенские морозы –
Три градуса тепла.

Заледенело сердце:
В ретивом перебой –
Любовью не согреться.
– Россия, что с тобой?

Но далее в стихах проявлялось и накапливалось все больше и больше того, что прямо противоположно понятию «ясный, понятный». Вот наиболее характерные примеры: «В селе петушья куролесница», «Живешь... и вдруг увидишь», «Звезду обманчивую стер»...

О чем эти и многие, многие стихотворения, которые начинают выстраиваться в некий ментально-стилистический ряд? Автор, наделенный особым поэтическим даром, сумел разглядеть в мироздании какой-то ускользающий от определения метафизический «предмет», сотканный из тех материй, из которых шьют мироощущение: из ностальгии, неясной, но стойкой тоски, робкого желания, отчаянной радости, чего-то еще, похожего на боль, и еще, и еще.

Звезду обманчивую стер
Ладонью черной гром.

На месте горестном костер
Горит в лугу сыром.
<...>
Иная жизнь, чужая высь
Зажглись в моей тени.
Дружище-гром, остановись,
Замри, повремени...

Постепенно впечатления от поэзии Григорьева кристаллизуются, что позволяет облечь их в формулировки. Игорь Григорьев, на мой взгляд, мастер не столько плетения словес (хотя, бесспорно, отменный мастер и в этом отношении – особенно в стиле ярко русском), сколько хитромудрого плетения мироощущений.

Строго говоря, поэзия как таковая вырастает из сложносплетенных, многоплановых ощущений, набухших, так сказать, миросозерцательной субстанции – в том числе и современная поэзия (хотя сегодня в цене дисгармонический перекося: поэтическое шуткарство, трюки).

Читая Григорьева, все более и более отчетливо ощущаешь: это не то плетение словес, на которое гораздо был *серебряный век* русской поэзии, плетение, узорами своими скрывающее темные мысли или их *как бы весомое отсутствие*. Там точка отсчета – слова, здесь – ощущения, в основе своей простые, здоровые, народные.

Игорь Григорьев как поэтическая величина открылся для меня именно с этой стороны (с этого уровня, измерения – как угодно). Тогда читать его мне стало легко – однако вскоре обнаружилась иного рода сложность.

Сложность эта связана с поэтической родословной, которая, очевидно, восходит к отечественной

традиции. Ясность в этом вопросе раздражающе ускользала.

Вот, скажем, стихотворение «Сыну».

Ненастье обескровило зарю:
Всё – сутемень. Ни полночи, ни полдня.
Погоду не закажешь ноябрю –
Бери, какая есть, о вьюгах помня.
<...>
Пустые страсти ветром отряхай,
Себя и версты мерь пройденной мерой.
Тревожся, негодуй, но не вздыхай.
Иди себе и, что дойдешь, уверуй.

Знаки поэтического стиля, свойственного *золотому веку* русской поэзии, налицо: здесь смысл управляет стилем недвусмысленно, собака, как и положено, виляет хвостом; при этом стиль хрустелен и прозрачен, вслед за ясным смыслом. Рождался классического уровня стихотворение. Оно звенит и трепещет.

О стихах иной поэтической структуры и фактуры (акцент на плетении словес-мироощущений) я уже говорил.

И что считать главным у поэта Григорьева? Где его стержень? Золото? Серебро?

Ответ на этот вопрос пришел с неожиданной стороны, когда мне открылась *связь* макроуровня, условно говоря, с микроуровнем – плана содержания (нравственно-философских стратегий) с уровнем стиля (эстетической организации стиха). Что касается словесной стороны стиля, то с Григорьевым сразу как-то все ясно: очень яркий поэт, исключительно владеет словом, о чем бы ни писал. Всегда удивит – и при этом слово будет не просто свежим, но и точным.

Все у него отделано *четко и строго*, какое бы умное чувство он ни брался ограничивать.

Пример навскидку – «Не шелохнется, не встрепенется...».

Не шело́хнется, не встрепенётся
Отгулявший своё полынок.
Никого – ни синицы, ни солнца,
Только тлен торжествует у ног.
<...>

Не задышат холодные травы,
Отлюбили, отверили в май.
Журавли покорённые правы:
Допивай, допевай. Улетай.
<...>

Лес распахнутый, лист отзвеневший,
Птицы смолкшие – сердцу родня,
Я люблю этот мир замеревший,
Ожидающий красного дня!

Это же наш Тютчев – только какой-то удивительный постесенинский Тютчев. В общем и целом – нечто неподражаемое.

На вопрос «где стержень поэта?» ответ мне видится таким: чуткий поэт Григорьев оказался благодарным учеником и «вобрал все лучшее» у своих учителей, как принято говорить в таких случаях. Он ощущал, что сегодня невозможно делать вид, будто до него не было Пушкина, Блока, Есенина или Пастернака с Цветаевой. Более того, наличие гениев в великой русской поэтической традиции он ощущал как вызов, как веление быть собой, опираясь, если хватит сил, на могучее наследие. Притяжение – отталкивание: продолжение того самого «поединка рокового», только уже не

в любви, а в поэзии (суть которой, впрочем, любовь). Диалектика веет, где захочет. Ведание всем существом этой неписаной заповеди для всех пишущих – тоже, как мне представляется, входит в сакральное понятие «тайны ремесла», позволяющее избранным постичь как некое откровение «стихов российских механизмов» (А. С. Пушкин).

Синтетический *сплав* поэтического «золота» с не менее поэтическим «серебром» – вот творческое направление («механизм стихов»!) Игоря Григорьева.

Именно сквозь эту призму, как представляется, было бы в высшей степени интересно посмотреть на лирику Игоря Григорьева. И тогда вдруг случается катарсис: вы заболеваете лирикой Григорьева!

Приведем лишь несколько блестящих образцов «сплава», имея в виду цветаевскую метафору:

Расстояние: версты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это – сплав
Вдохновений и сухожилий...

Сплав русских вдохновений так или иначе, конечно, присутствует во всех стихах Григорьева, но, возможно, в качестве примера показательны такие вещи, как «Светлане», «Вечер» (не будь в этом стихотворении последней строки, его можно было бы принять за стилизацию а la ранний Есенин), «Воспоминание», «Аист»...

Продолжать можно долго.

Бросается в глаза одна ослепительная стилистическая особенность стихов: в них много неологиз-

мов («желтизною сентябрит из леса», «рехнулась белоночь», «щука тигробокая», «морозная роздымь», «гладь семиветровая»: «подобное неподобное» можно найти в доброй половине стихотворений). Появляется соблазн вывести из этой особенности едва ли не стилистический код поэзии Григорьева.

Но не все то золото, что блестит – дело не в неологизмах как таковых: это яркая (хотя и одна) краска из палитры серебряного века. Разбирать стихи Григорьева на золотые или серебряные нити – занятие увлекательное, но едва ли продуктивное (и в научно-литературоведческом, и в культур-философском смыслах). Стилистический и культурный код поэзии Григорьева следует искать в уникальном сплаве двух главенствующих и противоборствующих традиций, которые определяют развитие не только русской, но и мировой поэзии вообще.

Собственно, состояться как поэту – значит, создать свой сплав, свою формулу стиха («формулу цветка»). Секрет золото-серебряного сплава у больших поэтов вовсе не прост и далеко не всегда известен им самим.

Стихи в представляемой книге действительно избраны, тщательно отобраны, выложены как на подбор: сочные, яркие, выразительные. Их сложно классифицировать. Указанный поэтический метод – плетение мироощущений посредством плетения словес – делает практически невозможным членение лирики на привычные тематические пласты (лирика любовная, гражданская, пейзажная, какая там еще). Вот достаточно характерный пример: «Ты ушла. Никто нейдет...» – любовно-пейзажно-философское стихотворение. Вне рубрик или во всех рубриках сразу.

Игорь Григорьев удивляет не привязанностью ко времени, к конкретным реалиям (по крайней мере это верно по отношению к рассматриваемой книге); он всегда за деревьями стремится разглядеть лес – частное обобщить как момент универсума: хорошая поэтическая школа. В этой связи название стихотворения «Безвременье» можно прочитать и как «вне времени».

Вечное – вот исключительное содержание любой самой бурной современности.

И все же вечное у Григорьева имеет узнаваемый, поэтом сотворенный облик, одухотворенный сердечной болью. В книге очень много стихотворений – не скажешь о природе, скорее – о Природе, начале всего, взятой в определенном ракурсе: человек и стихия («Непогода», «Под звездами», «Вьюга», «Зимнее», «В снегопад», «На дороге» и др.). Природа с ее хлябями, омутами, бесконечными путями-дорогами и необъятной широтой-высотой становится каким-то местожительством, средой обитания:

Небо немо и широко,
Ветру зябкости не жаль...
Приюти меня, дорога,
Вразуми, зараспечаль!

(«С посохам»)

Человек как существо вселенское – это очень русская история (достаточно вспомнить великий лермонтовский шедевр «Выхожу один я на дорогу»).

И спасается человек на продуваемом «семиветровыми» штормами пересечении космических трасс только любовью. Там, где нависает тень Танатоса, ищи огонек Эроса. Диалектически спаянные кате-

гории также входят в тот самый сплав. Вот почему верно будет сказать: все стихотворения Григорьева о природе и о любви – в конечном счете, о природе человека.

При чем здесь, казалось бы, боль?

В стихах есть подсказка (или оговорка, с поэтами такое бывает): «я лирикой болен». Высокая болезнь становится не привилегией жреца (оракула, пророка), а жизненной специализацией, что ли. Лирика – это высокий строй чувств, это хрупкий лад, это укрощение хаоса, это сотворение гармонии, это умение остановить мгновение. Болеть лирикой, если угодно, значит ежедневно и ежечасно ориентироваться на высшие культурные ценности (всем хорошо известные, но оттого не становящиеся более достижимыми; речь идет, конечно, об истине, добре, красоте); болеть – значит переживать по тому дивному поводу, что между этими ценностями и самой жизнью существует фатальный зазор. Жизнь несовместима с идеалами – но без них она перестает быть жизнью.

Такая боль – весьма культурное чувство, свойственное личности. Собственно, боль и делает человека – *личностью*.

Или по-другому: ничто, кроме боли, не делает его личностью.

Стремиться к личностному, высокому началу в человеке – вот что значит болеть лирикой. И вполне по-григорьевски можно сказать про его избранную книгу: по чувству – боль.

Так я, ни в коей мере не претендуя на всеохватное постижение феномена Григорьева, соотнес содержание книги стихов с ее названием. Название перестало

быть простым – оно стало непередаваемо, мучительно сложным.

Личность как мера умных чувств, как культурная универсалия – это тоже русская история, причем одна из самых значительных наших историй. В нашей традиции боль имеет и другое название: горе, которое непременно от ума, от понимания. Горе-боль.

Игорь Григорьев и русское *горе*, впервые с библейской выразительностью запечатленное *Грибоедовым*: какое-то неслучайное созвучие и совпадение смыслов. Возможно, это излишне поэтическая трактовка, однако на диво целостная.

И наконец, еще одна русская история (чтобы не сказать болезнь, *боль*). Речь пойдет о культуре толкования сложных художественных текстов.

Создание великой литературы является великим культурным достижением.

Казалось бы, утверждение из разряда бесспорных. Однако, как показывает практика, в век информационных войн необходимы великие усилия для того, чтобы обладать статусом счастливого обладателя великой литературы. Созданное по художественно-бессознательной технологии нуждается в доказательном научно-сознательном осмыслении. Попросту говоря, необходима великая *методология*, которая обосновывает критерии художественности; великая методология – это великое умение сопрягать план содержания (смыслы) с планом выражения (стилем, который приводит смыслы в культурный порядок).

Гуманистическое – *персоноцентрическое*, если быть последовательным и принципиальным – содержание становится сердцевинной методологии. Литера-

туроведческий анализ в значительной степени оказывается анализом *философско-антропологическим*.

Искусство без серьезной гуманитарной науки, оказывается, мало чего стоит (в том числе – в буквальном смысле). Без серьезных философско-аналитических усилий оно незащищено. Без методологической защиты великая литература может превратиться в сырье, в некий самобытный туземный продукт, на который цивилизованные информационные технологии по своему усмотрению будут навешивать ярлык шедевра, полусшедевра или вполне заурядного творения.

Чтобы иметь великую литературу мирового уровня, необходимо владеть научным представлением о мировом художественном уровне. Русской литературе, в частности, необходим легион подготовленных специалистов-литературоведов. Иначе великую литературу, как и великую победу в Великой Отечественной войне, просто не удержать. Великая литература, великая Победа, как и все великое, созданное духовным подвигом, требуют непрерывного великого духовного усердия. Это весьма хлопотное и затратное дело.

На повестке дня новая специальность – *философия литературы*, на которую возлагаются новые социальные функции, граничащие с миссией: хранить высшие культурные ценности, совершенствовать культурные коды, пестовать саму шкалу ценностей. Наследники великой культуры должны быть достойны этой культуры – иначе они окажутся наследниками горстки обетшавших постулатов, наследниками невразумительных принципов, лишенных духовной энергетики, которым грош цена в базарный день.

Надо выращивать и оберегать свою культурную

элиту, которая умела бы видеть историю русского мира как целое (при этом внутренне противоречивое, как и полагается по канонам диалектики, этого величайшего культурного завоевания Европы; кстати, все великие русские литературные шедевры изумительно диалектичны).

Творчество Игоря Григорьева – новое слово в литературе – совершенно не лишнее звено в цепи, с помощью которой куется целостность, *сплав* русской культуры. *Боль* Игоря Григорьева, весьма умное, диалектическое чувство, сегодня как нельзя кстати. Дело в том, что вечные ценности могут утверждаться только через *боль*, иначе никак. Не стоит удивляться, что поэзия Григорьева, сложный художественный текст, сегодня только-только начинает открываться читателю.

К сожалению (в котором присутствует изрядная толика боли), надо признать, что русские пока не научились должным образом оберегать свое культурное наследие. Книга «Боль» тому подтверждение. Иметь поэта такого класса и калибра просто честь для любой литературы мира.

Мы имеем – и при этом *как бы* не имеем: не больно?

Пожелаем *поэзии* Игоря Григорьева *добротного пути*, на котором рано или поздно восторжествует *истина*.

Собственно, этим пожеланием я выражаю уверенность в том, что вечные (высшие культурные) ценности Красота – Добро – Истина остаются неизменным ориентиром.

Что строго соответствует смыслу поэзии Игоря Григорьева, очищенному болью души.

Д. К. Войтюк

МОТИВЫ ДУХОВНОГО ПОИСКА В СТИХОТВОРЕНИИ И. Н. ГРИГОРЬЕВА «РАЗЛУКА-ДАЛЬ»

Когда тебе станет некуда деть
Нахлынувшую тревогу,
Садись в вагон, не ленись глядеть,
Как даль раскрывает дорогу.

Игорь Григорьев

...У поэта Игоря Григорьева есть замечательное определение расстояния: «разлука – даль»! То ли перспектива горизонта обещает встречу, то ли тревожит расставание с любимыми?

Одиночество в пути. Какое оно? Такое разное... Подчас томительное, как ожидание, которое утомляет своим однообразием и неопределенностью исхода, а подчас – отчаянное и решительное. Но однообразна ли дорога? Всегда ли скучна она? Развлечет ли тебя красота и разнообразие пейзажей? Можем ли мы откликнуться на красоту, если внутренне не готовы к ней? Способны ли мы предстоять красоте, сослужить ей, если она не входит составляющей в существо нашей духовной жизни? Думаю, что нет.

Отсутствие внутренней красоты, внутренняя опустошенность, духовная пустыня не способствуют восприятию красоты.

...Возможна ли «встреча – близость»?

Всегда ли то, что близко, – обещает встречу?

Может быть, и не всегда... Но в моих отношениях с творчеством Игоря Григорьева разлука-даль оказалась пророческой. Разлука с самим собой, период юношеских исканий, потеря собственного Я, поиск собственной темы в творчестве. Именно эти симптомы послужили тому, что я открыл для себя музыкальность Григорьева, терапевтический потенциал его стихов. Необходимо отметить, что открытие это состоялось более пятнадцати лет назад!

Думаю, что дело здесь не в одном только физическом расстоянии... Тогда в чем?

Иной раз руку протяни – а не хочется; а бывает и так, что наиболее близкие в психологическом отношении – они же наиболее далекие...

Далекое оказалось удивительно близким!

Вот так и я однажды протянул руку и достал с книжной полки родителей сборник стихов Игоря Григорьева. Жизнеутверждающее начало сборника «Жить будем!» стало новой точкой моего духовного пути. Его стихи оказались настолько про меня, мои состояния, сомнения и метания, они оказались настолько музыкальными, что я тут же взял в руки гитару и стал их петь... В этом пении, технически несовершенном, в поиске собственной интонации григорьевских строк постепенно обрел звучание и мой собственный внутренний голос, я лучше стал понимать себя, постепенно стала вырисовываться и моя тема в творчестве. Такой вариант со-творчества может быть назван как со-бытие, главной темой которого явилась встреча с личностью поэта и его внутренним миром.

Я сразу проникся доверием к его творчеству, поверил его стихам, обрел уверенность благодаря путешествию по его стихотворным тропам.

Доверие – как психологическая дистанция, как расстояние, часто обратное физическому. Мы наблюдаем порой отношения использования Другого, физической близости, в которой отсутствует знание Другого как личности, в котором внешняя маскировка скрывает истинные чувства...

Имитации чувств – вот чего не было в творчестве Игоря Николаевича! Он прост и светел. У него нет заумных слов. Он трогает за душу.

Я долго размышлял над его образом, созданным дагестанским художником Салаватом Салаватовым. Для себя я определил эти линии как строгую красоту. Собранность и серьезность лица, сложность жизни поэта породили совершенно другой гармоничный и простой мир, мир простых контуров и звуков, мир гармонии, интеграции человеческих начал в любви!

Мимикрия чувства, ложь, обман близости – вот то, что подрывает доверие, что закрывает путь к познанию личности. Поэт познал самого себя. На этом пути он был честен с собой. Именно из этого источника знания ему открылся мир других людей и мир природы, мир потайного человеческого чувства. Именно из этого глубокого познания себя и проистекала его поэзия.

Он открыл этот источник в себе, а через него и мы можем открыть в себе нечто новое. Приращение познания, но не рационального, а порой интуитивного знания о себе, предчувствия некой тайны бытия – это было свойственно Григорьеву. Благодаря его творчеству и моя тайна бытия стала более понятной...

Творчество Григорьева собирает ум и просветляет взгляд. В надежде на доброту мира, в надежде на самопознание, в надежде на доброе и вечное открывал я для себя поэта. Этим открытием я хочу поделиться с вами! Я приглашаю вас в удивительный мир Игоря Николаевича Григорьева.

«Люблю тебя светло!» – этот призыв обращен к читателю, к каждому человеку, к светлому его началу. «Жить будем!» – и поэт вместе с нами, и мы с ним!

В добрый путь!

Рассмотрим это путешествие к себе, в котором человек всегда обречен на одиночество, на примере стихотворения «Разлука-даль»:

Разлука-даль стихи слагает:
Уйти в зарю из шалаша!
И в том пути изнемогает
Моя бездомная душа.

Уже и утро пролетело:
Передохнуть бы у ручья.
Но хоть бы что душе до тела,
Она торопит: даль ничья!

Уже и вёрсты ночь итожит,
И телу бренному невмочь.
А вот душа изныть не может,
Ей никогда не изнемочь.

Она, как песнь, как путь, нетленна,
Её как время, не унять...
«Душа у тела вечно пленна». –
Кто у кого в плену, как знать.

«Разлука-даль стихи слагает» – о чем эта фраза? Прислушайся и присмотришься, и ты увидишь бес-

крайние пространства, раскрывающие перспективу горизонта, запах бесконечной степи, устремившейся навстречу грозовому весеннему небу. Это Русь, это жажда духовная, это вечная устремленность земли к небу и весьма редкая, почти исчезнувшая возможность напитать эту землю дождевой водой. В это фразе предстает сама душа, тут попытка соединить субъективное состояние с объективным ландшафтом. И все-таки непонятно, где рождается поэзия? А думается, что она подобна религии и осуществляет ту самую связь земли и неба. Разлука – уход из одного мира в другой, не просто смена пространства, а именно готовность воспринять и усмотреть Поэзию в общем замысле мира, а за этим замыслом и самого Поэта-Творца. В его замыслах находятся промыслы-судьбы человеческие и каждого Господь ведет своими путями к покаянию, но не всем даровано знать цену слова-спасения. Поэзия – это путь к пониманию замысла, но пройти этот путь без покаяния значит не оправдать высокую цену (дорогая цена, по Григорьеву), которой заплачено за поэта.

«Но лишь божественный глагол...» А когда поэт готов, то его поэзия может реализоваться и принять соответствующую художественную форму лишь в наиболее подходящих условиях. Вот оттого-то даль стихи слагает, но та лишь даль, что разлука. И этот творческий акт подобен Божественному творчеству, которому было уготовано пройти через Землю. Космос (красота) стал той художественной формой, в которой Господь явил свое благоволение.

«Уйти в зарю из шалаша» – призыв, несомненно. Но, не приказ! И снова здесь напрашивается аналогия

о том, что шалаш – это есть лишь временное жилище, временное пристанище, каковым является тело для нашей души. А поэт был рожден в космосе, и этому космосу он и должен принадлежать. Посему и следует ему возвратиться в дом отца своего. Заря – всего лишь указатель направления, лишь слабый отблеск божественного сияния в мире природы. Свет надмирный и невечерний в земном мире.

«И в том пути изнемогает / Моя бездомная душа». Душа изнемогает без Бога! Душа не может успокоиться, не обрета дома. И вновь звучит здесь мотив иной жизни. Истинная жизнь там, где Бог, истинная жизнь – в Боге. К нему устремлены как мир видимый, так и мир невидимый, которому принадлежит душа человеческая. Потому-то душа и изнемогает, что тесно ей в клетке тела своего находиться, не может она узреть красоту мира, если не узрит в нем Бога. Как пеленают ребенка в детстве, так и душа, заключенная в пелены тела своего, проходит школу смирения. Как пишет святитель Игнатий Брянчанinov в своих аскетических опытах: «Смирение не видит себя смиренным. Напротив того, оно видит в себе множество гордости. Оно заботится о том, чтоб отыскать все ее ветви; отыскивая их, усматривает, что и еще надо искать очень много». Так что истинное смирение не есть плод лишь только внешних пелен и обстоятельств жизни, которые составляют суть лишь необходимые, но явно недостаточные условия. Смирение – дар Божий и в полноте своей может проявиться не столько на уровне внешнего поведения, сколько на уровне духа. И пока душа, которая есть дар, не возрадеет о умножении даров, то и не обратиться к Богу.

Вот откуда тоска и изнеможение, вот откуда страдание, определяющее движение к дому Отца Небесного.

«Уже и утро пролетело: / Передохнуть бы у ручья». Утро пролетело... Вся жизнь есть лишь одна мимолетность. В этой фразе мы слышим осознание того, что молодость прошла, прошла пора чистых порывов и юношеской дерзости. Возникает ощущение иного движения во времени, время становится все более ценным ресурсом и характеризует наступление зрелости, в которой многое видится по-иному. Иные планы, иные чаяния и надежды. Приходит осознание своих возможностей, а также того, что уже не состоялось и не состоится. Возникают усталость в рутинном потоке жизни и, как следствие, потребность передохнуть, но ручей жизни бежит, не останавливается. Ручей стремится к устью. Там в устье нашей жизни будет ли отдохновение?

«Но хоть бы что душе до тела, / Она торопит: даль ничья!» Душа уподобляется ручью, душа и есть свободное течение вечного во временном. Устало тело, оно, как все временное и ветхое, изнашивается и приходит в негодность, а душа неустанно стремится вперед, прочерчивая свой путь в земном ландшафте. Душа торопит, но не торопится. В этом движении важен поиск, но поиск осторожный и осмысленный, так как утро уже пролетело, а даль ничья! В этой ничейности снова звучит мотив непринадлежности души этому пространству. В этом голос свободы и потребность стать чем-то, обрести форму, увековечить странствия души.

«Уже и версты ночь итожит, / И телу бrenному невмочь». «Версты ночь итожит» – мотив старости.

Земное временное близится к концу. «Телу бrenному невмочь» – физическая немощь только усиливает потребности души. В каком состоянии подходит душа к своему земному финалу? Что ей уготовано в Вечности? Кто встретит ее за порогом смерти? Или и там она останется неузнанной и ничейной?

«А вот душа изныть не может, / Ей никогда не изнемочь». Душа вневременна и возможности ее неисчерпаемы. Являясь даром от Бога, она им подпитывается, точно так же, как подпитываются ручейки дождями и тающими снегами. Ручейки сливаются в общем потоке и радостно устремляются к чарующему и непознанному Океану бытия. Душа находится в состоянии со-бытийности и сопричастности, а часть вне целого быть не может, но и целое будет целым при условии, что все ручейки достигнут своей цели.

«Она, как песнь, как путь, нетленна, / Ее как время, не унять...» Здесь = синонимичный ряд метафор. Душа есть и ручей, который подобен песне. Песня также подобна пути. Душа есть путешествие.

Музыка странствий, лети душа моя!

Ты подобна музыке, как вечное путешествие, что никогда не начиналось и никогда не прекратится...

Душа, как музыка, что слышна в тишине...

Полёт, как мечта, буря и натиск в начале, тишина и покой – в конце, в надежде – движение жизни, в танце вечности – упование ее...

«“Душа у тела вечно пленна”. – Кто у кого в плену, как знать». Суждение и сомнение. Опровержение собственных устоявшихся представлений. Не застрять в заскорузлости формы. Иначе вырождение, иначе обряд, иначе фарисейство...

Драма жизни предстает в рождении и смерти человека.

Рождение души. Факт ее существования или отсутствия. Проклятые вопросы бытия! Психофизическая проблема. Как бы мы жили, если бы все знали наперед?!

Душа и тело. Нераздельное единство здесь на земле. Ибо все дурное, как и все доброе, выходит наружу и осуществляется благодаря нашему телу. Оно покорное орудие исполнения наших желаний.

Но желания зарождаются в душе. Дать им волю? В нашей ли власти?

Драма состоит в том, чтобы научиться распознавать движения души и отличать их от движений тела. А для этого надо избрать путь.

Жизнь поэта разрываемая противоречиями. Поиск — это труд души, а не приятное и комфортное путешествие с видом на лазурное побережье Франции.

Господи!

Я не обрёл даров твоих.

Я так и остался желающим существом.

Насыщение не даёт радости.

Я алкал любовь, но получил пресыщение.

Усталость от жизни в круговороте желаний.

Хочешь быть в мире — желай!

Но мир — источник страданий!

Сам мир чьё-то желание.

Желание как источник страдания.

Им все и уравнивается.

Ничего не желать — страдать вдвойне, так как не желать — значит утратить своё присутствие в мире и сам мир.

Как хорошо про это сказал Иосиф Бродский:

Есть мистика. Есть вера. Есть Господь.

Есть разница меж них. И есть единство.

Одним вредит, других спасает плоть.

Неверье — слепота, а чаще — свинство.

Вы можете выбрать комфорт и потерять душу! Вы можете выбрать душу и потерять покой! Решать вам. Ведь все, что мы получили во временное пользование здесь, — дано нам от Бога! И тех, кто решил вопрос утром, и тех, кто пришел в виноградник за час до окончания работ, послушных и непослушных, детей своих любит Господь!

Нам не дано знать, но у нас есть дар веры! Освободиться от плена... Не такая уж плохая перспектива, согласитесь, при условии, что вы знаете, что такое плен.

Чтобы понять Григорьева, нужна своя боль. Боль от разрушений родного и Родины. Как в книге Саввы Ямщикова «Когда не стало Родины моей». Ведь Родина и родное там, где душа. А если на этих бесконечных пространствах, которые Л. Н. Гумилев точно определил как «От Руси до России», будет утрачена русская душа, то не восполнят ее ни новые победы на социальных фронтах, ни волонтерские движения, ни рост материального благосостояния... Ведь, как точно подметил Исаак Сирин в своем труде «Путь в жизнь Вечную», «воздаяние же бывает уже не добродетели и не труду ради нее, но рождающемуся от них смирению». Без смирения в душе нет мира. Духу милосердия противостоит дух гордости. Как бы помнить об этом? Ведь без Бога мы — тля, сосущая соки зем-

ные, и саранча, оставляющая после себя пустыню, где боль забвения живет.

Игорь Николаевич Григорьев задает высокую планку внутреннего напряжения, притом у него своеобразная ритмика и музыкальность. Я первое время песни даже не писал. Они сами рождались. Брал гитару, и мелодия сама шла, оставалось только аккорды менять. Он мелодичен, ритмически напряжен, а тексты полны вопросов. В него надо вчитываться. Поэт размышляет о жизни, поскольку в этом размышлении главным предметом рефлексии выступает его собственная душа в ее отношениях с миром, бытием и Богом. Рефлексивная культура стиха – вот что отличает его поэзию, несмотря на ее народность и кажущуюся простоту. Чтобы понять внутреннее устройство стиха, его художественный строй и палитру, надо собственную душу сделать предметом нелицеприятно анализа.

Думаю, что время Григорьева пришло. Это видно по душам, изголодавшимся по слову, по хорошему русскому слову, в котором явлена и открывается красота русской души и природы. Люди хотят пить. Суррогаты дают лишь иллюзию, а потом возникает опустошенность и чувство обкраденности.

Личность Игоря Николаевича Григорьева – это чистый родник слова русского, который снова забил из-под завалов по благословению Божьему!

Возрадуемся этому событию!

Т. К. Никольская

**ОБРАЗЫ ГРАЖДАНСКОЙ ЛИРИКИ
В ТВОРЧЕСТВЕ ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВА
И ЛАРИСЫ НИКОЛЬСКОЙ**

В последние годы заметно возрождается интерес к творчеству поэтов и прозаиков советской эпохи. Прежде всего, конечно, со стороны читателей, но также литературоведов, филологов, историков. О писателях советского времени публикуются книги, статьи, в память о них проводятся литературные чтения – например, Рубцовские, Балашовские, Шукшинские чтения и др. Надеюсь, регулярными станут и конференции, посвященные памяти Игоря Григорьева. Не исключено, что со временем они приобретут особую значимость как место обсуждения и осмысления русской поэзии второй половины XX века. Потому что невозможно понять творчество одного поэта без внимания к его исторической эпохе, к поэтам и писателям его поколения.

Среди них – ленинградская поэтесса Лариса Антоновна Никольская. Хотя ее последний поэтический сборник вышел 25 лет назад, ее стихи по-прежнему находят читателей, публикуются в литературных изданиях, стихийно распространяются в Интернете; звучат и песни на ее слова. А «Баллада погибшего

сына» отмечена на поэтическом конкурсе имени Игоря Григорьева.

Л. А. Никольская (1935–1992) родилась в Ленинграде, писала стихи с детства, после первой публикации получила рекомендацию в Литературный институт им. Горького. В последующие годы работала журналисткой в ленинградских СМИ, ее стихи публиковались в ленинградских и центральных газетах, журналах и альманахах. При жизни вышло три ее поэтических сборника: «Зарницы» (Л.: Лениздат, 1964), «Искренность» (Л.: Лениздат, 1981) и «Золотая пора» (Л.: Лениздат, 1989). После издания второй книги Л.А. Никольская вступила в Союз писателей СССР.

Неизвестно, были ли поэты знакомы между собой. Однако в домашней поэтической библиотеке, которую Лариса Антоновна собирала всю жизнь, есть два сборника стихов И. Григорьева: «Листобой» (М.: Молодая гвардия, 1962) и «Отзовись, Весняна» (М.: Советская Россия, 1972), что говорит об определенном интересе к его творчеству (одна книга может попасть в домашнюю библиотеку случайно, две книги одного автора – как правило, результат выбора).

Что объединяет этих двух разных и самобытных поэтов? Во-первых, общность судеб. У обоих большая часть жизни пришлась на советское время, биографии обоих, хотя и в разной степени, связаны с Ленинградом. Оба ушли в 1990-е. Для обоих трагической страницей жизни стала Великая Отечественная война. Григорьев, которому в 1941 году исполнилось 18 лет, был подпольщиком на Псковщине, воевал в партизанском отряде. Никольская, родившаяся в 1935 году, была эвакуирована с детским домом в

село Бикбарда Пермской области. Детский дом – это не только жизнь вне семьи. Ребята тоже, как могли, старались приблизить день победы: трудились на колхозных полях, навещали раненых в госпитале, собирали посылки на фронт... Каждый из поэтов достойно вынес доставшуюся ему боль тех лет, и для обоих память о войне стала одной из ключевых тем творчества.

При чтении книг Григорьева и Никольской нетрудно заметить, что гражданская лирика здесь не выделена в особый жанр. В стихах отсутствует четкая грань между гражданской и «личной» темами. Нет и того, что на закате социализма цинично называлось «паровозами». Для поэтов Родина – это окружающая жизнь в ее полноте и многоцветье: «добрые морды коров» (И. Григорьев. «Проселок»¹) и «жар-года» юности (И. Григорьев. «Частушки»²), и желание «счастья негромкого» (Л. Никольская. «Хочется тихого берега...»³). Это и чувство внутренней связи с ушедшими поколениями (И. Григорьев. «Я в русской глухомани рос...»⁴; Л. Никольская «Родительская суббота»⁵). Интересно, что не только у Никольской, но и у Григорьева многие стихи посвящены женщинам, у которых трудная, нередко трагическая судьба не угасила внутренний свет, доброту, благодарность к жизни. Для героев их поэзии (и для самих авторов) любовь к Отечеству – это настолько естественное чувство, что не требует даже выбора. Так, в «Балладе

¹ Григорьев И. Кого люблю. СПб.: Путь, 1994. С. 94.

² Там же. С. 122.

³ Никольская Л. Золотая пора. Л.: Лениздат, 1989. С. 13–14.

⁴ Григорьев И. Боль. СПб.: Путь, 1995. С. 138–139.

⁵ Никольская Л. Золотая пора. С. 64–65.

погибшего сына» Л. Никольской сын отвечает матери: «Ты прости меня, мама, за это, / В том бою я иначе не мог»⁶.

Во-вторых, в стихах Григорьева и Никольской прослеживаются и сюжетные параллели. Например, стихотворение «Плач по Любви»⁷ И. Григорьева, посвященное 19-летней подпольщице Любви Смуровой, казненной фашистами в 1943 году, перекликается с «Ангелитой»⁸ Л. Никольской – о девушке-испанке Ангелите Борехо, погибшей в 1942 году на Волге. В обоих случаях это реальная история подвига – и одновременно история оборванной юношеской любви, память о которой герои стихов сохранили на всю жизнь. Стихотворение «Егоровна»⁹ И. Григорьева – о вдове, потерявшей на войне всех сыновей, но сохранившей душевную отзывчивость и согласие с жизнью, можно читать как продолжение «Тети Кати»¹⁰ Л. Никольской.

Наконец, некоторые стихи И. Григорьева и Л. Никольской являются не только художественными произведениями, но и своего рода историческими источниками. Наблюдения авторов содержат точные детали ушедшей эпохи, которых зачастую не найти ни в архивных документах, ни даже в мемуарах, которые сохранились только в этих стихах. Целую энциклопедию так называемой малой истории составляют трогательно-неповторимые описания человеческих

жизней. В стихах И. Григорьева через судьбы родных проходит вся история XX века. Особенно волнует стихотворение «Бабушка», посвященное Василисе Лавриковой. Когда в село пришли немцы, она подожгла избу с тремя загулявшими фашистами, но в последний момент, не выдержав, бросилась в огонь и «гуляк-захватчиков спасла».

И накинули ей петлю палачи.
– О гроссмуттер! – упавший застонал.
И текли над головой ее лучи!
И помост ей был как пьедестал!¹¹

И конечно, мало кто из советских поэтов сумел, подобно Григорьеву, заметить в сельской избе, как «С иконы с упреком и мукой / Облупленный смотрит Христос»¹². Удивительно, что это стихотворение – «В Михайловском» – проникло в сборник «Листобой», изданный в 1962 году – в разгар хрущевской антирелигиозной кампании.

У Л. Никольской мало стихов, посвященных семье. Она рано осиротела. Отец, Антон Антонович Клусс, был репрессирован в конце 1930-х годов, в 1940 году умерла мать Евгения Владимировна. Девочку воспитывала бабушка – Лидия Петровна Никольская. Стихотворение «Отец», до сих пор не опубликованное¹³, содержит сложные, противоречивые переживания дочери репрессированного коммуниста, пытающейся понять и объяснить свое сиротство.

⁶ Никольская Л. Искренность. Л.: Лениздат, 1981. С. 8.

⁷ Григорьев И. Кого люблю. С. 61–62.

⁸ Никольская Л. Зарницы. Л.: Лениздат, 1964. С. 12–14.

⁹ Григорьев И. Кого люблю. С. 92–93.

¹⁰ Никольская Л. Искренность. С. 10–11.

¹¹ Григорьев И. Кого люблю. С. 80–81.

¹² Григорьев И. Листобой. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 59.

¹³ Это стихотворение хранится в домашнем архиве семьи Никольских.

Своеобразным свидетельством эпохи является стихотворение Никольской «Памяти матроса Евгения Никонова»¹⁴ (Героя Советского Союза, замученного в плену эстонскими националистами), в котором детально описан уже не существующий памятник в Таллине, демонтированный эстонскими властями после распада СССР.

Таким образом, можно сказать, что при сохранении своеобразия творчества образы гражданской лирики И. Григорьева и Л. Никольской перекликаются между собой, и в обоих случаях их поэзия, оставаясь актуальной и волнующей, обретает сейчас «вторую жизнь».

Г. Б. Пациенко

ОТЧЕЕ СЛОВО

(О некоторых мировоззренческих особенностях в творчестве Игоря Григорьева)

Уважаемые коллеги, поклонники, почитатели таланта Игоря Николаевича Григорьева! Сегодня возникла потребность по-новому, по-иному взглянуть на книги этого писателя, а заодно и на некоторые особенности культурного процесса современности. Конференция, на мой взгляд, даёт возможность представить целостный взгляд на жизнь и творчество писателя, имеющего в наши дни существенное значение.

Здесь, безусловно, звучат интересные мысли, подходы, оценки, трактовки творчества писателя, не вполне раскрытого, не всегда в своём времени принятого, а порой отвергаемого. Слово, как известно, подобно пчеле, в нём и жало, и мёд. И всегда хочется понять, выяснить, чего в книге больше – яда или мёда?

Неистовый Белинский не сразу оценил Лермонтова и, только прочтя стихотворение «Выхожу один я на дорогу», по утверждению современников, буквально «разрыдался». Он давно ждал гения и едва было не проглядел его. Простая душа землянина впервые достигла в стихотворении планетарного обобщения и начала.

¹⁴ Никольская Л. Искренность. С. 7.

Бывает так, что иной талант возникает в стороне от значимых литературных процессов. Так случилось и с Игорем Григорьевым, большую часть жизни проводившим на Псковщине. А бывает иной раз такое: чем даровитее, глубже, оригинальнее писатель, тем охотнее к нему, как к магниту, тянутся препоны, преграды. Откровенно признаемся в том, что нынешняя рыночная цивилизация заметно потеснила художественное слово, в ней сегодня не столько читают, сколько считают.

Однако слово неподдельного поэта погасить невозможно. Оно носитель духа, языки его пламени. Оно вечно пребывает в круговороте жизни.

Совесь, как известно, основа каждого, но совесь художественная дорога и важна особенно. Она наделает человека чувством сострадания.

Поэт может перевоплотиться в цветок, птицу, травинку, войти в связь с миром волшебства. И тем самым возвысит читателя над суетой и мелочностью земных проблем.

Весомей дымка, небо строже,
Задумчивей шатун-камыш.
И ощутишь на жаркой коже,
Как выстывает в чаше тишь.

Воистину художественное полотно! Григорьев не добивался себе каких-то почестей, премий, наград, бескорыстно служа лишь отчему слову. В его поэзии боготворение и воспевание женщины как друга, матери, жены – они во многих стихах источник его вдохновения. К примеру, стихотворение «Алле Темирхановой»:

Стать могла бы ты хлебом
Человеку в дороге.

Или «Александре Агафоновой»:

Светлый ангел, сестрица, скажите:
Догорит моя ночь хоть когда?
Длань на рану мою положите:
За окошком ни зги – темнота!

К возвышенной тематике относится и стихотворение «Дарье Григорьевой»:

Улеглись дневные страсти,
Кроток буйный лог,
Месяц, будто чьё-то счастье,
Ясен и высок.

Хороших поэтов мир рождает не часто. Но ведь что такое вообще талант? Коротко можно ответить: талант есть тайна. Здесь надо бы вспомнить слова Салтыкова-Щедрина о том, что литература изъята из законов тления, как и уверенность Пушкина: «Душа в заветной лире мой прах переживёт и тленья избежит». Можно привести и суждение Гоголя в статье «О том, что такое слово»: «Оно есть высший подарок Бога человеку». И там же: «...прочесть как следует произведение лирическое – вовсе не безделица, для этого нужно долго его изучать. Нужно разделить искренно с поэтом высокое ощущение, наполнявшее его душу...», и далее: «Чтение наших поэтов может принести много публичного добра, которое не только совсем позабыто, но даже оклеветано, очернено, представлено публике в каком-то низком смысле, о котором и не помышляли благородные сердцем наши поэты».

Высоко и далеко заглянул классик! Выделяясь из общего хора, Игорь Григорьев не собирал стадионов, не мелькал на телеэкранах, он вообще не стремился

ни к какой популярности, он скорее, быть может, чувствовался крикливым и назойливым.

Стихи Игоря Григорьева писались будто для самого себя, в состоянии озарения. И что удивительно, на рифмы и формы не обращаешь внимания, потому как в словах есть вкус и цвет, и запах полей, и лесные пространства земли:

Печаль и пепел. Хладное бесстрастье.
Бескровный день. Кладбищенский покой.

Необыкновенная живописная философичность с эмоциональной сдержанностью. Здесь надо заметить, что крестьянские дети прежней России, как правило, отличались им присущим благочестием. А само творчество в их среде воспринималось как божественное начало. Художественное образное слово приводило человека к пониманию и познанию смысла существования.

Как природа залечивает нанесённые ей раны, так и поэзия врачует истерзанные общественными потрясениями души.

В мире есть вещи, которые писатель чувствует с особой, повышенной остротой. За них он страдает, болеет и дорожит до конца дней. И чем сильнее, чем значимее боль, тем значительнее сам автор. Ведь «любовь» и «боль» в русском языке единого корня.

Поэзия Игоря Григорьева полна чистоты и честности, правильности и правдивости. Да, жизнь не всегда радостна, случается не такой, какой хотелось бы. Но когда возникает книга и общение с нею, это похоже на общение с умудрённым, много познавшим собеседником.

Может возникнуть мысль о некотором заговоре при жизни писателя.

Однако, думается, это не так. Дело совсем в ином. Сама система бытовавших нравов проявлялась иной раз такой, что невольно воспринималась как заговор.

Уважаемые друзья, достоинство любого цивилизованного государства, его историческая значимость определяются вовсе не тем, чего и сколько в том или ином государстве воспроизведено и употреблено, как это часто порой измеряется, а тем, как шло и развивалось в государстве духовно-просветительское начало, каков был в нём показатель культуры как достойного образа жизни.

Слово талантливое остаётся на земле и в космосе, и, видимо, по этой причине рукописи не горят. К подобной мысли приходишь, читая Игоря Григорьева.

К великому сожалению, сегодня на слуху и в ходу книги без царственного слога, без ласки и доброты душевной. В них, в этих книгах, всё как будто на месте, на деле же зачастую откровенная подделка под художественность, схожая с эстрадными песенками-примитивками. Они тут же забываются без всякого сожаления, не будучи осенёнными душой и духом. Мало того, они вымывают нам душу.

И вот здесь возникает как бы резонный вопрос: если мир продолжительно не меняется в лучшую сторону – зачем он нужен тогда? Так полагают крутые головы иных политиков, объясняя возникновение войн, переворотов, перестроек и им подобных потрясений. И здесь поэзия Игоря Григорьева предстаёт как гармония с мирозданием, как связь разума и души.

Антон Павлович Чехов как-то признался, что по биению человеческого сердца он, как врач, может определить, принадлежит ли человек миру искусства. С уверенностью можно сказать, что сердцу Игоря Григорьева он, несомненно, дал бы утвердительный ответ.

По итогам сегодняшней конференции мне представляется справедливым рекомендовать творчество воина и поэта на соискание премии Союза писателей России, а может быть, и Союзного государства. Право же, в канун юбилея победы это было бы достойно и мудро.

В. Ф. Шугля

**«НА ВСЕХ ОДНА ЗЕМНАЯ ОСЬ»
(О патриотизме И. Григорьева)**

В глубину веков уносят нас крылатые слова: «Не в силе Бог, а в правде», сказанные Александром Невским и которые можно поставить эпиграфом к поэзии Игоря Николаевича Григорьева.

В его творчестве много хорошего, светлого, понятного простому люду потому, что его поэзия прежде всего основывается на правде и совести.

Я к родине своей не холодею,
Хоть крохобор мне тычет: «Дуролом!..».
Пусть обнесён и хлебом, и вином –
От зябкости её не холодею.

В этих строчках нет высокопарных фраз, но как они правдиво и высоко парят!

Впечатляют такие строки Григорьева: «А мне было легко, потому, что было и есть у меня три матери: первая – Богородица – Царица Небесная, вторая – Родина – Россия чудесная, а третья – это моя матушка родная Мария Васильевна – прелестная».

И сразу думается о родителях, детях и наших корнях – святой Руси!

Я представитель более позднего – послевоенного поколения, но насколько творчество Игоря Николаевича мне близко!

Я – *русь-кий*, я вольною Русью рожден.
В ней белый, и красный, и синий цвета...
У дома родного колышется клен,
Полярная светит над крышей звезда.

Я к дому шагаю отцовской тропой,
Из детства тропинкою звонкой и узкой,
И светлые звезды парят надо мной,
И небо, как пропасть...
Я – дома... Я – *русь-кий*.

Это свое стихотворение я считаю прямым откликом на стихи Игоря Николаевича.

По образному выражению академика Дмитрия Лихачева, «все мы, и русские, и белорусы, и украинцы, являемся русскими, так как корни наши уходят в Киевскую Русь».

Читая Игоря Григорьева, вспоминаешь легендарного полководца Александра Суворова, изъяснявшегося, несмотря на происхождение и бесчисленные титулы и награды, живым русским языком, языком простого народа, который так близок личностям, не мыслящим себя без Отчизны.

Патриотизмом в поэзии Игоря Николаевича наполнены и строки, где он описывает родные просторы.

Так давно мы не виделись, Поле,
Не аукались, Песельник-Лес!
Ни обиды на сердце, ни боли.
Тихий свет – от земли до небес.

В каждом стихотворении – простой язык и безгра-

ничная привязанность к Отечеству, как бы холодно и несправедливо оно ни было.

Говоря о патриотизме поэта, поделюсь своими предпочтениями. Среди многих его творений особенно затронул стих, который полностью, на мой взгляд, раскрывает данную тему и даже больше – дает почву для новых и новых размышлений, но уже на более глубоком, философском уровне:

Печаль и радость – две сестры,
Людские жаркие костры.
Высокий гимн, частушку ль взять,
Коль в них душа, всё песней звать.
И сказка с былью – близнецы,
Завет, в грядущее гонцы.
На всех одна земная ось...
Лишь Родина с чужбиной – рознь.

Да, поэт прав. В жизни множество аспектов, ниш и ипостасей, но всех их роднит общее начало, общий корень, первоисточник, **и никогда Родина и чужбина не породнятся меж собой.** Таков закон, так было заведено еще на заре мира, и любовь к Отечеству, впитанная с молоком матери, говорит нам то же самое.

Говоря о патриотизме в творчестве Игоря Григорьева, следует выделить период Великой Отечественной войны.

Игорь Николаевич – воин, отважно сражавшийся с врагом в этот страшный, кровавый период нашей истории.

Военный след не мог не наложить отпечатка на душу и творчество поэта, и, возможно, именно фронтовое нелегкое время разожгло неукротимое пламя патриотизма, столь яркое, что его не смогли заглу-

шить ни жизненные невзгоды, ни что-либо другое. Во время Великой Отечественной войны Игорь Николаевич, как известно, был партизаном-разведчиком на Псковщине, где получил тяжелое ранение.

Он писал стихи и на войне. Книга военных стихов называется «Набат». В ней много набатных строк, пропитанных сердечной болью и любовью к Родине.

Игорь Григорьев – один из крупнейших поэтов русской деревни. В его творчестве нашла отражение целая эпоха истории края, в котором он родился и вырос, края, который он защищал с таким усердием. Война, восстановление разрушенного хозяйства, мирный сельский труд – все это отражено в свойственной автору простой, но глубоко западающей в душу манере изложения.

Наследие И. Григорьева насчитывает более двух десятков книг стихотворений и поэм. Тем не менее автор не так уж широко известен, и это странно. Поэт-воин, легендарный разведчик, патриот, четырежды раненный на полях сражений, не имел громкой славы в своей Отчизне. Сбываются слова, сказанные очень давно. Интересно по этому поводу говорит критик, литературовед и историк литературы Владислав Андреевич Шошин. В предисловии к книге избранных стихов Игоря Григорьева «Боль» В. Шошин пишет: «Муза Игоря Григорьева никогда не прислуживала ни власти имущим, ни “левым”, ни “правым”, но верой и правдой служила Совести и России... О таком авторе самое надежное не “шуметь”». И уже в самом конце предисловия: «Семьдесят пять лет тому назад Сергей Есенин горевал: “Я – последний поэт деревни...”». Однако время доказало: Сергей Есенин – не последний,

но доньше первый поэт, и не только деревни – Руси. Первый! Но не единственный. Есть и другие. И среди них – “поэт последней деревни” Игорь Григорьев».

Продолжая разговор об авторе и его творчестве, хочется еще раз подчеркнуть тот искренний почти героический, жертвенный патриотизм, которым пропитаны не только все его творчество, но и личная жизнь поэта, представляющая наглядный пример жизни образцового патриота и верного сына Отечества.

Это о поэзии Игоря Николаевича мною написаны такие строки:

Боль о боль – высекаю стихи,
Где не искорка слово, а пламя.
Средь земных и порочных стихий
Словом рвётся бездушия камень.

Беспокойна – в разрывах – душа,
Бесконечна пружина сраженья...
Чтоб являлась строка – не дыша
И с собою несла очищенье...

Сегодня более чем когда-либо востребовано творчество Игоря Григорьева, потому что только такая честная, искренняя и глубокая поэзия может восполнить недостаток духовности в современной России.

Г. Н. Ионин

**ЕЩЕ ОДИН ГОЛОС РОССИИ
(Об Игоре Григорьеве)**

Судьба Игоря Николаевича Григорьева (1923–1996) заставляет задуматься. В 33 года (1956) – публикация трех стихотворений. К этому времени уже за плечами – антифашистское подполье в поселке Плюсса, партизанский отряд в родных лесах. А потом, после войны и многих проб и скитаний, – создание писательской организации в Пскове. Трудное, драматически напряженное, полное борьбы руководство ею. Уход с должности, и уже в память о поэте – любовь к своему лидеру литераторов и читателей-псковичей. Двадцать две книги. Из них две – посмертно. Последняя, итоговая, названа емко и точно – «Боль».

Вообще судьбу поэта можно прочесть уже по названиям книг: «Родимые дали», «Зори да версты», «Горькие яблоки», «Жажда», «Не разлюблю», «Русский урок», «Кого люблю», «Набат: Стихи о войне и победе». И все соединяет в себе «Боль». Она же и выражает сполна то, что должен чувствовать в наши дни благородный и самобытный поэт-патриот. «Боль». Голос, быть может, последнего певца «последней деревни». Еще один голос России.

В истории русской поэзии XX века Игорь Григорьев – явление уникальное. Он один из тех немногих, кто в поединке с конъюнктурой и идеологическими стереотипами недавних лет никогда не перестраивал своей лиры. Он стойко и убежденно оставался верен себе. Многие, даже некоторые великие поэты перед лицом советской эпохи свою лиру перестраивали. Так Б. Пастернак впал в «неслыханную простоту». Но до этого М. Цветаева ушла из жизни. А Ахматова доказала, что ее обновленный узнаваемый пушкинский стих опережает XX век. Григорьев то же сотворил с есенинским языком и стихом. Да, Григорьев – один из наиболее самобытных и вместе с тем кровно преемственных русских поэтов. Ему указывали на то, что он отступает от идейных и стилевых установок соцреализма. А он победно продолжал свой поединок. И всей своей судьбой и двадцатью книгами отвоевал право быть еще одним голосом России. И этот «Русский урок» нам сегодня полезно усвоить.

В свое время (еще в 1932 году) о Есенине писали: «Потеряв патриархально-церковную образность, Е. не сумел найти иной. Отсюда – частые технические срывы и банальности в искреннейших советских стихах» (БСЭ, 1-е изд., т. 24, с. 541). Оставим в стороне справедливость таких оценок («банальности», «срывы», «частые», «потеряв... образность»). Скажем лишь сейчас, что Игорь Григорьев своим опытом убеждает в том, что этой патриархально-церковной (а может быть, и фольклорно-языческой, антропоморфной и зооморфной) образности и не нужно было терять. И сейчас ясно: творчество поэта стало живой связью между 20-ми годами и второй половиной века, вклю-

чая и 90-е годы, – вопреки многим попыткам внедрить так называемую современную (теперь совершенно поbledшую) образность, несущую на себе печать непреходящих штампов и клише советской эпохи, и тем более вопреки многочисленным разрушительным новациям в нынешней поэзии постсоветского периода. Здесь подвиг Игоря Григорьева заслуживает особого внимания.

Чтобы его оценить, нужно оглянуться не на одного Есенина. И речь идет не только о неологизмах в духе «народа-языкотворца» и об использовании отдельных фольклорных мотивов и образов. И даже особенностей псковского говора. Органика русской народной речи, проявленная в стихах, неисчерпаема искусством изобразительности и передачей невоплотимых словом чувств и состояний души. С помощью слов – но как бы помимо их разграниченных возможных значений. Я бы назвал это словесной ипостасностью. У поэтической речи есть свои, во многом еще не осознанные и, конечно, не оцененные права. И тут упомянутая нами словесная ипостасность делает всех самобытных русских поэтов родственными. Уже Державин в романсе «Царь-девица» так зачерпнул из народной речи: «Между роз, зубов перловых / Усмехалася любовь». Тютчев обмолвился: «Подпирает локоть белый / Много милых сонных дум». Маяковский позволил себе: «Эта тема день истемнила в темень, / колотись – велела – строчками лбов. / Имя / этой / теме: / ...!». У Есенина сплошь и рядом: «Голова моя машет ушами, / как крыльями птица. / Ей на шее ноги / маячить больше невмочь».

Игорь Григорьев осознал принцип ипостасной образности как универсальный и всеобъемлющий. За-

тем ему и понадобились почти фантастические гиперболы и олицетворения в картинах живой (еще не вполне убитой) русской природы, в доверительном выражении самых интимных чувств, даже в поэтическом рассказе о контратаке (из стихов о войне и победе). Аналог тому в прозе – тексты Андрея Платонова. Заметим только, что подобные чисто национальные свойства художественного языка могли тревожить редакторов и критиков-пуристов. И по многим причинам. Русская несказанность – с помощью слов, но как бы «помимо слов» (В. Соснора) – могла выглядеть, в лучшем случае, стилиевой неточностью, а в худшем – двусмысленностью, при которой душа автора теряла статус идеологической ясности. И утрачивала приметы признанной легальной современности. Но именно такая широта и глубина в родном словесном искусстве делали голос поэта самобытным голосом России.

«Заледенело сердце: / В ретивом перебой – / Любобью не согреться. / – Россия, что с тобой?»; «Надкушенный покровок месяца / Скупые крошки сеет вниз»; «Добро и зло – за вехой строгой: / Руками трогай!»; «И Русь не та, и сам не тот – / Иные времена. / Но в ворохе золы живет, / Горит моя вина»; «Ясноглазые угли ослепли, / Отроняли горячую дрожь: / Ни огнишки в заиневшем пепле, / Не надейся, костра не зажжешь»; «Время воли, света, смеха / Утекло в тоску заката. / И сквозит в душе прореха, / Мне уже холодно»; «Ставшей сказкой, вещью былью / Доли мерою. / Я, рожденный русской болью, / В раны верую»; «В глубинах нашей веры бесприютной / Неугасимы ни Поэт, ни Бог»; «Как боязно не верить в Бога! / Как страшно веровать в Него!»; «Человечьей полон муки,

Дом заламывает руки: / Печь не разогреют внуки»; «Сжигай слова, чтоб не остыл мотив!»; «Мне жар земли безверье сжёт / Ни зла, ни зависти, ни боли».

Так мы перелистываем сборник «Боль». Но выписывать можно было бы из любого стихотворения. Любую строку. И всегда окажется: переданное поэтом больше, чем сказанное.

«Неугасимы ни Поэт, ни Бог» – это сейчас произнесут многие. Но как согласиться, если и Бог, и Поэт уже угасали в наших душах столько раз? Григорьев поправляет: Поэт и Бог (кстати, по-державински дерзко поставленные рядом!) неугасимы «в глубинах нашей веры бесприютной». И афоризм, помимо слов, но благодаря им, раздвигается до размеров неохватной правды.

У Есенина: «Се изб древенчатый живот / Трясет стальная лихорадка». Григорьев без слов досказывает историю последней избы: у него «Дом заламывает руки»... А в подтексте – переключка с самим собой: «...и в ворохе золы живет, / Горит моя вина». И вот без отсылки к Есенину трагическая связь времен восстановлена.

«Сжигай слова, чтоб не остыл мотив». Здесь не просто парадоксально оживает пушкинский Пророк. Нет, намеком выражено то, о чем мы только что говорили: чтобы строка горела, нужно сжигать слова – ибо, по воле автора, сожженное слово, сохраняя себя, жертвует собой и тем самым, обращаясь к человеческой душе, раздвигает свои чисто словесные, текстовые границы.

Схожую роль выполняет и ритмика Игоря Григорьева. Вначале кажется, что она во многих случаях

чисто есенинская. С точки зрения идеологов от поэзии, зачем нужны подобные «повторы»? Но чудо ипостасности побеждает и здесь. Есенин не только явил, но и завещал нам свою интонационно-ритмическую неповторимость. Она, как и истинно русское слово, обрекает последователя на самобытность. Он не подражает, а учится у гения быть оригинальным. Так опыт Дениса Давыдова научал Пушкина. Так Кольцов и Некрасов подсказывали Есенину. И, с другой стороны, ритмика автора «Сорокоуста» получала в русской поэзии продолжение и новую жизнь.

Пора включить Григорьева в большой и разновременный контекст отечественной поэзии. Тогда выявится и обозначится его страница в этой нашей единой книге. Где каждый корневой лирик – ипостась другого. И где опыт дальних и недалних лет открывает возможность и реальность так востребованного сейчас русского духовного возрождения.

А. М. Любомудров

«МУЧАЮСЬ БЕДАМИ НАШЕЙ ГОРЕСТНОЙ РОДИНЫ...» РОССИЯ ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВА

«Я живу больно, грустно и горестно: мучаюсь бедами нашей горестной родины – России...» – признался поэт одному из своих адресатов.¹ В этой фразе выражена, думается, и суть поэзии И. Григорьева, и характер его творческой личности, и его восприятие России.

Григорьев мастерски владел народным языком, поэтому в его поэзии оживают, искрятся глубокие и богатые смыслы, заложенные в русском слове много веков назад. В его уникальной языковой картине мира выделяются слова с корнем *горе*. Варьируются, перекликаются в его стихах многообразные лексические производные: горечь, горевать, горюниться, горячий, горевой...

Это слово было по-особому близко душе поэта, оно отражало его сокровенные чувства, душевные состояния, окрашивало его поэтическую мысль. Даже в его имени лексема «горе» фонетически проявлена: И-ГОРЬ ГриГОРЬев.² Праславянская основа «гор» не-

¹ Эту строчку обнаружила в архиве поэта и процитировала на вечере памяти И. Григорьева 25 ноября 2013 г. Н. В. Советная.

² Светлана Молева предположила: «Может быть, имя, кото-

сла в себе значения «мука, печаль» и «пламя, жар», она породила глаголы *горевать* и *гореть*.

Это семантическое поле однокоренных слов тесно связано с образом родины, России. Тема родной земли – одна из главных для поэта, а размышления о ее драматической судьбе подчас мучительны и напряженны, поистине *горестны*.

Понятно, что в многочисленных стихах, посвященных памяти о войне, поэт рисует картины страшного и героического времени. Одно из них начинается строкой «Я помню горестную ночь, / Тротила адскую работу...».³ Война несла *горе* стране и народу

рое никогда не бывает случайным и в котором трижды отзываются и горе, и горечь, и горячность (но и горение, и горний), настойчиво диктовало ему» (Молева С. Жестокая дорога – поэзия // Поэт и Воин: книга воспоминаний об Игоре Григорьеве. СПб., 2013. С. 308).

³ Знакомство со стихотворениями И. Григорьева, опубликованными в двадцати прижизненных и четырех посмертных сборниках, на интернет-сайтах, показывает, что многие из них существуют в разных вариантах. Разнятся лексика, орфография, пунктуация и зависящая от нее интонация стиха. Хорошо знакомый с поэзией своего современника, А. А. Горелов подметил, что, дорабатывая свои стихи, он не всегда улучшал их. Это заметно и в стихах, где присутствует лексема *горе*. Например, стихотворение «Верность», где прежде была строка «в горевальном пути», печатается в издании 2014 года (Григорьев И. Перед Россией: стихи и проза) с вариантом «в беспощадном пути»; стихотворение «Я помню горестную ночь...» в некоторых изданиях начинается строкой «Я помню огненную ночь» и т. п. Эти замены явно обедняют стих, изначально народный и многоцветный. Стихотворение «Горемаятная родина» в ряде сетевых публикаций приводится со строками «Да когда же нам напляшется / Во пиру судьбы-тюрьмы?», в печатных изданиях слово «напляшется» заменено на «наплачется». Оба ли варианта – авторские, или один из них – ошибка публикаторов? Ведь во втором варианте («наплачется»)

(«Горестная чаша / Не минула нас» – «22 июня 1941»), и в стихотворении «Память» эта лексема, варьируясь, рождая смысловые оттенки, звучит не раз:

У тихого леса
Святое проклятое прошлое:
Горюнятся лобное место,
Невинной полынью заросшее.
<...>
Прохожий, прохожий,
Не стой, выставая под тучами:
Не надо, не надо тревожить
Могилы глазами горючими.
Им выситься долго,
Их горького долга твоё не касается...

И в заключительных словах «Поляна, поляна по-лынная» упомянута трава – символ горечи. А в стихотворении о погибшей разведчице («Последний большак») рождается образ – «горевого цветок России».

Но постепенно образ «горя» входит и в картины современности. Это раздумья о родной деревне, ныне исчезающей. Это тема блудного сына, оставившего отчий край в поисках иллюзорного счастья. Стихотворение «Горькие яблоки» – одно из самых сильных в ранней лирике Григорьева, так же назван и его сборник 1966 года. Эпитет «горькие» означает, конечно, в первую очередь *горестные*. Лирический герой, навещая родителей, изменяется смысл, исчезает горестно-гневное душевное движение автора, теряется связь с последующими строчками: «Неужели не отважиться, / Встав, напомнить: кто есть мы!».

Все это говорит о том, что для подготовки будущих серьезных изданий литературного наследия И. Григорьева необходима тщательная текстологическая работа, изучение создания и правки стихотворений, обоснованный отбор их вариантов и редакций.

щая малую родину, встречает в зарослях старую ябло-ню и ведет с ней разговор. Запустение, рождающееся от забвения, обжигает душу, и слово *горестный* появляется в первой же строфе:

На доброй пашне, в широкополье,
Олешник вымахал да лоза.
В саду крушиновое раздолье
Глумится в горестные глаза.

Поэт питает надежду, что «еще не поздно / Просить прощения у земли»; эта же покаянная тема развивается и в других стихах:

От деревенщины моей,
От сельской простоты
Остались только горечь пней
Да ломкие кусты.

<...>

И Русь не та, и сам не тот –
Иные времена!
Но в ворохе золы живет,
Горит моя вина.

Но тема малой родины сопрягается в этом стихотворении с целым миром, со всем белым светом, который сопровождает неожиданный, казалось бы, эпитет:

Прошли немалые года,
Затих кровавый гром,
Чего я только не видал
На свете горевом!

Теперь горьки не только яблоки и пашни. Некую горестную сущность несет в себе все мироздание. Белый свет не только лазурен и безмятежен, – он еще и *горевого*.

Осмысляя свою судьбу, Григорьев часто определял ее этим или синонимическим словом: «Твоя далёкая дорога / Горька, да горе дарово» («На дороге»). И не только свою, но и судьбу своих современников, целого поколения тех, кто остался верен родине:

Будет всякое, всякое будет
В наших судьбах, таких горевых:
Нас прогонят, обманут, осудят,
Нас отвергнут от зорь заревых.
(«Дорогие лесные пустыни»)

В этих размышлениях слышатся порой ноты безысходности:

Когда изнеможем, идя напролом,
К мечте не пробьёмся в пути горевом...
(«Когда изнеможем...»)

«Гореванье» – название одного из первых стихотворений Григорьева, написанного в 1941 году. *Гореванием о Руси* можно определенно назвать и всю его зрелую поэзию.

Конечно, его любовь к родине непререкаема: «Ничего душе не надо / Кроме родины и неба» («Вечер»). Но это любовь взыскующая, и Россия-родина не является ни идеалом, ни идиолом, она может быть больной и даже безжалостной. В одном из таких стихов, написанных под впечатлением от травли и клеветы, которым подвергся поэт, он с болью констатирует: родина «сыновьям на ласку поскупилась» («Перед Россией»). И становится понятно, насколько выстрадана поэтом любовь к такой родине.

Характерна поэма «Русский урок» (1991) – о роковых судьбах отчизны, о горестях, выпавших на долю русской души:

Невольник святого засилья,
Люблю, хоть не знай и не верь,
Россия, Россия, Россия,
Какой уже нету теперь.

Не сказку-мечту зоревую,
Что в сердце до гроба таим, –
Мне жаль ее ту, горевую,
Нешадную к детям своим.

Страну нещадную – иначе говоря, *беспощадную* к своим сыновьям, поэт не отвергает. Даже такую, жестокую и несправедливую, – жалеет. Александр Блок признавался: «Да, и такой, моя Россия, / Ты всех краев дороже мне». Наряду с неоспоримым есенинским влиянием живет в философских стихах Григорьева и традиция Блока, его восприятие России.

К образу родины-матери, вдруг оборачивающейся – страшно представить – *мачехой*, Григорьев возвращался не раз: «А Русь везде, у пня у каждого, – / И злая мачеха и мать» («В селе петушья куролесица...»). Эти пни символизируют в его стихах срубленные под корень, загубленные жизни земляков, к которым родина была «нешадна» и от которых остается лишь «горечь пней».

Горевой, горевальный – поэт нашел эти замечательные слова в псковском говоре, в глубинах языковой памяти народа. Толковые словари русского языка раскрывают спектр значений: «Горевой. 1. Испытывающий горе; несчастный. 2. Преисполненный горя, печали; безрадостный. 3. Неумелый, неспособный».

Сочетание всех этих смыслов и порождает емкий философско-поэтический образ родины.

Составленный А. П. Бесперстых словарь эпитетов Игоря Григорьева иллюстрирует это сложное, объемное восприятие России. С одной стороны, она *весенняя, желанная, нежная, родная, любимая*. С другой – *беспечная, лихая, лютая, нещадная* и даже *чужая*. А понятие «отечество» поэт сопроводил лишь одним эпитетом – *скорбное*.⁴ Ряд негативных определений умножается в стихах поздних, написанных в эпоху перестроечного лихолетья. В эти годы родились у Григорьева бескомпромиссные строки: «В том строю не признавал я многое, / В этом строе отвергаю всё». Он поставил их эпиграфом к стихотворению с простым и всеобъемлющим названием – «Россия». Для поэта оно имеет принципиальный, итоговый характер. Страна предстает в нем находящейся на краю гибели, а может быть, уже перешедшей за этот край. И вода – основа жизни – в этой стране уже *неживая*, то есть – мертвая. Лексема «горе» появляется здесь в составе оксюморона: «Тебе только *горести рады* / В немом подневольном леске». А ключевым становится слово *неволя*:

Неволя, недоля, чужбина –
Ни слова, ни зги, ни следа.
Да русская ль это ложбина?
Да жива ли в речке вода?

Это древнерусское слово, погруженное в контекст стиха: «Не волен размыкать неволю! / Недоля, хоть

⁴ Бесперстых А. П. Родина в эпитетах Игоря Григорьева // «Я не мыслю себя без России...» Международный поэтический конкурс им. И. Н. Григорьева / сост. Н. В. Советная. СПб., 2014. С. 148–151.

криком кричи!..» – воскрешает в языковой памяти читателя устойчивое словосочетание «горе мыкать». А оно, в свою очередь, близко другому сочетанию – «горе маять». И по аналогии с производным от первого фразеологизма прилагательным «горемычный» поэт создает замечательный неологизм, вынесенный в название другого стихотворения – «Горемаятная родина»:

Горемаятная родина,
Горемаятные мы:
На пустых холмах – болотина,
На болотине – холмы.
Или вера сгнила начисто?
Или верится до дна?..
Даже пляшется, как плачется:
Плач – под пляску, мать родна!

Стихи позволяют понять, что же имел в виду поэт, когда писал друзьям о «горестной родине». Словари дают три основных значения этого прилагательного: 1. Исполненный горести, печальный, скорбный; 2. Достойный жалости, сожаления; 3. Выражающий глубокую скорбь. И все три смысла неразделимо присутствуют в образе григорьевской России.

И еще один поворот темы горя – религиозно-философский. Поэт ощущает страдание как неотъемлемую часть земного бытия, словно вторя словам Спасителя: «в мире скорбни будете...» (Ин 16:33). И принимает его:

Радость придётся забыть,
Вьюга друзей отпоёт,
Но не устану хранить
Светлое горе моё.
(«Песня»)

В поэме «Двести первая верста» есть своеобразная молитва лирического героя накануне боя, с надеждой – не погибнуть, пожить еще. Но для чего пожить – насладиться красотой мира? земными утехами? – вовсе нет.

Не опоздает никто умереть
На этой горькой земле.
Дозволь подышать, дай погореть,
Погоревать во мгле,
О тихом лете погоревать,
Послушать птичью струну...

Подышать и *погоревать* стремится лирический герой. Та же тема развита в стихотворении «Боль», давшем название одноименному сборнику 1995 года:

Светлый ангел, сестрица, скажите:
Догорит моя ночь хоть когда?
Длань на рану мою положите:
За окошком ни зги – темнота!

Горькой доли глоток – не бессмертья
Мне бы надо вкусить позарез!
Кроткий ангел, сестра милосердья,
Неужель я для смерти воскрес?

Парадокс в том, что для жизни необходим, как живая вода, *глоток горькой доли*. Страдать, мучаться болью своей Родины – это и значит существовать подлинно. Эти страдания давали силы жить и творить плеяде современников-единомышленников Григорьева, среди которых Федор Абрамов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев. Но это и давняя нравственная традиция русской поэзии, русской литературы.

Вспомним пушкинское: «Но не хочу, о други, умирать; Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...».

Вот исток, откуда родились эти пронзительные строки Игоря Григорьева: «Я живу больно, грустно и горестно: мучаюсь бедами нашей горестной родины – России...».

Н. А. Пителина

**МОТИВ ПАМЯТИ В ПОЭЗИИ
ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВА**

Память – это универсальный способ восприятия окружающего мира человеком. Воспоминание подразумевает уподобление новой информации уже известной, включенной в жизненный опыт индивидуума и социума. Условно можно выделить три разновидности памяти: это индивидуально-личностная, бессознательно-генетическая и коллективная культурная. Личностная память складывается из знания о себе, событиях собственной жизни, личных переживаниях; культурная память хранит отпечаток о событиях, происходивших с человечеством, знаниях и навыках, накопленных на протяжении столетий; генетическая память представляет некое знание, передающееся из поколения в поколение на бессознательном уровне.

Воспоминания занимают значительное место в произведениях Игоря Григорьева. Память в его творчестве является средством сохранения индивидуальности, а также родовых, национальных, религиозных, культурных традиций.

Далее нами рассмотрены стихотворения, в которых так или иначе звучит мотив памяти. Отметим, что данный мотив актуализируется следующими сло-

вами: «память», «воспоминание», «помнить», «вспоминать», «припоминать», «напоминать». В этот же семантический ряд включаются лексема «забыть» и мотив забвения, поскольку к операционным механизмам памяти относятся процессы запоминания, сохранения, воспроизведения и забывания.

В стихотворении «Воспоминание» мотив памяти является центральным. В произведении переплетаются несколько временных пластов. К прошлому лирического героя относится, во-первых, воспоминание о первых поэтических опытах (вторая и третья строфы, заключенные в кавычки), описывающее процесс сочинения романса и изобилующий штампами этого жанра («зазноба», «красы изъян», «цыганский стан»).

Осень, ветрена зазноба,
Золотая трын-трава,
Мы с тобой гуляем оба
На поминках Покрова.

Ты горюн-тоску остудишь
И спалишь красоты изъян,
Не обманешь, не остудишь,
Дашь обнять цыганский стан!..

Во-вторых, рефлексия пятнадцатилетнего лирического героя по поводу собственных стихов:

Сочиняю, сочиняю,
Хмелен песенным вином, –
Сердце рифме подчиняю,
Осень пляшет за окном!

И реакция близких на поэтические экзерсисы подростка:

С печки бабушка Васютка
Слазит: – Тоже мне поэт:
Лезть к цыганке! – вздумать жутко
Одурел в пятнадцать лет?

Ну, твой батька – гибло дело:
За стихи ему б – дрючка!
А куды ж досюль глядела
Манька-мать, моя дочка?

Ну их, виршы, – дымку с дымой,
Не транжирь карандаши!..¹

Образ бабушки нарочито прагматичен и приземлен, в ее речи звучат просторечия «одурел», «дрючка», «куды», «досюль», рифма требует нарушения орфоэпической нормы «дочкá». Она считает занятие поэзией «гиблым делом», доставшимся лирическому герою в наследство от отца. Однако последние две строки: «Невдомек карге любимой: / Песни – дар ее души» – придают оттенок шутливости предыдущему высказыванию, а оксюморон «карге любимой» свидетельствует об очень теплых и близких отношениях, связывающих бабушку и лирического героя. Второй временной пласт (настоящее) реализуется в названии стихотворения, находится как бы над текстом, но зримо дает понять, что данное воспоминание принадлежит уже повзрослевшему и умудренному жизнью лирическому герою, стремящемуся оставить память о своей семье и своих личных корнях.

С мотивом памяти тесно связаны художественное пространство дома, малой родины (Псковской земли)

¹ Григорьев И. Н. Воспоминание // Григорьев И. Н. Перед Россией: стихи и проза. М., 2014. С. 132–133.

и Руси как мест реализации человеком своих талантов и своего предназначения. Лирика Игоря Григорьева проникнута любовью к дому и родине.

Этот аспект актуализируется в стихотворениях «Великая», «Я в русской глухомани рос...», «Сон о доме» и многих других.

Стихотворение «Великая» (1958) посвящено реке Великой, протекающей в Псковской области (длина реки 430 км, ширина редко превышает 100 м). Несмотря на скромные размеры, она является главной водной артерией региона. Ее воды и берега сохраняют память обо всех значимых событиях жизни лирического героя. Она помнит рождение героя, она обмывает его, «окрестив святой водой», она поет ему убаюкивающую «песню дедов», она спасает его от смерти во время войны:

...ты
Мне пламя залила
И остудила боль живой водой,
И, от карателей пригорком заслоня,
Скрывала в камышах до темноты.
Что было бы со мной, когда б не ты!..²

Лирический герой обращается к реке на ты, как к родной, как к матери, и считает себя ее крестным сыном («сын крещенный твой»). В его внутреннем мире, как воды реки Великой, сливаются прошлое, настоящее и будущее. Память, по мнению Д. С. Лихачева, «противостоит уничтожающей силе времени. Это свойство памяти чрезвычайно важно. Принято

² Григорьев И. Н. Великая // Григорьев И. Н. Не разлюблю: стихотворения; поэма. Л., 1972. С. 33.

элементарно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим. Память – преодоление времени, преодоление смерти»³.

Отдельным аспектом концепта память можно называть «забывание», забвение». В стихотворении «Сон о доме» повествование ведется от имени деревенского дома, предстающего живым существом, размышляющим о собственной горькой судьбе: о постепенном ветшании, о возможности слома, пожара. Дом обращается к хозяину, который забыл его, предал, предал свою малую родину, переехав в город:

Десятый год,
Как стою один,
С твоего столичного новоселья.

Он служит напоминанием, что дом не просто местожительства, но «судьба-опора»:

Не признаёшь меня?
Я – твой дом,
По-старому то есть – судьба-опора⁴.

Дом, как пишет В.С. Непомнящий, «основа “самостоянья”, человечности человека... осмысленности существования... Понятие сакральное, онтологическое, величественное и спокойное»⁵. Дом символи-

³ Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. М., 1985. С. 160–161.

⁴ Григорьев И. Н. Сон о доме // Григорьев И. Н. Целую руки твои: лирика. Л., 1975. С. 12.

⁵ Непомнящий В. С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. М., 2001. С. 126.

зирует местожительство души человека. Поэтому дом в стихотворении больше всего заботит даже не собственная судьба, – он готов смириться и с ней, и с собственной смертью, – но судьба хозяина. Произведение заканчивается риторическими вопросами:

Как же ты?
Где без меня главу приклонишь?

Дом становится символом исконно русского уклада жизни. Патриархальность, основанная на предшествующем опыте многих поколений, стала культурным и нравственным стержнем русского общества и отдельного человека. Уклад русской жизни – обычаи, традиции, вековые нравственные ценности – определяет мировоззрение поэта, его поступки. Дом выступает в роли совести, мучающей лирического героя, оторвавшегося от родной почвы, он напоминает о недопустимости забвения и беспамятства как для отдельного человека, так и для народа в целом.

Особое место в творчестве Игоря Григорьева занимают стихотворения, посвященные сохранению памяти о Великой Отечественной войне. Война стала личной трагедией и болью Игоря Григорьева. Поэтому в лирике он очень тактично и, если так можно сказать, целомудренно подходит к этой очень болезненной тематике. Композиция многих стихотворений строится по принципу контрастного сравнения того, что было когда-то, с тем, что есть теперь, – антитеза настоящего (послевоенного времени) и прошлого (военного). Этот прием позволяет автору примирить ужасы войны с торжеством жизни, которое воплощает собой природа.

В стихотворении «В первую тишь» (1945–1953) звуки леса ассоциируются у лирического героя с грохотом войны:

Замри у спаленной опушки,
Ничуть не боясь, подыши.
Грохочет!.. – да это лягушки.
Крадется!.. – Так то ж камыши.

Взывают нещадные трубы!.. –
Не рвись: гомонят журавли.
Над лесом багровые клубы!.. –
Заря доспевает в дали⁶.

Еще одно стихотворение, в котором природа стирает памятные знаки войны, – «Память» (1945–1963), посвященное Льву Николаевичу Григорьеву, брату поэта, погибшему на фронте. В нем природа (полынь, ракита, осины) служит своеобразной рекой забвения, до неузнаваемости меняющей облик места гибели «русича».

Забыто, забыто, забыто.
Зарыто. Заровнено глиною.

Ни рва, ни кровинки –
Все годами списано, сглажено.
Осинами стали осинки,
Лепечут: «Все мирно, все слажено»⁷.

Лексический повтор усиливает впечатление, производимое действиями живой природы, ее непреодолимой тягой к воскресению и продолжению жизни. Противостоять этому забвению может только чело-

⁶ Григорьев И. Н. В первую тишь. URL: <http://www.stihi.ru/2013/12/17/10477>.

⁷ Григорьев И. Н. Память // Григорьев И. Н. Перед Россией. С. 311–312.

веческая память, такая же живая. Неслучайно эпитет «живая», и его варианты «бессонная» («бессмертная» в стихотворении «Я помню горестную ночь») часто употребляется поэтом со словом «память»:

И память – живая,
Бессонная, жгучая, длинная,
Стучится, взывая:
Поляна! Поляна полынная!⁸

И если природа, по мнению поэта, может забыть о войне, то люди, оставшиеся жить и будущие поколения, не имеют морального права забывать, потому что к их памяти через посредничество поэтов взывают погибшие:

У них в глазах – ни зла, ни лжи,
Они велят: «Чтоб грех испламить,
Пусть бережет горюнья-память
Всю тела дрожь, всю боль души.

Пусть дочери и пусть сыны –
Живые – павших поминают.
Да никогда не забывают
Они об ужасах войны»⁹ –

так заканчивается стихотворение «Я помню огненную ночь...».

Таким образом, для Игоря Григорьева причина воспоминаний и необходимость рассказать об ужасах войны – это обостренное чувство долга поэта перед ушедшими в иной мир. Но не только. Война – это величайший грех человечества перед Богом.

⁸ Там же.

⁹ Григорьев И. Н. Я помню огненную ночь... // Там же. С. 230–231.

С мотивом памяти и идеей Бога в лирике Игоря Григорьева неразрывно связаны мотивы вины и прощения (стихотворения «Горькие яблоки», «От деревенщины моей...», «Погост Жаборы»).

Это и вина за измену деревне (ни горожанин, ни мужик) и своей исконной сущности («От деревенщины моей...»):

И Русь не та, и сам не тот –
Иные времена.
Но в ворохе золы живет,
Горит моя вина¹⁰.

Это и вина перед землей в более широком смысле (родиной, приходящей в запустенье, родиной, поливаемой кровью и искореженной снарядами):

Пылает полдень, а мне морозно:
Как в суд с поличным вдруг привели.
Не надо, сердце!
Еще не поздно
Просить прощения у земли¹¹.

Или: «Мать-земля, чего ты нам простила?»¹²

Земля представлена в образе матери, милостивой, всепрощающей, смиренной и тихой, имеющей право отпускать человеческие грехи. Однако лирический герой опасается, что ее терпение и смирение может быть безграничным.

¹⁰ Григорьев И. Н. От деревенщины моей... // Там же. С. 119–120.

¹¹ Григорьев И. Н. Горькие яблоки // Григорьев И. Н. Не разлюблю. С. 55.

¹² Григорьев И. Н. Погост Жаборы // Григорьев И. Н. Перед Россией. С. 224.

Грехи нам прощены... покуда.
Ну, а завтра? Вдруг да не простишь?¹³

Образ матери-земли – очень древний культурный символ, который проявляется в различных мифологиях; в русской культурной традиции с принятием христианства он ассоциируется с образом Богородицы – покровительницы и защитницы Руси и русского народа.

Таким образом, мотив памяти предстает скорее как лейтмотив всей лирики Игоря Григорьева. Память выступает как категория, присущая человеку и определяющая его нравственные устои и духовный уровень. Память тесно связана с темами дома, родины, земли, Бога. Сохранение памяти: родовой, исторической, культурной – способствует самоидентификации человека и народа и преумножению лучших человеческих качеств.

¹³ Там же.

О. И. Сафронова

ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ – БЛИЗКИЙ ИЛИ ДАЛЁКИЙ? (О поэтическом переводе стихов поэта на украинский язык)

...Переводы – не способ ознакомления
с отдельными произведениями, а сред-
ство векового общенья культур и народов.

*Борис Пастернак.
Заметки переводчика*

Судьба иногда делает подарки – надо только суметь разглядеть их в потоке событий. Вот таким неожиданным подарком стало для меня творчество поэта-воина Игоря Григорьева. И тем более неожиданным и интересным, что открывала для себя я этого прекрасного поэта сквозь призму перевода. Перевода его стихов на украинский язык.

Довольно часто можно услышать вопрос: а зачем это нужно? Украинский, белорусский, русский языки достаточно близки, всё, мол, и так понятно любому, владеющему одним или двумя из них. Всё это так. Но вот мои ощущения начинающего переводчика. Любой поэтический перевод, пусть даже на близкий язык, требует большой душевной работы. Кажущаяся легкость, с которой можно подобрать соответствующий

ритм и рифму, зачастую обманчива. Что-то такое есть в стихах (филологи, наверное, знают правильный термин), что я для себя определяю как «живое очарование». И вот, казалось бы, содержание передано близко к тексту, выдержан ритм, соблюдено чередование рифм, а стих – мертв... потому что ничто внутри на него не отзывается. И вот поймать это неуловимое и прекрасное и выразить средствами пусть близкого, но все же другого языка – огромная радость. И ещё – пусть небольшой, но такой важный в наше трудное и порою жестокое время шаг навстречу друг другу.

Вот и стихи Игоря Николаевича Григорьева давались переводу не просто и не сразу. Поэт самобытен, нетривиальны его мысли и образы. Как не расплескать это, переливая в сосуд другого языка? Но сколько чудных мгновений, сколько радостных открытий от такой работы!

Приведу несколько примеров. И начать хочу с одного из моих любимых стихотворений – «Дорогие лесные пустыни...», из которого так и льётся тот самый «тихий свет от земли до небес». Уже первая строка, словосочетание «дорогие лесные пустыни», такое ласково-уединенное, благостное в авторском тексте, в дословном переводе на украинский язык («дорогі лісові пустелі») при, казалось бы, хорошем ритмическом совпадении абсолютно утрачивает, на мой взгляд, то самое «живое очарование», о котором я говорила выше. Возможно, это моё субъективное ощущение, но отмахнуться от него я не смогла. И вернуть строке, да и всей строфе, её эмоциональную окраску я попыталась своими словами, передающими некоторое радостное замирание от долгожданной встречи:

«Ліс... Нарешті...» (Лес... Наконец-то...), узнавание вновь увиденных мест: «Які мені милі Сіромахи вільхи чагарі» (Как мне милы заросли серой горемыки ольхи), ощущение необыкновенного уюта, чувства дома: «Наче я у своєму дворі!» (как будто я у себя во дворе). Вот что получилось:

Текст Игоря Григорьева:

Дорогие лесные пустыни,
Серой ольхи плакучий разбой.
Здравствуй, робкая былак полынй!
Мне нисколько не робко с тобой.

Перевод на украинский язык:

Ліс... Нарешті... Які мені милі
Сіромахи вільхи чагарі.
Ось полину билінки похилі...
Наче я у своєму дворі!

(Лес... Наконец-то... Как мне милы
Заросли серой горемыки ольхи.
Вот наклонённые былки полынй...
Как будто я у себя во дворе!)

Добавлю, художественные образы стихотворений Игоря Николаевича Григорьева порою порождают множество ассоциаций и новых созвучных образов, что тоже проявляется в переводе. В том же стихотворении «Дорогие лесные пустыни...» сначала автор обращается к лесу: «Ты дубы на полянах огромнишь...», а далее следуют горькие строки о судьбе поэта: «Будет всякое, всякое будет... Опалят беспощадным огнём И железной секирою скосят...» – и сломанная судьба человека увиделась безжалостно срубленным вековым деревом, катящимся к краю пылающей бездны. Казалось бы, гибель неминуема, но сила духа позволяет удержаться на краю, «не заметить казни» и тем самым одолеть самую смерть, прорастая из глубины корнями, которым не страшны ни огонь, ни топор. Вот как это вылилось в переводе:

Текст Игоря Григорьева:

Будет всякое, всякое будет
В наших судьбах, таких горевых,
Нас прогонят, обманут, осудят,
Нас отвергнут от зорь заревых;

Нас еще позабудут, забросят,
Опалят беспощадным огнем
И железной секирою скосят...
Только мы все равно не умрем.

Хоть чего натвори-понаделай,
Присудив доконать на корню, –
Наши корни в земле порыжелой
Не унять топору и огню.

Перевод на украинский язык:

А ще буде... Що тільки не буде.
Наша доля – гірка, як полин.
Знов, обдурених, вироком суду
Відокремлять від зоряних днів.

І покотять забутих у прірву,
У безодню з пекельним вогнем...
Гостре лезо сталльної секири
Не минути. А ми – обминем!

Обминем, не помітимо страти,
Смерть здолавши, всміхнемося дню.
Бо коріння в землі рудуватій
Не здолати сокирі й вогню.

(Ещё будет... Чего только не будет.
Наша судьба – горькая, как полынь.
Снова, обманутых, приговором суда
Отсекут от заревых дней.

И покатыт забытых в пропасть,
В бездну с адским огнём...
Острое лезвие стальной секиры
Не обойти. А мы – обойдём!

Обойдём, не заметим казни,
Смерть одолев, улыбнемся дню.
Ибо корни в земле рыжеватой
Не одолеть топору и огню.)

Такой вот «параллельный мир» внутри стихотворения. Вроде бы и немного о другом, но, на самом деле, ведь о том же самом, только уже пропущенном сквозь душу и сердце переводчика. Здесь, конечно, очень важна была бы беседа с автором, его взгляд и мнение, но у Игоря Николаевича уже не спросишь.

Очень интересным для перевода стало стихотворение «Живешь... и вдруг увидишь...», где мне увиделась тема трагедии потери смысла жизни, переданная

через образ лютой, всепоглощающей метельной мглы, откуда «дороги нет назад», хоть и «заламывает руки» и зовет к себе потерянное прошлое («тебя прогнавший дом»). Именно этот образ в целом я и стремилась передать. Мне казалось важным, пусть не совсем точно следуя авторскому тексту (но сохранив при этом ритм и чередование рифм как основную мелодию), попытаться воссоздать ту напряженную, даже истовую атмосферу, которая так слышна в авторском тексте:

Текст Игоря Григорьева:

За дверью – море мрака,
Метельная беда.
Пройдешь четыре шага,
А сзади – ни следа.
...
Ни звать, ни знать не надо,
Кто прав, кто виноват –
Ведь нет тебе возврата,
Дороги нет назад.

В седом пожаре вьюги
Кричат зальделым ртом...
Заламывает руки
Тебя прогнавший дом.

Перевод на украинский язык:

Підхопить попід боки
У темряві зима,
А за чотири кроки
І сліду вже нема.
...
Приречені до страсти
Підуть у небуття...
Підеш і ти. До хати
Немає вороття.

Скажені завірюхи
Сичать, віщують смерть...
Дім тягне в скруті руки
До вигнаного геть.

(Ухватит под бока
в темноте зима,
а за чотири шага
уже і следа нет.
...
Обреченные на казнь
уйдуть в небытие...
Уйдешь и ты,
Домой возврата нет

Бешеные вьюги
Шипят, возвещают смерть...
Дом тянет в тоске руки
Вслед изгнанному прочь.)

Очень хочется надеяться, что это получилось и читатели вместе со мной заплутают на некоторое время в этом тревожном метельном мире.

А в стихотворении «Простодушно удружила...» совсем другая атмосфера: ощущение яркого, светлого, лёгкого, как полёт птицы. И тоже так важно было её не потерять. Строка «замелькала пёстрой птицей»

Текст Игоря Григорьева:

Замелькала пёстрой птицей,
Синекрылою звездой,
Стала кровом и криницей,
Позабытой бороздой.

Храмом, дальним и неожиданным,
Льющим в душу тихий свет,
Беззаветным, безобманным...
Это здесь-то Бога нет?

Перевод на украинский язык:

Диво-птахом спалахнула,
Синьокрила, як зоря.
Сміх джерельний повернула
На покинуте рілля.

Наче в храмі: не чекана
Тиха світла висота...
Беззавітне, без омани
Щастя. Божа простота...

(Диво-птицей вспыхнула,
Синекрылая, как звезда.
Родниковый смех вернула
Покинутым пашням.

Будто в храме, неожиданная,
Тихая, светлая высота...
Беззаветное, без обмана
Счастье. Божья простота...)

в дословном переводе на украинский язык звучит «замиготіла строкатим птахом» и совершенно лишается радостной лёгкости русского оригинала, а, наоборот, приобретает суетливо-раздражающий оттенок: мелькание пёстрых пятен перед глазами – попугайность. И я попыталась вернуть стихотворению образ пленительной райской птицы: «диво-птахом спалахнула» (диво-птицей вспыхнула). Ощущение радости, обретения, возрождения я попыталась развить и усилить в следующими образами: «сміх джерельний по-

вернула» (родниковый смех вернула), «тиха світла висота» (тихая светлая высота), «беззавітне, без омани щастя» (беззаветное, без обмана счастье). Мне кажется, они очень близки образам оригинала: «стала кровом и криницей», «тихий свет» – и, главное, создают такой же цельный светлый мир, как в оригинале.

Подобные примеры можно было бы продолжать и продолжать, но не хочется, чтобы сложилось впечатление, будто бы поэтические тексты Игоря Николаевича Григорьева требуют при переводе на украинский язык непременно пересказа своими словами.

Текст Игоря Григорьева:

Льют лиловые потёмки
Луговой настой.
От заката – полкаёмки
В тишине густой.
Буйнотравье будто вьюга,
Спящая в ночи.
Не докличутся друг друга
В пойме дергачи.
Не шелóхнется спросонка
Спеющая рожь...
Что, родимая сторонка,
Что ты стережешь?

Перевод на украинский язык:

Сутінки лілові лиють
Настій луговий.
Смужка заходу темніє...
Тиші шар густий...
Буйнотрав'я завірюха
Спить собі вночі...
Все когось у плавнях глухо
Кличуть дергачі...
Не поворухнуться сонні
Стигнучі жита...
Що хорониш у долонях,
Сторона свята?

(Потёмки лиловые льют
настой луговой.
Полоска заката темнеет,
Тишина – густым слоем.
Буйнотравья вьюга
Спит себе ночью...
Всё кого-то в пойме глухо
Кличут дергачи...
Не пошевелиятся сонные
Спеющие ржи...
Что прячешь в ладонях,
Сторона святая?)

Наоборот, народность, певучий лад его стиха очень близок, на мой взгляд, тому украинскому языку, который звучит в произведениях Тараса Шевченко, Ивана Франко, Леси Украинки, других моих любимых и, не побоюсь сказать, великих поэтов Украины. Именно поэтому много раз строки перетекали из одного языка в другой с очень малыми изменениями. В качестве примера хочу привести небольшое, но очень глубокое, запоминающееся буквально с одного прочтения стихотворение «Льют лиловые потёмки...».

Не правда ли, дословный перевод украинского текста очень близок авторскому тексту оригинала? Разница зачастую только в порядке слов. А во второй строфе даже звучание очень похожее.

И такие примеры также можно приводить и приводить. Я соприкоснулась только с малой частью творческого наследия Игоря Николаевича Григорьева. Насколько удачны мои переводы – судить читателям, я лишь попыталась написать о своих поисках и маленьких открытиях.

Конечно же, я не открыла для мира ничего нового. О технике художественного перевода написано много прекрасных книг (например, «Высокое искусство» Корнея Чуковского). Мне только очень радостно, что в этой книге я нашла подтверждение своим интуитивным ощущениям, и завет великих переводчиков: пытаться перевоплотиться, стать на время перевода самым автором – оказался мне очень понятен и близок. Вот и выходит, что побыла, пока переводила, и я немного прекрасным поэтом Игорем Николаевичем Григорьевым. А это, согласитесь, дорогого стоит.

Говорят, что наша вселенная многолика и многослойна и рядом с нами существует множество похожих, но отдельных действительностей. Видимо, что-то подобное и со вселенной наследия большого поэта: каждый, и в особенности переводчик, находит там свою собственную, на которую отзывается сердцем. А без этого, мне кажется, ничего не получится, даже в переводе на очень близкий язык.

А. Ю. Цепина

**«БРОШЕННЫЕ В ПРОСТРАНСТВЕ»: ОТРАЖЕНИЕ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО МИРООЩУЩЕНИЯ
ЧЕЛОВЕКА XX в. В СТИХОТВОРЕНИИ
И. ГРИГОРЬЕВА «СПИТ ЗЕМЛЯ...»**

XX век принес человечеству небывалую свободу. Это была свобода отрицания: человек отринул все, что сдерживало его прежде (моральные принципы христианства, традиции и уклад прошлого, непоколебимые авторитеты, представление о пределах знания). Подготовленная еще XIX веком борьба с «самоочевидностями» достигла своего разрешения и породила новый тип сознания человека, не желающего принимать «готовые решения» религии и морали прошлых веков. Произошла переоценка всех ценностей: «Добро и зло, истина и ложь – все стало проблематичным, неуверенным... Сдвинулись межевые знаки» (А. Топорков)¹.

Мыслить как прежде было невозможно. Однако вместе со свободой от сдерживающих пределов человек получил поистине беспредельное чувство одиночества и уязвимости. «Человек XX века оказался

¹ Цит. по: Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. М., 2002. С. 25.

в глобальной “экзистенциальной ситуации”: наедине с метафизическими безднами бытия и собственной души»². По выражению Н. Бердяева, «слишком свободен стал человек, слишком опустошен своей свободой...»³. Отказавшись от старых готовых решений, человек вынужден был искать другие, потому что находиться в «пустыне абсолютного нигилизма»⁴ (П. Флоренский) и вседозволенности стало невыносимо. Но найти новые сдерживающие пределы оказалось непосильной задачей – отсюда ощущение безвыходности, безысходности человека экзистенциального сознания XX столетия. Человек почувствовал себя заброшенным, чужим, потерянным, посторонним перед беспредельностью и непостижимостью мироздания.

Стремительная техническая революция, позволившая заменить человека машиной, две самых страшных войны – I и II мировые – способствовали обесцениванию человеческой жизни. Гордо восклицал Казимир Малевич: «Латы прошлого не подходят к нашему железному времени. И человек в маске противогозов – настоящий сегодняшний лик»⁵. Но человек в противогазе – не более значим, чем любой технический механизм, он заменяем, его жизнь не стоит ничего. Никого и не интересует его лицо, сокрытое под резиновой маской. Жизнь человека может оборваться в любую секунду. Всего лишь сбросив одну-единственную бомбу, можно убить сотни тысяч человек. Стоит ли запоминать их лица?

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же.

⁵ Малевич К. Государственникам от искусства. URL: <http://www.k-malevich.ru/works/tom1/index17.html>.

Жизнь человека стала казаться не более чем песчинкой, брошенной в бесконечность Вселенной. «Брошенные в пространстве»⁶ – так назвал человечество Осип Мандельштам, выразив этим определением суть мироощущения человека XX столетия.

Игорь Григорьев, как отмечали многие критики, пишет на «языке отцов и дедов»⁷. Самобытный слог, взятый из «родника народного языка» стал органичным выражением образов и мыслей поэта, неизменно связанных с русским народом, жизнью простого русского человека. При этом для Григорьева очень важна идея преемственности в русской культуре. Русский народ у него – это народ во все времена («Двадцатый век с десятым веком / Живут бок о бок, не тужа»)». Отсюда любовь Григорьева к диалектным и простонародным словам и выражением, несущим в себе отпечаток вневременной сути русской души. Литературный критик Аркадий Эльяшевич сказал об этом так: «Читая стихи Игоря Григорьева, думаешь об удивительном совпадении языковых средств с поэтической темой»⁹. Поэт писал о России, родной земле с ее бескрайними просторами и беспредельными тяготами народной судьбы; любви, давшей самое большое человеческое счастье – детей и внуков, и о войне, опалившей юность, навек оставшейся пулями под сердцем и неизбывной болью в самом сердце¹⁰. Но, не-

⁶ Мандельштам О. Стихотворения. М., 2012. С. 61.

⁷ Эльяшевич А. Игорь Григорьев // Эльяшевич А. Поэты. Стихи. Поэзия. Л., 1966. С. 290.

⁸ Григорьев И. Н. Боль: избранное. СПб., 1995. С. 95.

⁹ Эльяшевич А. Игорь Григорьев. С. 290.

¹⁰ И. Н. Григорьев // Псковский литературный портал. URL: <http://pskovpisatel.ru/>.

смотря на страшный опыт войны, пессимистическое мировосприятие не стало для Григорьева ведущим: «Казалось бы, война должна ожесточить, огрубить, навсегда задёрнуть темным пологом страшных воспоминаний ясное небо. Но вчитайтесь снова в стихи Игоря Григорьева! В них такой самозабвенный восторг, такая отдача во власть вдохновения»¹¹, – пишет литературовед Владислав Шошин. Безусловно, нельзя не согласиться с этими словами. Многие исследователи отмечают чистое, светлое мировидение поэта. Однако, как заметила В.В. Заманская, «чем значительнее масштаб писателя, тем большее число парадигм художественного сознания вбирает и интегрирует его индивидуальная художественная система, пространство его художественного мышления»¹². Несмотря на обращенность поэта к традиционности, нескрываемую преемственность, Григорьев – поэт XX столетия. Даже при том, что он подчеркнуто не помещает русского человека, о котором пишет, в рамки какого-либо временного отрезка, сам поэт живет в определенное время, которое неизбежно накладывает отпечаток на его мировосприятие. Конечно, необходимо учитывать и то, что основной период творчества Григорьева пришелся на советскую эпоху, искусственно ограничивавшую возможности проникновения достижений западной мысли и развития отечественных традиций дореволюционной литературы. Однако экзистенциальное мироощущение, ставшее сущностным для че-

¹¹ Шошин В. Поэт последней деревни // Григорьев И. Н. Боль. С. 7–8.

¹² Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе... С. 20.

ловека XX века, не могло не проявиться, пусть даже и в подобных условиях. Другой вопрос, что часто оно вынужденно или специально не связывалось с обозначением философской школы, получившей название «экзистенциализм» и известной в СССР как «буржуазное направление в философии».

Некоторые черты экзистенциального мироощущения мы можем увидеть и в творчестве Игоря Григорьева.

Стихотворение «Спит земля, огромна и печальна...»¹³ представляет собой пейзажную зарисовку. Уже в первой строфе мы находим смысловые доминанты, которые будут развиваться и варьироваться на протяжении всего стихотворения.

Спит земля, огромна и печальна.
Звёзды. Бесприютно. Беспричально.

Земля представлена живой: она спит, и она испытывает чувство – печаль. При этом задан масштаб: земля «огромна». Синтаксическая роль кратких прилагательных, выступающих в роли сказуемых, усиливает значение признаков. «Огромна и печальна» – эмоциональные доминанты, с первой строки создающие ощущение свободы и вместе с тем неуютности и тревожности. В ночи, на огромном пространстве, человек чувствует себя крошечным, уязвимым. А эмоциональная тональность, ощущаемая в природе, – несомненно, эмоции и самого человека. Земля здесь не планета, а просторы родной стороны лирического героя, но в стихотворении присутствуют и

¹³ Здесь и далее цит. по изд.: Григорьев И. Н. Боль: избранное. СПб., 1995. С. 64.

космические координаты, вносимые второй строчкой: «Звёзды. Бесприютно. Беспричально». Однословные предложения помещают землю и невидимого нами лирического героя в холодную бесконечность Вселенной. Пространство расширяется до беспредельности: «беспричально» – таково ощущение лирического героя. В этом эпитете одновременно и невероятная свобода, и пугающая бездна. Отсюда рождается другой эпитет, материализующий то чувство заброшенности, которое в первой строке было лишь в подтексте: «бесприютно». Человек такой маленький в масштабах Вселенной, он чувствует одиночество и страх. То, о чем он мечтает, – это ограничение, уголок, который умерит эту страшную свободу, даст чувство защищенности и покоя. Таким уголком является, конечно, дом. Поэтому в следующей строфе появляется образ дома, который противопоставлен черной вселенской бездне с её далекими непостижимыми звездами, которым нет никакого дела до простого желания крошечного человека:

Проложила ночь сквозь чёрный омут
Млечный путь, а не дорогу к дому.

Черный омут – образ, в котором отражены и бесконечная, непознаваемая глубина мироздания, и страх перед ней. Этот омут без труда может засосать, поглотить человека в любую секунду его жизни (помним о том, что Григорьев побывал в страшнойшей из войн и своими глазами видел, как легко может Вселенная забирать жизнь, не считаясь ни с возрастом, ни с положением, ни с планами, ни с мечтами, ни с чувствами человека). В этих черных непроницаемых глубинах не

отыскать заветный уголок. Поэтому человек – вечный скиталец. Мотив бездомности, неустроенности усиливает ощущение незащищенности и одиночества.

Но земля, на которой стоит человек, тоже живая:

Филин – и рыдает, и хохочет,
Будто гулко бредит призрак ночи.

Природа одухотворена, и это вовсе не та гармоничная и бесстрастная природа Тютчева, когда

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе...¹⁴.

Земля, природа так же заброшены во вселенскую бездну. Природе холодно и неуютно. Земля печальна, а внутри её мира, как и в душе человека, царит смятение:

Забутьё и тьму на перекрёстке
Ветер стережёт, сырой и хлесткий.

Природа сама находится в ситуации одинокого человека, напуганного беспредельностью и равнодушием Вселенной. И вот уже ропщет не только «мыслящий тростник», ропщет и сама природа: «Снизу – ропщет жухлая осока»...

Но то, что природа оказывается в той же экзистенциальной ситуации страха перед бездной, что и человек, не делает ее сочувствующей человеку. Природа в своём смятении, а человек в своём оказываются разделены и одиноки. Человеку холодно и неуютно в этих двух окружающих его равнодушных к нему сферах – живой, но сосредоточенной в себе природе и хо-

¹⁴ Тютчев Ф. И. Лирика: в 2 т. Т. 1. М., 1966. С. 199.

лодной бездушной Вселенной. И в последней строке, на которую падает самый сильный смысловой акцент, вновь звучит мотив уюта, тепла. Не имея возможности найти путь к дому, человек пытается попросить хоть толику тепла у Вселенной. Но холодные бесстрастные звезды слишком далеки от всего человеческого: «От звезды погреться! Да высоко».

Непостижима Вселенная. Непонятны её пути и не соизмеримы с человеческой жизнью, наполненной своими радостями, горестями и заботами. И потому нет надежды получить от нее сочувствие.

Стихотворение написано пятистопным хореем, что, учитывая также и тематику, отсылает нас к лермонтовским строкам «Выхожу один я на дорогу». Намеренность литературных ассоциаций подтверждается и прямой реминисценцией: «Спит земля» (вспомним: «Спит земля в сиянье голубом»). Таким образом, здесь, как мы видим, работает именно та «память метра»¹⁵, о которой говорил М. Л. Гаспаров. От лермонтовской традиции в стихотворении Григорьева ясно прослеживаются мотив «ночь и дума» и мотив космического пейзажа, ставшие чрезвычайно плодотворными для русской поэзии. На фоне столь четких литературных ассоциаций еще ярче выступает различие между стихотворением Лермонтова и стихотворением Григорьева. Это различие аналогично тому, что мы уже выявили, проводя параллель с Тютчевым: не природа в своей гармоничности и невозмутимости противопоставляется смятенному человеку, а уже бездонная, холодная и непроницаемая

¹⁵ Гаспаров М. Л. Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. М., 2000. С. 16.

Вселенная противостоит всему живому, в том числе и природе. Одиночество человека возводится как бы в квадратную степень: он по-прежнему одинок на земле, но теперь он не может восхищаться гармонией природы, потому что и она в смятении перед лицом другого одиночества – вселенского, экзистенциального, которое заключает человека во второе кольцо, делающее его положение окончательно безвыходным.

Стихотворение очень мелодично, а исключительно женская рифма придает стихам плавность и неторопливость интонации (такая рифма не совсем обычна для оговоренной выше метрической традиции – более привычно здесь чередование женской и мужской рифм). Однако стихотворение не становится тягучим – благодаря тому, что в нем используются исключительно короткие предложения, в том числе и номинативные и безличные нераспространенные: «Звезды. Бесприютно. Беспричально». Каждое предложение – коротко высказанная законченная мысль, тяготеющая к афористичности. Короткие строфы – в две строки, скрепленные смежной рифмой, усиливают ощущение лаконичности. Каждое слово в тексте обладает максимальной смысловой нагрузкой, нет ни одного лишнего слога. Главная мысль стихотворения заключена всего лишь в одной заключительной строке, которая поражает своей предельной простотой и вместе с тем глубиной и точностью: «От звезды погреться! Да высоко».

Рифма также призвана усилить смысловую нагрузку: в первой строфе *печальна – беспричально* (земля потому и печальна, что совершенно беспричальна Вселенная), во второй строфе противопоставление

омут – к дому, в последней строфе мы можем увидеть антитезу *осока* (ропущая) – *высо́ко* (равнодушная Вселенная), что «работает» на главное противопоставление в стихотворении – всего живого с холодной и равнодушной Вселенной.

Вселенная – космос (это же почти синонимы). Космосу противопоставляется Земля, которая, являясь живой, оказывается одинокой и заброшенной в холодной Вселенной. Земля – это природа (живая, что доказывается многочисленными олицетворениями) и человек. Перед лицом Вселенной они оказываются в одинаковом положении.

Таким образом, в стихотворении «Спит земля...» мы находим типичные для экзистенциального мироощущения образы и понятия: пугающая бесконечность Вселенной, одиночество, заброшенность человека в мир. Привнесение экзистенциальных смыслов в устоявшуюся традицию изображения человека, охваченного душевным беспокойством на фоне природы, позволяет обновить и расширить традицию: одиноким и смятенным предстают не только человек, но и сама природа, что многократно усиливает трагизм.

Н. В. Шабович

О НЕКОТОРЫХ АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМАХ ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВА

Игорь Григорьев (1923–1996) – один из тех поэтов, кто еще по-настоящему не оценен ни своими современниками, ни сегодняшними исследователями русской поэзии, хотя в этом направлении делается уже немало, в первую очередь благодаря неутомимому составителю словарей Анатолию Павловичу Бесперстых и писательнице кандидату психологических наук Наталье Викторовне Советной, которая не только знакомит читателей с творчеством этого неординарного автора, но и проводит конкурсы, конференции, вечера его памяти в России и Беларуси, подключая переводчиков, чтобы строки поэта-воина, поэта-труженика обретали заслуженную вторую жизнь и во многом были примером для молодых творцов.

Яркой особенностью поэтического стиля Игоря Григорьева является постоянное и целенаправленное обращение к авторским неологизмам (окказиональным словам), без которых, как известно, невозможно представить поэзию 20-х годов XX века¹. По разным

¹ См.: Шабовіч М. В. Аказіянальныя словы ў беларускіх мастацкіх тэкстах 20-х гадоў XX стагоддзя: манаграфія / навук. рэд. П. А. Міхайлаў. Мінск, 2013. 197 с.

причинам (в первую очередь из-за репрессий) впоследствии русская, да и белорусская поэзия в меньшей степени стали «подпитываться» окказиональной лексикой, но в творчестве отдельных авторов окказионализмы по-прежнему во многом определяли и определяют поэтическую строку, в который раз показывая и доказывая, что в меру употребленное некодифицированное слово не только «раскрашивает» художественный текст, но и делает его поистине «индивидуальным», не похожим на другие.

Таким автором и является русский поэт Игорь Григорьев. Одни современные исследователи сравнивают его с Николаем Рубцовым, другие находят в его творчестве есенинские мотивы². И все же, пожалуй, он был ни на кого не похож. Он был самодостаточен. Он был Игорь Григорьев.

Но обратимся к характеристике окказиональных лексем в произведениях поэта, включенных в сборник «Любимая – любимой остаётся». Первое, что бросается в глаза, – это то, что автор активно использует окказионализмы: нами отмечено более сотни новообразований. И это всего лишь на 118 страницах! Причем Игорь Григорьев не отдает предпочтение словам какой-либо одной части речи, а в равной степени обращается к созданию окказиональных имен существительных, прилагательных и глаголов (гораздо реже – наречий).

При создании окказиональных лексем поэт исполь-

² Григорьев И. Н. Любимая – любимой остаётся: избр. стихи. Псков: Курсив, 1998. С. 3–5. Далее цитаты из стихотворений И. Н. Григорьева приводятся по этому изданию с указанием номера страницы в тексте.

зует различные способы словообразования. Остановимся на некоторых и одновременно попытаемся дать толкование авторским дериватам:

а) **суффиксальный**: **Весняна** (так иногда называют того, кто появляется весной; здесь – весенняя кукушка): *Но твоему горящему «ку-ку» Уже поверил юный лес, Весняна* (с. 35), (весн-а + -ян-а); **голубень** (голубизна): *Привет вам, грозовые тучи И дымчатая голубень!* (с. 80); (голуб-ой + -ень); **гульбить** (предаваться гульбе): *Вечный запеваля – Май – гульбит опять!..* (с. 28), (гульб-а + -и-ть); **дарины** (подаренное, подарки): *Какие дани и дарины Ты жертвуешь и платишь, Русь?* (с. 65), (дари-ть + -н-ы); **дорожина** (увеличительное от дорога; широкая дорога): *Яиду, седой и светлый, Растревоженный, – В мир пригожий, в мир заветный, – Мил дорожиной* (с. 44), (дорог-а + -ин-а); **лилово** (наречие от лиловый): [Месяц] *Сыплет, щедро и лилово, В воду пятачки* (с. 79), (лилов-ый + -о); **льдеть** (покрываться льдом): *Над ними льдела и кипела И старина, и новизна...* (с. 6), (лёд + -е-ть); **медынь** (мёд или то, что имеет свойства мёда; здесь: растения, пахнущие мёдом): *Шаг шагнешь – и сразу хлынет Праздник рос, Ливень ласковой медыни, Светлых слез* (с. 40), (мёд + -ынь); **мёдный** (который имеет отношение к мёду): *До чего ж сладка сморода, Мёдны травоньки!* (с. 44), (мёд + -н-ый); **огневеть** (проявлять особенности огня; становиться огневым): *Так небывало: Валит снегопад, И огневет громкий клич кукушки* (с. 34), (огнев-ой + -е-ть); **сентябрины** (то, что имеет отношение к сентябрю; происходящее в сентябре): *Год сорок третий. Сентябрины* (с. 65), (сентябрь + -ин-ы); **сентябрить** (проявлять особенно-

сти сентября; веять сентябрем: *Уж не томит жара, И желтизною сентябрит из леса...* (с. 31), (сентябрь + -и-ть); **снежность** (абстрактное имя существительное от снежный; белизна): *Растает и вновь заплескает Нежнейшая снежность берез* (с. 72), (снежный + -ость); **угрюминка** (уменьшительно-ласкательное имя существительное от угрюмый): *Ни угрюминки на небе – Чистота* (с. 40), (угрюм-ый + -инк-а);

б) **префиксально-суффиксальный: выпеснить** (выразить в песне (песнях)): *Неужели?.. Да выпеснишь разве Все соблазны житейского дня* (с. 77), (вы- + песн-я + -и-ть); **заутреть** (рассветать): *Заутрело* (с. 94), (за- + утро-о + -е-ть); **насолнчен** (наполнен солнцем): *День усеян горицветом, день насолнчен* (с. 13), (на- + солнц-е + -ен); **промедвянен** (наполнен медвяным запахом): [День] *До макушки нежным жаром Промедвянен...* (с. 13), (про- + медвян-ый + -ен);

в) **нулевая суффиксация: сонь** (состояние сна; от сон): *Российскую сонь беспокоя, С тех пор кололец гудит...* (с. 114);

г) **префиксально-нульсуффиксальный: непролазь** (непроходимое место; место, где нельзя пролезть): *Проезжали села и города, Старорусскую непролазь* (с. 110); **неусыпь** (то, что нельзя усыпить, успокоить): *Неусыпь ребячья – заводь, Внучка омута, Где язи клевали – с лапоть, Ряской тронута* (с. 44);

д) **префиксально-суффиксально-постфиксальный: заневеститься** (стать похожим на невесту; покрыться белым (как фатой); помолодеть): *И заневестились чисты кусты...* (с. 102), (за- + невест-а + -и-ть + ся);

е) **сложение** (с суффиксацией и без): **буйноцвет** (буйный цвет): *И стынут в тепле буйноцвета Мужья... Бобыли... Сыновья...* (с. 19), (буйн-о-цвет); **горемаятная** (которая мается от горя): *Горемаятная родина, Горемаятные мы...* (с. 51), (гор-е-маят-н-ое); **горькоокая** (у которой горькие очи, с горькими глазами (от горьких слёз): *Горькоокая Единёшенькая лошажья сила...* (с. 83), (горьк-о-ок-ая)); **златогрусть** (златая грусть): *Что день – темнее златогрусть...* (с. 65), (злат-о-грусть); **мокроснежить** (покрывать мокрым снегом): *Была бесприютна погода – Покров мокроснежил и дрозг* (с. 81), (мокр-о-снеж-и-ть); **огнеперое** (с огненными перьями, наподобие огненных перьев): *Зови, бедуй: Тебя поймет весна, И солнце огнеперое услышит!* (с. 35), (огн-е-пер-ое); **льнокоса** (с косой цвета льна): *Девчонка, боса и льнокоса, С испугом о счастье поет* (с. 72), (льн-о-кос-а); **семиветровая** (которая имеет отношение к семи ветрам): *Притихла гладь семиветровая...* (с. 61), (сем-и-ветр-ов-ая); **стогорлый** (в сто горл): *И над табельной ночью – Стогорлый набат!* (с. 88), (ст-о-горл-ый); **странно-новая** (новая, как ни странно): [Звезда] *Вдруг замелькает странно-новая, Вот вещая оборвалась* (с. 61), (странно + новая); **тяжелорукая** (с тяжелыми руками, тяжелая; основательная): *Память, Тяжелорукая правда, Вчера и Сегодня Итожит про Завтра* (с. 83), (тяжел-о-рук-ая); **червонокрылый** (с червоными (красными) крыльями): *Заря, заряна, заряница, Червонокрылый небокрай, Моя печальная жар-птица, Не улетай, не догорай* (с. 62), (червон-о-крыл-ый); **широкополье** (широкое поле): *На доброй пашне, в широкополье, Олешник вымахал да лоза* (с. 15), (широк-о-пол-ь-е).

Часть отмеченных нами некодифицированных слов не претендуют на исключительное авторство И. Григорьева, так как они встречаются в произведениях и других писателей (в том числе белорусских), которые творили, в частности, в 20-е годы XX века: *голубень* (так назывался один из сборников С. Есенина), *снежность* (употреблял Д. Мережковский, в последнее время нередко встречается в речи), *сонь* (ср.: *Светит месяц. Синь и сонь. Хорошо копытит конь* (С. Есенин)), *мёдный* (употреблял, в частности, Янка Купала), *сентябрить* (встречаем у К. Паустовского и др.), *заутреть* (ср.: *Утреет. С Богом! По домам! По-звякивают колокольцы...* (А. Блок)).

Довольно любопытен факт авторства новомодной теперь лексемы *сне́ги*, которую многие приписывают Евгению Евтушенко (*Идут белые снеги, как по нитке скользят...*), хотя, наверняка, гораздо раньше её употребил Игорь Григорьев, во всяком случае, под стихом в анализируемой книге стоит дата «1946 год»: *В завороженном краю Снеги поют. Ни души* (с. 26). Стихотворение Е. Евтушенко, кстати, датировано 1965 годом. Отнесение лексемы к авторским единицам носит весьма спорный характер, поскольку она фиксируется в сборниках русских народных песен XIX века.

Игорь Григорьев нередко бывал в Беларуси, дружил с белорусскими писателями и даже переводил с белорусского. Может, поэтому в некоторых его стихах есть несомненные белорусизмы, в том числе имеющие окказиональный характер: *Заря, заряна, зарядница, Червонокрылый небокрай, Моя печальная жарптица, Не улетай, не догорай* (с. 62).

Среди причин появления новообразований в произведениях Игоря Григорьева можно, на наш взгляд, назвать следующие: а) любовь автора к великому русскому языку и желание показать его гибкость и словообразовательные возможности; б) стремление к максимальной точности мысли и, соответственно, к максимально точному её словесному оформлению; в) желание привлечь внимание читателя к новым (зачастую неизвестным, не известным ранее по морфологическому оформлению, «морфемосплетению») словам; г) влияние русской поэтической школы начала XX века. Меньше отмечены версификационные цели – поиск новой рифмы и требования ритма, что нередко встречается в творчестве отдельных авторов. Складывается впечатление, что И. Григорьев создаёт новые слова с гораздо более важной целью, а не просто ради ритма и рифмы. Иногда даже нет ощущения акта творения слова, будто поэт использует давно известные слова, настолько они органически вплетаются в канву стиха и не вызывают малейшего подозрения в «нецелесообразности» новообразования, в механическом моделировании новой речевой единицы.

В заключение хочется пожелать произведениям Игоря Григорьева долгой и счастливой жизни. И пускай по его честным строкам молодое поколение учится жить, работать и побеждать. И пускай вместе с его искренними стихами золотисто искрятся-сверкают чистотой и нежностью его многочисленные новообразования как свидетельство настоящей жизнедеятельности и непрекословного развития русской литературной речи.

А. П. Бесперстых

ЭПИТЕТЫ-ОККАЗИОНАЛИЗМЫ И. ГРИГОРЬЕВА
Словарь

1. Имена прилагательные и причастия

АВТОФИОЛЕТОВАЯ

Песенка. – Мне б чернил! Пускай не вечных И не спецпоэтовых – Не для строчек бесконечных, Не для песенок беспечных, *Авто-фио-летовых*; Не бессильных, Не бесильных, Не пустых, Не холостых, Мне – не розово-умильных, Не чернящих, А чернильных – Ясносветовых, густых! В канцлавочке ЦДЛ (из неопубликованного).

АСПИДНО-ЛИЛОВАЯ.

Туча. *Аспидно-лиловая* горбатая туча, похожая на Змея-Горыныча о трёх головах, налетела на солнце, выметнула сразу три страховидных огненных языка, троекратно взрыкнула, угрожающе зашипела и давай хлестать! *Земля и вода.*

БЕЗГОРЕВНОЙ

День. В час бед и в дни *безгоревны*, В лета закатные и в младость Мы не по равну делим радость – Перед страданьем все равны. *Обитель.*

БЕЗМЕЛЬНАЯ

Реченька. – Небо грозное, будь к ним поласковей! Их напасти сошли на меня! Пусть бураны исхлещут плечи мне И язык мой замрёт без слов, Дай им, небо, *безмельные* реченьки, А в морях – небуян-ветров! *Благословенный чёртов путь.*

БЕСИЛЬНЫЕ

Чернила. – Мне б чернил! Пускай не вечных И не спецпоэтовых – Не для строчек бесконечных, Не для песенок беспечных, *Авто-фио-летовых*; Не бессильных, Не *бесильных*, Не пустых, Не холостых, Мне – не розово-умильных, Не чернящих, А чернильных – Ясносветовых, густых! В канцлавочке ЦДЛ (из неопубликованного).

БЕССОКАЯ

Трава. Звенел калёный зной, как в цель попавший выстрел, Дымилась, чуя смерть, *бессокая* трава. *Удел.*

ВЕЛИКАНЬЯ

Вишня. Светом сумерки сочатся, Будто вишня *великанья*, До земли пригнулось небо – От больших и спелых звёзд. *Именины.*

ВОГНУТО-ВЫПУКЛАЯ

Душа. [Николай:] Ты мой близкий друг, и дружим мы давно, но не могу я разобраться в твоей *вогнуто-выпуклой* душе. Две их у тебя, что ли, или ни одной? [Гурий:] Не знаю, но лёгкая, как пух, и тяжёлая, как железо. Она витает в облаках и одновременно мучается в бездне. *Чёрные дни.*

ВСЕБРАТСКИЙ

Отряд. [Гурий (декламируя):] Пусть громом небесные своды Победным о нас возвестят! Теснее сплотимся, народы, В единый *всебратский* отряд! *Чёрные дни.*

ГАЖЬЕ

Гнездо. И там, и там – во гнёздах *гажьих* – В окопах, глыбью до груди, Сошли с ума две силы вражьих – Врагу, Господь, не приведи! *Контратака.*

ГОРЕВАЯ

Строчка. Стала б заревою *Горевая* строчка, Если б кроху зноя, Хоть бы полцвоточка. *Глухомань.*

ГОРЕМАЯТНЫЙ

Год. Шёл двенадцатый, последний час старого, кроважадно-го и *горемаятного* 1943 года. Всё перемелется. «*Горемаятная* родина...» (в назв. стихотв.).

ГРАЧИНО-ГОРЛАСТАЯ

Стая. Наш брат, оголец, до футбола гораздый – Напорист и очень горяч. Мы сшиблись: мы стаей *грачино-горластой* Покромок пинаем, как мяч. *Стезя.*

ГРОЗОВИТАЯ.

Тишь. Не прогневай наганом Грозовитую тишь! Под косматым туманом Проскользнёшь. Пробежишь. *Сдонесеньем.*

Ты взошла на холм, Скорбна и *грозовита*. Ты устала, босы ноженьки болят. Ты – из камня, Ты – из мёртвого гранита, Ты – немая, Но душа твоя – набат. Ты – Красуха! К р а с у х а.

ГРОМОВИТЫЙ

Лада. Нелюдимый филин В логове кудесит, Нем и обескрылен, Лист о лете грезит. Он не больше мыши, Вскормленный ракистой, Но его услышит Лада *громовитый*. Г л у х о м а н ь.

ГРОМУЧИЙ

Ливень. – Осчастливь яркой тучей, Снизойди до меня, Дарствуй ливень *громучий*! – Молит небо земля. Б е з д о ж д ь е.

ДРОЖЛИВАЯ

Тьма. В тот год у задворок, прижавшись к посёлку, В сугробах, во вьюжном дыму, Несжатая нива, крича без умолку, Рыдала в *дрождливую* тьму. С т е з я.

ЁЛКИН-ПАЛКИН

Терем. Время – манна с небес, Масляная очень, – Завело Алёху в лес, Настежь пропесочило; Прописало в терему, В дачном, в *ёлкин-палкином*, – Загорай себе в дыму, Грей бока, помалкивай. Двести первая верста.

ЖЕЛЧНОЛИЦЫЙ

Культуртрегер (*просветитель*). Я слышал, как одна вальжная дачница с жаром говорила тощему *желчнолицему* культуртрегеру из временно местных, что терпеть не может раков за их уродливый облик. З е м л я и в о д а.

ЗАВЬЮГОВЕЕННАЯ

Ты (равнина). Белая равнина, Где ни белого, ни ровного! Что там к вздоху – К вздоху ты ревнива, Хоть сама *завьюговеена*, зарёвана. «Б е л а я р а в н и н а...»

ЗАДУШЕВНО-СВОЙСКАЯ

Песня. На ольховой ветке сидит незнакомая мне неказистая пичуга и насвистывает во весь голос. И песня у неё такая незамысловатая, простецкая, ничуть не назойливая и какая-то *задушевно-свойская*. З е м л я и в о д а.

ЗАКРАПИВЛЕННЫЕ

Мы. Загороженные от зорких рыбьих глаз частым лозняком,

закрапивленные, с подведёнными, как у волчат, животами, уже с полсуток сидим мы на глухом Митькином виру и удим голавлей. З е м л я и в о д а.

ЗВОНКОРУКИЙ

Баянист. Возник зазывный голосок, Запевку бросил в тишину; За ним другой – крылат, высок, Взлетел в тугую вышину. Ещё, ещё, то здесь, то там, – То смел, то робок, то форсист. И вдруг, зараз по всем ладам, Тряхнул отрада-баянист. Повёл проясные глаза, Задорен, *звонкорук* и юн. Б е л о н о ч ь е.

ЗЕЛЁНОЗМИЙНАЯ

Тварь. Когда сминали совесть всходы зла, Когда о горе многие молчали И тварь *зелёнозмиийная* ползла, Тогда Вы встали супротив печали. Ч е р н о м о р. А л е к с а н д р у Д о в ж е н к о (из неопубликованного).

ЗЕМЛЯНСКАЯ

Планета. Жизнь на *землянской* планете, Вдох её каждый приемлю: Зовы грядущих столетий, Кровью омытую землю. «Л ю б о л и, т а к с е б е, л и х о...»

ЗЕРКАЛОВОДНАЯ

Горожанка. Сколько походов в окрестные поля и отдалённые леса мы совершили с моим сыном! Сколько дней провели с удочками на бегучей *зеркаловодной* Горожанке и на пригородокских озёрах – Луговом, Ореховском, Щербаковском, Озёрках, Святом, – озёрах, тогда почти не замутненных плодами техреволюции, самой непредсказуемой и нещадной для природы и души пагубы! В с ь е п е р е м е л е т с я.

ЗОРЕВАННАЯ

Поляна. О, мёд-снотворное – косьба, О, *зореванная* поляна!.. В ь ю г а.

МНОГОЗЫЧНАЯ

Мочь. И над гиблой ночью – *Многозычной* мочью – Достославный набат. К о л о к о л а.

НАСОЛНЧЕННЫЙ

День. День усеян горлицетом, Неумолчен, Весь обвеян август-летом, Жёлт, *насолнчен*. Д е н ь.

НАШЕНСКИЙ-НАШ

[Человек]. Помолчи – не таись, Видим: *нашенский-наш*. Всё бери, не скупись, – Долг нам песней отдашь! У с в о и х .

НЕПРИВЫЧНО-СТРАННОЕ

Русло. Я стою на твоём высоком, выжженном зноем, берегу, и не знаю, что сказать тебе. Не потому ли, что я теперь другой, да и ты не прежняя? Сколько стариц разбросала по округе, пробивая *непривычно-странное* новое русло! З е м л я и в о д а .

ОБЫНОСТРАНЕННЫЙ

Глагол. И, как никогда, людей потянуло к Пушкину, Кольцову, Клюеву, к «Коробейникам», к «Барыне», к «То не ветер ветку клонит», к опере «Жизнь за царя»: кого – к кому, кого – к чему. Но непременно к настоящим провидцам и певцам ныне неслыханно поруганной и обиженной, обожасмой земли Русской, её обкраденного – осовеченного и *обыностранинного* – Глагола и Напева. В с ё п е р е м е л е т с я .

ОСТРОХОЛОДНАЯ

Мокреть. Кругом колыхались бурые потёмки, налитые ползучей *острохолодной* мокретью. З е м л я и в о д а .

ПЕРЕВИТАМИНЕННАЯ

Дичь. Чуть заосенит октябрь над Русью, Чуть закаплет рыжий листопад, Поджиревшие на юге гуси Улепётывают в стольный град. Валит не казарка, не гуменник – Лапчатый пронырливый народ; Не на крыльях жмёт «кавказский пленник» – На колёсах к зимним гнёздам прёт. Подрумянена, до пят прогрета, *Перевитаминена* насквозь, Дичь коммунистическая эта Знает, что здоровье – главный гвоздь. Гуси (из неопубликованного).

ПРОМЕДВЯНЕННЫЙ

День. До макушки жаром нежным *Промедвянен*. День как труженик прилежный – Псковитянин. Д е н ь .

РАКОИЗОБИЛЬНОЕ

Место. Места у нас *ракоизобильны*. З е м л я и в о д а .

СПЕЦПОЭТОВЫЕ

Чернила. – Мне б чернил! Пускай не вечных И не *спецпоэто-*

вых – Не для строчек бесконечных, Не для песенок беспечных, Авто-фио-летовых; Не бессильных, Не бесильных, Не пустых, Не холостых, Мне – не розово-умильных, Не чернящих, А чернильных – Ясносветовых, густых! В к а н ц л а в о ч к е Ц Д Л (из неопубликованного).

СТРАСТНОЖЕЛАННОЕ

Слово. [Гурий:] За всё это время не услышал я от неё *страстножеланного* и рокового слова люблю. Ч ё р н ы е д н и .

ХОЛОДОУПОРНЫЙ

Организм. [Лейтенант:] Мороз для человека привычного перестает существовать. Кроме того, организм, проспиртованный до мозга костей, господин доктор, должен быть бесстрашен и обязательно *холодоупорен*. Ч ё р н ы е д н и .

ЧУЖЕРУССКИЕ

Подшвы. Здесь подшвы *чужерусские* стучат, Кружат коршуны, бросая сердце в дрожь. Б у р я .

ЯСНОСВЕТОВЫЕ

Чернила. – Мне б чернил! Пускай не вечных И не спецпоэтовых – Не для строчек бесконечных, Не для песенок беспечных, Авто-фио-летовых; Не бессильных, Не бесильных, Не пустых, Не холостых, Мне – не розово-умильных, Не чернящих, А чернильных – *Ясносветовых*, густых! В к а н ц л а в о ч к е Ц Д Л (из неопубликованного).

2. Приложения

Белынь-кликун. Радость слёзная, глупая, сушая, – Ах ты, сластенка-жизнь, грозна. Запалила нас жгучей жаждою И вселилась в *белынь-кликунов*. Но, бескрылый, о небе страждущий, Весь ты светлым завтрашним нов. П р о м е л ь к .

Белынь-остров. Зажгли в беложар, осветили округу Черёмух *белынь-острова*. Весна наметелила тёплую вьюгу, А понизу вьюги – трава. П е р е д и ю н е м .

Болотеюшко-болото. «*Болотеюшки*-Болоты: Мох, трясина да тростя Иншим – ржавы, нам золоты: Разлюбозные места». Ч а с т у ш к и .

Вдова-голосунья. Пол ахал, крестились блаженно старуш-

ки, – Веселье! Народу битком! И пела вдова-голосунья частушки, И выюжила белым платком... Ст е з я.

Гладень-песок. Ещё не пробились на волю кувшинки Для ласки, для солнечных дел, Но дым в сухотравье горчи, как поминки, И лес уже платье надел; И время размаяло зверя и птицу; И – шлёпай пот *гладень-песку!* Ст е з я.

Гладь-неоглядь. Ни злом, ни добром не обойдена, Привыкшая смирно стоять, Моя неречистая родина, Неровная гладь-неоглядь. Тихая родина.

Добрынь-синева. Как бабкина горница, любкой и тмином Пропахла *добрынь-синева.* Ст е з я.

Ждан-лунушка. И, таинством схвачены, мы присмирели – Пять друзей у друга-костра. И явь подтвердил перекал на свирели: «*Ждан-лунушка, здравствуй, сестра!*» Ст е з я.

Звёздочка-утряночка. Сиротеет в стороне Звёздочка-утряночка. Что ж ты скован, как в броне, Выдь ко мне из таночка! «Увольненье, увольненье...»

Звень-молоток. А в воскресенье – рядком-ладком – Принялись кузнецы за дело: И бронза под *звень-молотком* Оживала, Вздыхала, Теплела. К о л о к о л а.

Земь-свистохор. Дорога за Радовьем. Солнце над бором. Сокольё болото левей. И свист занебесный над *земь-свистохором:* То – иволга, то – соловей! Лю б о в и С м у р о в о й.

Зрелость-долгождана. Это – зрелость-долгождана Въявь нагрнула: Тихо, властно, безобманно В душу глянула. «Н е о т ы г р а н н о е д е т с т в о...»

Ласка-необмана. Ласка-необмана, Снежный пух – свинцовой гири!.. «Б е л а я р а в н и н а...»

Лилочень-садок. Все заулки и задворки – *Лилочень-садок.* Дали явственны и зорки: Все ложбины и пригорки – Вёрст за пять – у ног. К а н у н (из поэмы «Плач по Красухе»).

Любовь-необмана. – Ох, разъединственный, что нас ждёт За грех – за мою любовь-необману?.. Б л а г о с л о в е н н ы й ч ё р т о в п у т ь.

Месть-злодеица. Красну ли девицу Ухарь обманет, В месть ли *злодеицу* Душу затянет – Правого, виновного, Стара и мала – Всех до единого Ты понимала. Н ю ш к а - л я г у ш к а.

Мышловка-соня. Водились тут и косули, и летяги, и *мышловки-соня,* и ласки, и горностаи... В с ё п е р е м е л е т с я.

Немчина-рысак. [Ты] подтвердишь наверняка, Не мешкая с ответом, Что не забыла простака С трофейным пистолетом, Его *немчина-рысака.* П о м о л в к а.

Ненагляда-неоглядность. Любо пить хмельную сладость, Весело грустить! И, как солнце, светоч-радость, *Ненагляду-неоглядность,* В бреги не вместишь. К а н у н (из поэмы «Плач по Красухе»).

Непролазь-сумёты. *Непролазь-сумётами* – Нет на них креста – Берега замётаны. Стужа да троста. «Н е п р о л а з ь - с у м ё - т а м и...»

Ножик-свинорез. Всласть насладившись вместе с мужичком и бычком, я взялся за вторую книжку. Называлась она, если не ошибаюсь, «Колбасный цех». Производственная, так сказать, лирика. На первой странице этого «Цеха» был изображен здоровущий дядя в фартуке, спрятавший за спину почему-то красную руку с огромным ножиком-свинорезом. Другой рукой он чесал за ухом у толстой и очень симпатичной хавроньи. В с ё п е р е м е л е т с я.

Ночка-звездопадка. Сколько ночек-звездопадок Не скитаюсь по земле, А ведь я ли был не падок Жечь костры в кромешной тьме. С п о с о х о м.

Огнекров-кипрей. Гуляет глушь. Глухонемо. Пёстро. Огонь и кровь? *Огнекров-кипрей?* Ах волны, волны, милосердные сёстры, Не смыть вам кровь и пепел с камней. С е в о.

Огнецветь-муравка. Можно диво у ручья Повстречать-увидеть: С голубою стрекозой *Огнецветь-муравку,* У берёзонки бо-сой Розовую славку – Невеличкую из птах На хмелинке гибкой. Д е в о ч к а и у т р о.

Октябрь-грустила. С октября-грустилы До апрельских вод Никакие силы Не растопят лёд. «Знать, н е л ь з я и н а ч е...» **Грустила-октябрь.** В обнимку, траву в инеёк наряжая, Златлистья ссылая в кошлы, *Грустила-октябрь* и День Урожая На тихую землю пришли. Ст е з я.

Подарок-принесёнок. [Фотинья:] – А мне ведь восемьдесят два, Да семь курят, да три овечки; Коза – коровушка старух, Коты, крикуша-поросёнок – Зятка подарок-*принесёнок* – и прокурат-козёл Чернух. О б и т е л ь.

Розовинка-родинка. Тонкую запевоньку У горы Залучили –

девоньку – Комары. <...> Ластоньку молоденькую Со смешком,
С *розовинкой*-родинкою За ушком... Ко м а р ы - ко м а р и к и.

Рощица-**березица**. Рощица-*березица* ждёт. Молчок. И в воде
от месяца Большачок. В е р б н а я н о ч ь.

Рыжка-стежинка. *Рыжка*-стежинка в гору течёт. Речка взды-
хаёт. Вброд переход. Тронешь – из ледника слёзы-вода. Над го-
ловою – жгуты-провода. Местность.

Сердце-**ветролюб**. Чтоб сердечней биться Сердцу-*ветролю-*
бу, Сбыл я рукавицы И в придачу шубу. «Чт о б с е р д е ч н е й
б и т ь с я...»

Синь-**медынь**. День плечами молодыми Пошевелит, от-
ряхнётся, В разливанной синь-*медыни* Заворачивается солнце.
«О т ь я р и л о с ь г у л к о г р о з ь е...»

Слезынь-сума. Не забудут крохи-сироты *Слезынь*-сумы.
В к о л о к о л а.

Старюка-клён. И, немо вопия, взметнул *старюка*-клён Кри-
вые руки к серому восходу: «Даруй, апрель, зелёную погоду!»
Но глух апрель – куржою убелён. В с н е г о п а д.

Стосвета-светлынь. С порога – ликующий приступ раздо-
лья, За тыном – *стосвета*-светлынь. С т е з я.

Тихоня-**напастина**. Взматерела [ольха] тихоня-*напастина* –
Рвёт равнины, вцепилась в бугры, – Лезет чаща, Как зверь рас-
клякастилась... Не ржавеите, остры топоры! Анафема ольхе.

Цвет-**медынь**. День плечами молодыми Пошевелит, от-
ряхнётся, В разливанной цвет-*медыни* Заворачивается солнце.
«О т ь я р и л о с ь г у л к о г р о з ь е...»

3. Наречия

Δ – наречие в предикативной функции.

БЕЗВЁСНО

Замела. Фотинья ростом не взяла, Улыбку тратит, что об-
новку; Зима *безвёсно* замела Ее заботную головку; Одета чисто,
налегке, Тиха, да на ногу проворна, Слова роняет – сеет зёрна;
И посох, будто жезл в руке. О б и т е л ь.

БЕЗГРОМНО

Куёт. Костёр наш горит себе смирно и ровно, Он дышит
и тоже поёт. И кто-то над нами, легко и *безгромно*, Всё новые

звёзды куёт. С т е з я . **Спит**. Сник ветерок окрай Красухи, Без-
громно / спит аэродром. И у заряны-веселухи Ни гореванья, Ни
поруки – Одно-одним добро-добром. К а н у н.

БЕЗЛЕСНО

Δ Простору не тесно: Широкая сонь. Бездомно, *безлесно* –
Здесь Уза впадает в Шелонь. У з а.

БЕЗРУБЛЁВО

Петь. Хорошо с умытым полем На заре перекликаться – Пес-
ней росной, сердцем полным От унынья отречься. Самого себя
к награде Представлять, ядрёна лапоть, – Просто так, души за-
ради, *Безрублёво* петь и плакать! «Х о р о ш о с у м ы т ы м п о -
л е м...»

БЕСПОШЛИННО-БЕЗДАННО

Взято. *Беспошлинно-безданно* столько взято Дождей и солнц,
улыбок и краях, И бражной мяты, и ржаного злата, Что и не
счесть, – захватывает дух. «Т р е п е щ у щ а я л о м к а я к а ё м -
к а...»

БЕСПРИЧАЛЬНО

Δ Спит земля огромна и печальна. Звёзды. Бесприютно. *Бес-*
причально. «С п и т з е м л я , о г р о м н а и п е ч а л ь н а...»

БЕССОМНИТЕЛЬНО

Припоминается. Отсюда далеко видно, и многое, что в па-
мяти быльём поросло, припоминается снова – радужно, *бессом-*
нительно, изначально. З е м л я и в о д а.

БРАННО. От *брань* (устар.) – битва, сражение.

Δ **Было**. Бремя, пламя, стремя – Время! *Бранно* было. До се-
годня наше племя не избыло, Не забыло Ни тревоги, ни печали.
М и н у т ы.

БУРНО. Δ От *буря*.

– К месту прибыли, считай, чок в чок. – *Бурно*. Припоздали
на денёк. Б л а г о с л о в е н н ы й ч ё р т о в п у т ь.

ВАЛКО-ШАТКО

Потекло. И воскресенье потекло То *валко-шатко*, то рыси-
сто. И на душе, как в поле, чисто, Пускай и снежно, да тепло.
О б и т е л ь.

ВЕСЕЛО-ВИНОВАТО

Поёт. Весь ласковый мир *весело-виновато* Поёт, не давая за-
нуть. И родина, Если б не вдовая хата, Была бы не горькой. Ни-
чуть. Май 1945 года.

ВЗРОСЛО-СТРОГО

Смотришь. А на полу – два солнечных накрапа: Лиловый –
с пряник, алый – малость мал. «Возьму не все, возьму один –
меньшой, пусть больший поиграет у порога...» Вознёс ручонки,
смотришь *взросло-строго*, Лучишься тёплой махонькой душой.
Гри ня.

ВОЗВЫШЕННО

Горит. Всё горит, снегово и *возвышенно*, неподвластное ве-
тру лицо. Ви ш е н к а.

ВОСКРЕСНО

Δ Журавлино и *воскресно*. На току широком тесно: Зёрна:
трогай! Урожай! «Сверху – с клёна – льются ли-
стья...»

ГОРЕВНО

Δ Хоть друг, хоть недруг хлопни дверью – Ни радостно, ни
горевно... «Покойны жёлтые озёра...».

Душе. Приглашенный объятьем октября, Ольховый лист сго-
рает, не горя, – Без жара, без огня, покорно и темно... Душе, как
родине пленённой, *горевно*. В плену.

Мне. Да и вы – С чего мне *горевно*?– Зряшный ведь бросаете
вопрос. Наше полымя давным-давно Знобкий ветер во поле раз-
нёс. «Позвала к открытому окну...».

Не верить. Как *горевно* не верить в Бога! Как страшно веро-
вать в него! Встреча в пути.

ГОРЮЧЕ

Δ **Сердцу и глазам.** Слушай, человек, запоминай, мой друг,
/ до малости: Я ещё от битвы Не остыл пока, Мне еще бессонно
От неуголимой ярости, Сердцу и глазам *Горюче* От ребячьей ста-
рости, И ещё, коль что, Не дрогнет у меня рука. За з е м л е н и е.

ГРОЗОВИТО

Δ **В чаше.** *Грозовито*, Чутко в чаше краснотала, Вечный сон,
печаль и воля – Жизни власть. К р а с у х а.

ГРОМОБОЙНО

Угнёт. Войне только сто тридцать суток, А тыща триста –
пред тобой. И жарок, и злобен, и жуток, И горестен праведный
бой. То даль ослепительно выгнет, То высь *громобойно* угнёт:
Увидит, услышит, настигнет – Обвалит, наступит, убьёт. Ру с -
с к и й у р о к.

ДРОЖЛИВО

Дремлет. *Дрожливо* дремлет жниво, Певуче зябнет плёс.
«Д р о ж л и в о д р е м л е т ж н и в о...»

ЖЕЛЕЗНО

Бьют в набат. Всё – крик един: жена и мать, И ничего иного
нету... Не приведи Господь взирать На жуткую погоню эту! Как
будто стонет пустота, Зовёт зияющая бездна, Смешались низ и
высота, И где-то бьют в набат *железно*! О б и т е л ь.

Впряглись. Стальные кони, стало быть, Впряглись уж очень
но *железно*. Жаль, нынче технике грубить Небезопасно-беспо-
лезно. О б и т е л ь.

Руки связаны. Дело делать бесполезно: Руки связаны *же-
лезно*. Руки! Русь! Россия!.. Бездна? Х у т о р.

ЖУРАВЛИНО

Δ Журавлино и воскресно. На току широком тесно: Зёрна:
трогай! Урожай! «Сверху – с клёна – льются ли-
стья...»

ЗАНАПРАСНО-ЗРЯШНО

Не засвищу. – Кукиш православный пососи. Сами не стра-
щаем – сам не проси. *Занепрасно-зряшно*, эй, не засвищу; Свист-
ну – шкуру гажью до пят спущу. Стоведёрный жбан шелохну-
оберну, Со стремяночки и – эх! – кувырну! К о л о к о л а.

ЗВЕНЮЧЕ

Δ **От гула.** От гула *звенюче* и глухо, И пьяным-пьяно без
вина, С косою Косая-старуха, И Родина – только одна. Присудит
и к высям, и к безднам: Кому обелиск позлатит, Кого наречёт Не-
известным И всхлипнет: «Никто не забыт!» Р у с с к и й у р о к.

ЗВЕРИНО

Грызли. Гляди, какие громомёты Сожгли твой чистый снег!

Вот эти с черепами роты – Они – не Человек. Они тебя [Земля] *зверино* грызли, Любить тоску веля. «П о с л е д н и й в ы с т р е л з а м и р а е т . . . »

Мил. А в полуночь жгучий клич [пса Мухи] Метался эхом в буераках... Он был чистейший «костромич», Хотя и числился в дворягах. Доверчив, не *зверино* мил... О б и т е л ь.

ЗВОНЧАЙШЕ

Зовёт. Всякая птаха *звончайше* зовёт: «Не обойди, залети в хоровод!» Приглашение к песне.

ЗИМНО

Δ *Зимно*, бездорожно, Мёртво наяву. Только разве можно Погасить траву! «Зн а т ь , н е л ь з я и н а ч е . . . ».

Стало. Прошло несколько дней, и ранняя весна дала дикий крен: ночью ударил крепкий мороз, а наутро всё завалило снегом. Снова стало *зимно*, впору на печку залезать. В с ё перемелется.

Станет. Скоро станет онемело, *Зимно*, бело... О с е н н е е.

ЛАСКОВО-ВКРАДЧИВО

Умерщвляла. Мы рвались / в небывалый просторище, Не жалея ни глоток, ни ног. А ольха пробиралась в одворище, Умерщвляла обжитый клочок. Где стыдливо, где *ласково-вкрадчиво*, – Чтобы вновь / не почуяла зла, – Тут – весёлый покос одурачила, Там – на пашню ничком проползла... А н а ф е м а о л ь х е.

МНОГОВЁРСТНО

Δ **В жизни.** Не кайся слёзно: «В жизни *многовёрстно*...» – Нет оправданья, Домой вернуться никогда не поздно Без опоздания. Т в о й д о м .

НЕБЕЗОПАСНО-БЕСПОЛЕЗНО

Грубить. Стальные кони, стало быть, Впряглись уж очень железно. Жаль, нынче технике грубить *Небезопасно-бесполезно*. О б и т е л ь.

НЕГУСТО-НЕЧАСТО

Δ **Нас.** В цепи нас – *негусто-нечасто*. На дыбе мы. Помните нас! Р у с с к и й у р о к .

НЕПРОШЕНО-НЕЗВАНО

Вцелит. Засентябрит, листья настелет На труден путь, *Непрошено-незвано* вцелит Тебе грустинку в грудь. С е н т я б р и н ы .

НЕСКОРБЯЩЕ

Жить. Любит [партноменклатура] жить легко и *нескорбяще*: Есть в запасе связи и казна. «Почему не цапнуть кус послаще? Жизнь-то на Земле всего одна!» Г у с и (из неопубликованного).

ОСТРОЖНО

Δ **Так.** Не то чтобы нельзя-немножно: Дойдёшь – придёшь наверняка. Но так бездомно, так *острожно*, Хотя семь кэм от большака. Д о р о г а в Н е л ь г и н о .

ПОЛУНАГИШОМ

Сбиться с дороги. Сбиться с дороги в полистовских топях и ельниках без компаса и без огня, *полунагишом* в непогодь – это последнее дело. З е м л я и в о д а .

ПОЛУЧУЖО

Грозит. В чудном чепце и буклях Грозит *получужо*: – Во ист дер шток, унгюклих [Где палка, несчастный (*нем.*)]? У ж я тебе ужо! Т а н т е Э м и л и я .

ПОЛЫННО

Δ Телега твердит на колдобинах: «Скорее, скорее домой!..» Земля без идиллий особенных, Сказать – не фатовей иной. <...> Какие просторища вихорю! *Полынно*. А ты весела. Прости деревенскому хихарю, Что он поотвык от села... Т и х а я р о д и н а .

ПОНАПРАСНУ-ЗРЯШНО

Не засвищу. – Кукиш православный пососи. Сами не страшаем / – сам не проси. Понапрасну-зряшно, эй, не засвищу; Свистну – / шкуру гажью / до пят спущу. Стоведёрный жбан шелохну-оберну, Со стремяночки и – эх! – / кувырну! К о л о - к о л а .

ПРЕБЕЛО-БЕЛО

Цвела. Тому назад годов два-ста, Видать, глухарка-копелуха, А может, добрый побируха Сронили косточку спроста. <...> С тех дней (сердяги, слава вам За чистое земное дело!) У родника – *ребело-бело* – Цвела черёмуха, как храм. О б и т е л ь .

ПРЕСВЯТО

Блюли. ...не бегущие в грады, Не бравшие в весах зарплат,
Пресвято твои [Россия] ненагляды Блюли свой девичий обряд.
И Маньки, Маруси, Манюхи Не тщились окраской седой. И хле-
бы пекли молодухи. И гриб не считался едой. Р у с с к и й у р о к.

ПУГЛИВО-КРОТКО

Тужит. Точно горькая сиротка Над родительской могилой,
Тужит хвиль *пугливо-кротко* Над судьбой своей постылой. Не-
п о к о р с т в о.

РЫСИСТО.

Потекло. И воскресенье потекло То валко-шатко, то *рыси-*
сто. И на душе, как в поле, чисто, Пускай и снежно, да тепло.
О б и т е л ь.

СВИНЦОВО

Бросались в свинец. Мы жизни швыряли на страшный кон,
Свинцово бросались в свинец. А случалась осечка – короткий
стон, И всё. И делу конец. Р е к в и е м.

СЛАДКО-ГУЛКО

Ведёт. *Сладко-гулко*, серебряно Иволга ведёт, И не поздно.
И не рано. К а н у н.

СНЕГОВО

Горит. Всё горит, *снегово* и возвышенно, неподвластное ве-
тру лицо. В и ш е н к а.

СПОКОЙНО-СТРОГО

Молчишь. Друже! Ждёт тебя дорога В чужедальние края. Ты
молчишь *спокойно-строго*, Ясной грусти не тая. О т в а л ь н а я.

СТОГРУДНО

Вздохнула. Но близко отбой протрубили. Вздохнула *сто-*
грудно, Прибавила шагу, Наддала / сморённая рота. С о л д а т ы.

ТОНЮСЕНЬКО-ТОНКО

Всхлипывал. И всхлипывал друг наш *тонюсенько-тонко*,
И вздрагивал: – Оиньки-о-о!.. С т е з я.

ТУМАННО-ПОБЛЁКЛО

Завещают. Но подъята секира зари – Ласку красную ластит

о стёкла. И потёмки *туманно-поблёлло* Завещают плугам пусты-
ри. Перед матерью.

ХЛЕСТУЧЕ

△ **Для колхоза.** – Знакомы будем: Я – Люська... а лучшей –
Люсиль! Вот так-то на завидки людям! *Хлестуче* для колхоза?
Да? На днях по телеку видала: За Африку дралась удало мадам
Люсиль, кинозвезда... О б и т е л ь.

ХМЕЛЬНЫМ-ХМЕЛЬНО

△ Даль проникает, как вино, Манит коварною привадой,
Как встреча и разлука с ладой: И горько, и *хмельным-хмельно!*..
В ь ю г а (*ран. ред.*).

ХОЗЯИНСКИ

Идёт. Он идёт через поляну развалистым гусиным шагом,
но неторопко, степенно, *хозяйински* и, остановившись перед от-
косом, в малиннике, кричит во всё горло: – Васька! Чего орёшь?
Лезь наверх! Я у Чёртова камня! З е м л я и в о д а.

ХРИПЛО-ГЛУХО

Крикнет. Только ворон *хрипло-глухо* Крикнет о беде... Что с
тобой, моя Красуха? Где ж ты? Где ты? Где? П л а ч п о К р а -
с у х е.

ЧЕРНОКРЫЛО

Мчит. Буря мчит во весь опор, Люто, *чернокрыло*... Б л а г о -
словенный ч ё р т о в п у т ь.

ЧЕРНОУСТО.

Скверно.
Порочит. В городах громов *негусто*, Хоть грохочет дни и
ночи. Люд крещёный – *черноусто* Мать Спасителя порочит.
Ж а л о б а.

ЧИННО-ГОРДО

Прошагала. Позабывалось про тепло, Позабывалось, да от-
части. С начала гибельной напасти Побольше года протекло. Где
налетела, где вползла, Где прошагала *чинно-гордо*... О б и т е л ь.

ШАЖИСТО

Идётся. Идётся свежо и *шажисто*, Навстречу – ликующий
гул. И сам, захмелевший от свиста, Бросаешься в майский загул.
«Б е з д о н н ы й б е р ё з о в ы й о м у т...»

ШОРОХЛИВО

Δ Глянь: За окном желтó от сентября, Прозрачно, как родник,
и *шорохливо*, И ловит сквознячок в ладони ива, Листву посоло-
велую ребря. Г р и н я.

Было. Было *шорохливо* и, как в песне, складно, Зябко и тре-
возно, вольно и отрадно. О з а р е н и е о с е н и.

О. Н. Ярошенок

ЭТУ ПРОЗУ ПИСАЛ ПОЭТ...

(Перифраза в документальной повести
И. Н. Григорьева «Всё перемелется»)

Введение

Перифраза (от греческого *periphrasis*, *peri* – вокруг и *phradzo* – говорю) – троп, в котором названия предметов и явлений передаются через описание их отдельных определяющих качеств. В перифразе заключён элемент своеобразной отгадки, «ключ» к которой находится здесь же, в контексте (например «царь зверей» – лев, «чёрное золото» – нефть и т. д.). Иначе говоря, это умение называть нечто другими словами.

Особенно распространены были перифразы в литературе классицизма (XVIII в.) и во времена сентиментализма и романтизма (начало XIX в.), когда простые слова считались непоэтическими.

Многие понятия выступают объектами активного перефразирования (северная столица, северная Пальмира, град Петра, город белых ночей – Санкт-Петербург).

По характеру номинации перифразы бывают образные (метафорические) и безобразные (логические). В основе образных перифраз лежит определённый

ный художественный образ («царица ночи» – луна), а логическая перифраза не является образной – это результат замены родового понятия видовым, перенос с более узкого понятия на более широкое, своеобразная констатация факта («автор “Мёртвых душ”» – Гоголь). Метафорические перифразы наиболее распространены: на 300 метафорических перифраз приходится всего 6 логических. *Где?*

По степени освоенности перифраз языковой системой выделяют языковые и речевые. Языковые перифразы широко известны («люди в белых халатах» – врачи), речевые перифразы являются индивидуально-авторскими и ещё не освоены большинством носителей языка («вечернее полымя» – закат у С. Есенина).

По количеству компонентов выделяют двухсловные («всадник унылый» – месяц у С. Есенина) и поликомпонентные («подруга дней моих суровых» – няня у Пушкина) перифразы.

По наличию или отсутствию в предложении перифразируемого слова перифразы делятся на *зависимые* и *самостоятельные*. Например: *Тихо в чаще можжевелю по обрыву / Осень – рыжая кобыла – чешет гриву (С. Есенин)*. Перифраза *рыжая кобыла* является зависимой, так как в тексте присутствует перифразируемое слово *осень*.

В поэзии, прозе, публицистике перифраза выполняет различные функции: пояснительную, оценочную, декоративную, эфемистическую, шутивную и т. д.

Предметом анализа в данной работе является семантика перифраз, использующихся в воспоминаниях Игоря Григорьева «Всё перемелется».

Перифразы размещены по четырём разделам, с учётом их переносного значения.

Перифразы о родных и друзьях

Поскольку произведение Игоря Григорьева «Всё перемелется» является автобиографическим, своего рода мемуарами, естественным является то, что автор на протяжении всего повествования говорит о людях, которые окружали его: близкие и дальние родственники, друзья, знакомые, собраты по перу и т. д.

Основатель моего гнезда (о дедушке по отцу Григории Дмитриевиче).

Перифраза – логическая, поликомпонентная, зависимая, речевая.

«Основатель моего гнезда – Гришина хутора – справный русский мужик, добрый оратай <...> садовод, кузнец <...> мастеровой и механик, мельник, а также камнетёс».

Жерновых дел мастер (о нем же).

Перифраза логическая, поликомпонентная, зависимая, языковая.

В языке имеется немало подобных перифраз для характеристики человека по роду его деятельности (золотых дел мастер, печных дел мастер).

«Это его [огромный валун] пытался взорвать на жернова мой дед Гриня, да на такую махину пороку не хватило, и жерновых дел мастеру пришлось довольствоваться более мелким каменным материалом».

Рано повзрослевшие добытчики средств к существованию (о местных жителях посёлка Котлы Фёдоре Каменском и Викторе Рябове – ровесниках и друзьях).

Перифраза логическая, поликомпонентная, зависимая, речевая.

«Рано повзрослевшие добытчики средств к существованию (у Феди отец был казнён в 37-м, у Вити – находился в нетях) не могли не вызвать моего сочувствия».

Поэт, которому не улыбнулась Муза (об отце поэта Николае Григорьевиче Григорьеве, автора книги стихов (1916), поэтический талант которого не проявился в полную силу).

Перифраза образная, поликомпонентная, зависимая, речевая.

«Но я помню любимое детище [стихотворение] Николая Григорьева и дорожу им как частью души близкого и родного человека, поэта, которому не улыбнулась Муза».

Самое близкое и самое дорогое дитя человеческое (о Льве Григорьеве, погибшем младшем брате).

Перифраза образная, поликомпонентная, речевая, зависимая; ярко отражает теплые отношения между братьями.

«Лев Николаевич Григорьев – при его жизни самое близкое и дорогое мне дитя человеческое – мой родной брат...»

Незабвеннее существо (о Любове Алексеевне Смуровой – подруге и помощнице во время Великой Отечественной войны).

Перифраза логическая, двухсловная, речевая, зависимая.

«А вот ещё незабвеннее существо – Любовь Алексеевна Смурова, моя первая помощница по разведке и подполью, переводчица на плюсской бирже труда».

Подводя итоги главы, следует отметить, что в большинстве своём рассмотренные перифразы логические, поликомпонентные, речевые. Каждая из них, в той или иной степени, отражает отношение автора к тому, о ком говорится в тексте, знакомит нас с занятиями людей, окружающих поэта, особенностями их характера.

В данном случае можно говорить о реализации такой функции перифразы как оценочная.

Советские реалии в перифразах

В том строю не признавал я многое,
В этом строе отвергаю всё.

Игорь Григорьев

Игорь Николаевич Григорьев родился в 1923 г. и, как многие его современники, вынужден был испытать на себе всю сущность знаковых (а часто страшных и античеловеческих) событий первой (да и второй) половины XX в. Коллективизация, репрессии, Великая Отечественная война, атеизм оставили свой след в жизни и сознании автора. Реалии того времени ярко встают на страницах воспоминаний поэта.

Лихо лихущее, горе горящее (о коллективизации).

Перифразы образные, двухсловные, речевые, зависимые.

Обращает на себя внимание употребление в каждой из перифраз двух однокоренных слов рядом, что только усиливает негативную авторскую оценку данного исторического явления.

«Дорога на хутор и вокруг него, три мостика, осушительные канавы, мочила для льна, сад, рига с гумном <...> находились в полном порядке вплоть до начала новой колхозной жизни – лиха лихущего, горя горящего».

Молодые хозяева земли, которые «покоряли пространство и время» (о советских активистах, чья деятельность далеко не всегда была гуманной).

Перифраза образная, поликомпонентная, речевая, самостоятельная.

Сочетания *«молодые хозяева земли»* и *«покоряли пространство и время»* взяты из песни «Марш весёлых ребят» (слова В. Лебедева-Кумача, музыка И. Дунаевского), написанной в 1934 г. и бывшей чрезвычайно популярной в 1930–1950-х гг.

«А по склону лет сто тому назад, если не все двести, старыми хозяевами имения был разбит большой парк из вековых лип, клёнов и ясеней, в тридцатых годах 20 столетия побитый и заброшенный “молодыми хозяевами земли”, которые “покоряли пространство и время”».

Страна, «где так вольно дышит человек» (об СССР).

Перифраза образная, поликомпонентная, речевая, самостоятельная.

Данная перифраза, как и предыдущая, не лишена иронии и негативной оценки со стороны автора.

Сочетание *«где так вольно дышит человек»* взято из песни «Широка страна моя родная», написанной И. Дунаевским и В. Лебедевым-Кумачом в 1936 г.

«Фридрих Августович Гельманн, немецкий коммунист, поклонник ВКП(б) и друг красной Москвы, бе-

жал вместе с семьёй из проклятой нацистской Германии в страну, “где так вольно дышит человек”».

Год-кровохлёб, год-людоед (о 1937 г.).

Перифразы образные, двухсловные, речевые, зависимые.

Одни из самых ярких перифраз в произведении, отражающие всю сущность трагической даты.

«Подкрадывался гнустный 1937-й – год-кровохлёб, год-людоед».

Страна «зрелого социализма» (об СССР).

Перифраза логическая, поликомпонентная, языковая, самостоятельная.

Сочетание *«зрелый социализм»* как определённый этап социалистического общества, взятое из марксистской теории, было очень распространено в различных учебниках по научному коммунизму, а также в научных работах (например, «Закономерности развития малых народов в условиях зрелого социализма» Б. С. Саламова (1983); «Особенности развития материально-технической базы сельского хозяйства на этапе зрелого социализма» Н. В. Тепунцова (1985)). Традиционно периодом «зрелого социализма» считали 70-е гг. XX в.

«А в стране “зрелого социализма” “Известия” в то время громыхали статьёй жителей деревни Верколы Пинежского района Архангельской области “Куда ты зовёшь нас, земляк?”»

«Корифей всех наук» (об И. В. Сталине).

Перифраза образная, поликомпонентная, языковая, самостоятельная.

Изначально слово *корифей* обозначало руководителя древнегреческого хора, позже – лучший деятель

в какой-либо области. В «Большом словаре русских поговорок» читаем: *«Корифей науки (всех наук) – об И. В. Сталине»*.

А русский историк Р. А. Медведев в своей статье «Личная библиотека корифея всех наук» пишет следующее: *«Во времена культа личности Сталина о нём говорили как о корифее всех наук, каждое суждение которого по истории и философии, экономике и обществоведению, даже по биологии и лингвистике объявлялось мудрым и основополагающим»* (Вестник РАН. 2001. № 3).

«После нелепого скрещивания языкознания с марксизмом, что выразилось в плоде “Марксизм и вопросы языкознания”, Ивана Мещанинова вызвал в Кремль “корифей всех наук”».

Бдительные партдяди (о советских партийных работниках).

Перифраза логическая, двухсловная, языковая, самостоятельная.

«К работе по психотерапии не пустили бдительные партдяди, и два года он [Григорий Григорьев] был участковым терапевтом в районной поликлинике».

Перифразы данного раздела реализуют в тексте оценочную функцию. Причём оценка здесь просматривается явно отрицательная, с иронией.

Природа и географические объекты в перифразах

С раннего детства Игоря Николаевича Григорьева окружала русская природа. Закономерно, что в поэзии

и прозе автора пейзаж занимает далеко не последнее место. Ландшафты Псковщины, а затем Витебщины и Петербурга не могли не трогать тонкую душу поэта.

Древний драгоценный дар природы (о лесе Клине).

Перифраза образная, поликомпонентная, зависимая, речевая.

«От Клина – древнего драгоценного дара природы, разросшегося на двадцать квадратных вёрст, – теперь остались рожки да ножки».

Три колыбели моего детства (о реках в Псковской области Узе, Веретеньке, Гусачке).

Перифраза – образная, поликомпонентная, зависимая, речевая.

Уза – приток Шелони, Веретенька и Гусачка – притоки Узы.

«Наш Клин окружали три колыбели моего детства – река Уза, речка Веретенька и речушка Гусачка».

Дочь грозы (о шаровой молнии).

Перифраза образная, двухсловная, речевая, самостоятельная.

«Плыла “дочь грозы” медлительно, иногда останавливаясь и вращаясь вокруг себя».

Петра творенье (о Санкт-Петербурге).

Перифраза логическая, двухсловная, языковая, зависимая.

Одна из самых распространённых перифраз, описывающая Петербург.

Впервые перифраза появилась в поэме А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833):

*Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит...*

В перифразе отражена история создания города. Летом 1703 г. на небольшом островке Невы Пётр I, по сообщению тогдашних «Ведомостей», «новую и зело угодную крепость построить велел, в ней же шесть бастионов, где работали двадцать тысяч человек подкопщиков, и тое крепость на свое государственное именование, прозванием Петербургом обновити указал».

«С того года я и обосновался в “Петра творенье” тогдашнем – Ленинграде».

Северная Пальмира (о нем же).

«И, не задерживаясь в северной Пальмире, я отчалил в костромское село Большое Николаевское...»

Перифраза образная, двухсловная, языковая, самостоятельная.

Начала употребляться в литературе с XVIII в. Пальмира – один из богатейших городов античности, расположенный в одном из оазисов Сирийской пустыни. Вскоре после открытия Пальмиры царь Пётр Первый среди безжизненного пространства основал город. Бытует легенда, что, увидев Петербург, один из европейских дипломатов, очарованный красотой и богатством города, сравнил Петербург с античной Пальмирой. Позже, при Екатерине II, царицу начали сравнивать с Зенобией (правительницей Пальмиры) и данное название закрепилось за Петербургом.

Град белых ночей (о нем же).

Перифраза образная, поликомпонентная, языковая, самостоятельная.

Такое название город получил во многом благодаря литературе – достаточно упомянуть повесть Ф. М. Достоевского «Белые ночи».

Белые ночи наступают 25–26 мая, когда вечерние сумерки практически сливаются с утренними. Наибольшая продолжительность дня приходится на 21–22 июня; заканчиваются белые ночи 16–17 июля, продолжаясь в общей сложности 50 дней.

«На гражданке промышлял охотой в костромских глухоманях, фотографией на Вологодчине <...> вкалывал грузчиком и строителем во “граде белых ночей”».

При описании природы автор пользуется метафорическими перифразами, что придаёт прозаическому тексту образность поэзии.

Как географический объект не раз упоминается Санкт-Петербург. Название этого города, как отмечают языковеды, активно перифразируется («северная Венеция», «северная столица», «город трёх революций»).

Не раз перифразы в отношении города использует и Григорьев: «Северная Пальмира», «Петра творенье», «град белых ночей».

Перифразы о поэтах и поэзии

Высказывая отношение к современной культурной ситуации в России, делаясь с читателем своими литературными вкусами, Игорь Григорьев «говорит перифразами» о литературном творчестве и собратях по перу. Разговор о поэзии начинается с первых строк воспоминаний.

Сам человек, взявшийся за перо (о поэзии).

Перифраза образная, поликомпонентная, зависимая, речевая.

Данная перифраза – яркое выражение личного отношения автора к поэзии.

«Таково уж свойство поэзии: она – сам человек, взявшийся за перо».

Величайший певец Руси (о Есенине).

Перифраза образная, поликомпонентная, языковая, зависимая.

Сергей Есенин – один из поэтов, чьё имя активно перифразируется. Известны также варианты: *последний поэт деревни, певец бревенчатой избы, поэт-хулиган*.

«Сергея Есенина к нам не пускали, и мы лишь понаслышке знали о величайшем певце Руси».

Родная сестра поэзии (о прозе).

Перифраза образная, поликомпонентная, речевая, зависимая

«Но проза хоть и родная сестра поэзии, да не совсем то, что стихи».

Исповедующиеся исповедники (о любимых поэтах Григорьева С. Есенине, А. Блоке, Н. Рубцове).

Перифраза образная, двухсловная, речевая, зависимая.

«В Поэзии мне ближе всех Сергей Есенин, Александр Блок, Николай Рубцов – исповедующиеся исповедники».

Заключение

Традиционно перифразу, как и другие образные средства, принято рассматривать прежде всего в по-

эзии. Однако произведение Игоря Григорьева «Всё перемелется», являясь документальной прозой, содержит немало перифраз. В процессе работы их было рассмотрено 25.

В прозаическом тексте Григорьева перифраза выполняет различные функции: в описаниях природы она выступает в качестве образного средства и рисует перед читателем яркие пейзажи; в гневных высказываниях о некоторых политических событиях отражает авторское видение действительности, негативное отношение к происходящему; в строках о родных и близких выражает теплые чувства к ним; в рассуждениях о поэте и поэзии позволяет ярче донести до читателя свои взгляды на данную тему.

Большинство перифраз в произведении являются речевыми, то есть индивидуально-авторскими, однако некоторые из них, самые удачные, могли бы стать языковыми (например, *год-людоед, год-кровахлёб*).

Обращают на себя внимание и перифразы, созданные на основе строк популярных советских песен (например страна, *«где так вольно дышит человек»*). Это довольно оригинальный приём.

В заключение хочется отметить, что в произведении перифраза «соседствует» с другими тропами, прежде всего метафорами и эпитетами. Причём среди них есть очень оригинальные, «незатасканные» (например, такое описание начала бури: *«застонал ельник, завсхлипывало небо, загрохотала тьма»*). От таких образных средств вовсе не страдает документальность воспоминаний, но зато с первых страниц становится понятно, что эту прозу писал Поэт.

Литература

- Григорьев И. Н. Боль: избранное. СПб., 1995.
- Доливо-Добровольский А., Харламова Н. Санкт-Петербург. Хроника трёх столетий. СПб., 2003.
- Есенин С. А. Собр. соч.: в 2 т. Минск, 1992.
- Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов русского языка. М., 2000.
- Лазарук М. А., Ленсу А. Я. Слоўнік літаратуразнаўчых тэрмінаў. Мінск, 1983.
- Москвин В. П. Стилистика русского языка: теоретический курс. Ростов н/Д., 2006.
- Поэт и Воин: книга воспоминаний об Игоре Григорьеве. СПб., 2013.

Б. А. Леонов

И. Н. ГРИГОРЬЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Речь о книге воспоминаний «Поэт и воин», посвящённой 90-летию со дня рождения поэта Игоря Николаевича Григорьева. Книга получилась оригинальной, в своём роде уникальной. Эту уникальность я вижу в том, что открывается она своеобразным автороманом самого поэта о себе, о своей семье, обо всём том, что составляло его человеческое существо. И вольно или невольно, читая воспоминания друзей, товарищей, коллег о нём, мы сопоставляем сказанное ими, отмеченное ими с самохарактеристикой поэта. Это интересно, поучительно и впечатляюще. Во всяком случае, так я читал книгу, которая, помимо автобиографического повествования, состоит из 18 глав-очерков о Григорьеве.

Открывает воспоминания очерк Станислава Золотцева «Зажги вьюгу!». Свою миссию автор видит в том, чтобы передать предельно достоверно суть жизни творчества своего старшего друга и поэтического наставника Игоря Николаевича. Каким же образом он пытается это сделать? Обратимся к его тексту.

С. Золотцев счёл необходимым сознаться в том, что свой план повествования он почерпнул из воспомина-

ний жены и верной подруги Григорьева, Елены Николаевны Морозкиной, опубликованных в «Псковской правде» от 28 октября 1998 года. Она писала:

«Игорь Григорьев – уникал, поэт Божьей милостью. Это прежде всего и на все времена. Стихи его останутся жить с нами, в них – его душа. И вместе с тем Игорь – подпольщик (ему было 18 лет), Игорь – партизан. А после войны Игорь – охотник, Игорь – каменщик, Игорь – фотограф (в том числе – участник археологической экспедиции в Забайкалье), Игорь – студент филфака Ленинградского университета, который он окончил... Игорь – создатель Псковской писательской организации и её руководитель в течение многих лет.

Игорь Григорьев – глубинный талант, глубинно чистая душа, предельно искренняя, неспособная лгать. Предельно (или даже запредельно) самоотверженная. Даже незнакомому человеку он мог отдать последнее...

Любовь к Родине была для него главным в жизни, а стихи – его сутью и сутью выражения этой любви...».

Приведя слова исповеди близкого Григорьеву человека, С. Золотцев замечает, что в них для него «штрих-пунктир» маршрута воспоминаний об Игоре Николаевиче. Но книга воспоминаний убеждает в том, что этому маршруту последовали почти все авторы в своих памятных очерках. Об этом, в частности, свидетельствуют многие названия собранных в книге воспоминаний: «Огненный круг» Василия Кириллова и Владимира Клемина, «Поэзия – его судьба» Льва Малякова, «Жестокая дорога – поэзия» Светланы Молевой, «Человек-легенда» Юрия Шестакова, «Цена

праведного слова» Василия Овчинникова, «Дар жизнелюбия» Вадима Зверева, «Стихи, написанные болью» Виталия Фёдорова, «Горевой цветок России» Натальи Советной.

В несколько ином ключе написаны воспоминания Марии Кузьминой «Мой отец – поэт Игорь Григорьев», Елены Родченковой «Целую руку твою» и Людмилы Крутиковой-Абрамовой «Ученик и верный друг Фёдора Абрамова». Они как бы оживляют нерукотворный памятник Игорю Григорьеву, который общими стараниями его друзей и товарищей изваяли Станислав Золотцев и другие.

Маша заметила в отце непреходящую верность идеалам фронтовой юности, «он психологически как бы навсегда остался в том далёком времени, что, разумеется, ему мешало воспринимать повседневную жизнь» (с. 270). И в своих рассказах о той уже далёкой от дочери и не затухающей в нём войны он чаще всего вспоминал друзей и Любу Смурову, в смерти которой он, как ему казалось, был повинен и не мог себе этого простить.

И далее Маша сокрушённо признаётся, что характер у отца в последние годы жизни становился всё более тяжёлым, давящим. У самой Маши, по её признанию, нрав тоже был нелегким. На этой почве доходило до стычек, и он в очередной (двадцатый!) раз отрекался от дочери. Но она видела, что отец не со зла это, он по-особому был добр.

А вспомните сцену, когда Маша на завтрак сварила целую пачку лапши?! Идут они по улице, и отец вдруг говорит какой-то пожилой женщине: «Вы представляете, какая у меня дочь кулинарка хорошая! Вз-

ла – сварила целую коробку лапши. Кто её есть будет? Всё пришлось выбрасывать!». Это довело дочь до истерики, и когда он попросил сварить ему картошки, она выкрикнула в гневе: «Да пусть тебе чёрт картошку варит!».

Тронула меня сцена, когда отец и дочь вели разговор о стихотворении В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо». Она «прочла такой вариант:

Крошка сын к отцу пришёл.
И спросила кроха:
«Водка с пивом хорошо?» –
«Да, сынок, неплохо».

Отец хмыкал, качал головой, поднимал палец вверх и говорил: “Слушай, Маня, а ведь ты хулиганишь”. Но невооружённым глазом было видно, как он доволен» (с. 278).

Эти штрихи как бы оживляют монументальную фигуру Игоря Григорьева, возникающую во многих эссе о нём, делают её более живой. Хотя и от Маши не ускользала отцовская прямолинейность, когда речь шла о человеческих и профессиональных отношениях в кругу литераторов. Здесь открывалось его божественное начало, о котором, подводя итог жизни, он сказал дочери: «Нет ни одного греха, в котором я был бы неповинен. Я – великий грешник абсолютно во всём» (с. 283).

Судя по многим воспоминаниям, Игорь Николаевич не был натурой открытой, как бы он таковым ни казался. Это от сложности его духовного мира. На эту особенность товарища по литературе обратил внимание Лев Маляков в своём эссе «Поэзия – его судьба».

Интересны страницы, повествующие об университетских годах Григорьева. По свидетельству Льва Малякова, Игорь всегда был в центре любой компании. Все с вниманием слушали его рассказы о разведчиках в плюсском подполье, которым тот руководил. И при этом даже трагические истории «он подавал с юмором, на что был большим мастером» (с. 298).

И еще об одной особенности характера Григорьева, которые отмечают многие, говорит Лев Маляков так: «Характер Игоря Григорьева был не приспособлен к послушанию и чинопочитанию» (с. 301). Отсюда многое в жизни шло не так, как хотелось бы Поэту, но поступиться принципами для него было бы предательством самого себя. И тем не менее права Светлана Молева: «И сколь бы теперь ни вспоминали и ни писали о нём, нам и всем миром не собрать малой доли стремительного, яркого, разрываемого противоречиями образа». Одна из последних поэтических книг Игоря Григорьева, редактором которой довелось быть Светлане Молевой, биографична и называется «Крутая дорога». Редактор признает, что не только приняла название, но могла бы нынче назвать её «Жестокая дорога». И продолжает: «Да, жестокая дорога поэзии стремительно пронесла его мимо нас. Многие шарахались в стороны, называя его шутом и кривлякой. Он не оглядывался.

Другие уязвляли больно, навешивая ярлык графомана» (с. 309). На самом деле, как всякий, будь то начинающий или уже состоявшийся поэт, он нуждался в оценке тех, кому доверял, и ждал от них подтверждения божественного предназначения в жизни...

Память избирательна. Притом у каждого находится

что-то своё в представлении о прошлом времени или о человеке. Это грозило собранным воедино текстам воспоминаний предстать чем-то разнородным. Но этого не случилось. И прежде всего потому, что в книге произвольно, но естественно, оказались две ведущие скрепы памяти, которые собирают собранное воедино. Эти скрепы, по-моему, выглядят так.

Авторы, не стовариваясь, благодарят судьбу за то, что она свела их в жизни с настоящим Человеком и Поэтом. И каждый несёт в себе память добрых слов наставника, коим был отмечен путь каждого в литературу. Это наиболее удачно выразила Наталья Советная. Восхищаясь радостной реакцией Игоря Николаевича на присланные ему автором стихи, она вздохнула: «Как же не хватало мне самой такого вот наставника в начале запоздалого литературного пути, да и теперь... Часто вспоминаю Игоря Николаевича и всего лишь одну фразу, удивлённо оброненную им по поводу моей статьи, опубликованной в “Псковской правде”: “А из этой девочки может что-нибудь получиться!”. Такие слова дорогого стоят...» (с. 413–414).

И завершает книгу статья известного поэта и литературоведа Владислава Шошина «Я – насовем, жизнь!». Глубокая, умная, она как бы аналитически подтверждает правомерность превосходных оценок оставленного поэтического наследия человека, сказавшего о себе: «Человек я верующий, русский, деревенский, счастливый, на всё, что не против Совести, готовый!...».

М. П. Поздняков

ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ И БЕЛАРУСЬ

Мы в Беларуси гордимся, что жизнь и творчество этого великого русского поэта тесно связаны с нашей республикой, с белорусской литературой.

Будучи студентом филологического факультета Ленинградского государственного университета, Игорь Григорьев познакомился с Дианой Захаровой – студенткой, приехавшей из белорусского города Городка, что на Витебщине. Влюблённый в неё с первого взгляда, поэт ласково называл девушку Ромашкой. Вскоре они поженились, а после окончания университета десять лет их совместной жизни были тесно связаны с Городком. «В собственном доме “бати Васи” – моего тестя Василия Захарова, – напишет И. Григорьев через многие годы в своей повести «Всё перемелется», – мне жилось как у Христа за пазухой. Это были самые счастливые и удачливые годы мои.

Сам Городок, речка Горожанка, бегущая у нашего дома под крутым склоном, добрый десяток окрестных озер, Воробьевы горы – стали мне своими сразу. Так же как, волею судьбы, стал батей Василий Ильич».

Красивая белорусская природа, щедрые, отзывчивые люди навсегда запали в трепетную, живую душу поэта. Образ белорусского учителя Василия Ильича

Захарова, уважение к нему и благодарность И. Григорьев пронес через всю свою жизнь, как и любовь к Беларуси, к ее незабываемой природе и мужественному, трудолюбивому народу. Невозможно читать его повесть «Всё перемелется» без чувства гордости и восхищения от того, как автор искренне полюбил Беларусь и белорусов: «Василий Ильич сделался моим путеводителем по чудо-земле, стал первоучителем ее языка и вдохновенной поэзии. Это с его легкой руки я всем сердцем прикипел к *Беларусі* и навсегда полюбил *беларусаў* – славный славянский народ», – признался поэт. И здесь же мы также читаем, что «под стать господарю была и его супруга Ольга Александровна – умница, тихоня, работунья и, конечно же, красавица...».

И белорусская природа, и белорусы радовали и вдохновляли поэта, лечили его израненное войной тело, окрыляли обожженную душу, познавшую столько боли и потерь в годы Великой Отечественной войны.

Его, откровенного, чистого и светлого человека, восхищали и вдохновляли даже белорусские петухи. Игорь Николаевич работал обычно по ночам, сочинял стихи. А под утро наслаждался петушиным пением. Он отличал голос каждого из них, знал дома, где жили эти замечательные солисты. А получив от белорусских друзей-поэтов приличный гонорар за переводы, купил поющих петухов за большие деньги и принес домой. Эта удивительная история – яркий штрих среди множества других примечательных штрихов, так отчетливо передающий чистую, почти детскую душу Человека и Поэта с большой буквы, воспринимавше-

го и понимавшего Жизнь во всех ее божественных звуках и красках...

Расставание с Городком, его радушными жителями, расставание с Беларусью поэт воспринял и переживал как большую, невосполнимую потерю, как личное горе, о чем написал затем в уже упомянутой повести: «...“по семейным обстоятельствам” я остался без Городка – обездомел и осиротел. Я отчалил из милой *Беларусі* куда глаза глядят, всхлипнув прощальными виршами:

Беларусь

Говорят про тебя, что ты – Белая Русь.
Так ли, нет ли – судить не берусь.
Но тобой причастился, голуба,
И зажгла ты Руси однолюба,
Одарив неразменной казною –
Жаркой “Бульбой”, утехой лесною,
Пригожуньей моею жадобной,
Простотою твоей бесподобной;
Приоткрыла лицо вековое:
Ни покоя, ни слёз – роковое».

Дальше связь с милой ему Беларусью у Игоря Григорьева поддерживается через его цепкую память и сына Григория, который с двухлетнего возраста и до окончания средней школы жил в Городке, у бабушки и дедушки. Но отец, с ранних лет бравший его с собой на рыбалку, общаясь с ним, передал сыну на всю жизнь светлое чувство любви к родной земле, к людям, способствовал воспитанию в нем великодушия, преклонения перед святым, вечным, человеческим. Вообще заслуживает отдельной большой книги отношение поэта к отцу, матери, сыну, дочери, к род-

ным людям, друзьям и товарищам. На всех хватало его участия, чуткой, сострадательной, хотя и весьма сложной, но сильной души.

За десять белорусских лет (1954–1964) Игорь Григорьев написал пять книг поэзии. Активно занимался переводами белорусской поэзии на русский язык (как классики, так и современных авторов), участвовал в литературной жизни. В 1957 г. он дебютировал в выходившем в Минске литературно-художественном журнале «Советская Отчизна» (№ 5), переименованном позже в журнал «Нёман», стихотворением «Утреннее».

Плодотворные творческие связи завязались у Григорьева с легендарным Максимом Танком, впоследствии народным поэтом Беларуси, Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии, председателем Союза писателей Беларуси. Тогда он как переводчик принял участие в трех сборниках великого белорусского поэта. А это – «Мой хлеб насущный» (Л.: Гослитиздат, 1963; Минск: Беларусь, 1965); «Избранная лирика» (М.: Молодая гвардия, 1967).

Одним из современных белорусских поэтов, кому повезло быть переведённым на русский язык И. Григорьевым, является и нынешний лауреат Государственной премии Республики Беларусь Владимир Скоринкин. Будучи еще городокским школьником, воспитанником тестя поэта, Василия Ильича Захарова, В. Скоринкин хорошо запомнил стройного и задумчивого русского поэта. Он неторопливо расхаживал по улицам древнего городка, вероятно, на ходу сочиняя стихи... Позже, когда Владимир учился в Рижском высшем инженерно-авиационном военном училище,

Григорьев прислал ему городокскую районную газету со своими переводами его стихов. Через много лет Владимир Скоринкин перевел на белорусский язык и напечатал в молодежной газете «Чырвоная змена» два стихотворения этого замечательного русского поэта – «Беларусь» и «Воробьевы горы». В ноябре 2013 года, в связи с 90-летием со дня рождения И. Григорьева, Владимир Скоринкин перевел на белорусский язык еще пять его стихотворений и опубликовал их в еженедельнике «Літаратура і мастацтва». Появились также переводы стихов Игоря Григорьева на белорусский язык, сделанные Миколой Шабовичем, Галиной Загурской, Оксаной Ярошенко и автором этих строк. Причем они не повторяются. Я с большим удовольствием перевел его великолепные патриотические стихи, посвященные Родине – «Россия» и «Перед Россией». В них (опубликованы в последней его прижизненной книге «Боль» в 1995 г.) наиболее остро, ярко и талантливо передана глубочайшая боль поэта за Россию, в новом строе которой он видел ее горе. Но в то же время поэт верил в достойное будущее России, в ее истинное возрождение, в ее предначертанную свыше высокую мирозозидающую миссию на планете Земля.

В Беларуси помнят Игоря Григорьева, знают и любят его поэзию. В связи с 90-летием со дня рождения великого мастера поэтического слова прошли творческие вечера в Городке, Полоцке, Витебске, Минске, в которых приняли участие многие писатели, работники культуры, почитатели светящегося таланта Игоря Григорьева. Эти вечера стали возможными и благодаря неугомонной деятельности известного поэта, проза-

ика и ученого Натальи Викторовны Советной, а также сына поэта – доктора медицинских наук, писателя и священника Григория Игоревича Григорьева, и Союза писателей Беларуси, его столичного отделения.

Возросло и внимание белорусских ученых, исследователей-литературоведов к личности и творчеству И. Григорьева. Свои работы ему посвятили доктор филологических наук, профессор Белорусского государственного университета Анатолий Николаевич Андреев, доктор педагогических наук, профессор, зам. директора Национального института образования РБ Николай Георгиевич Еленский, кандидат филологических наук, доцент Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка Николай Викторович Шабович, кандидат психологических наук Наталья Викторовна Советная, школьный учитель Оксана Николаевна Ярошенко, языковед и литератор Анатолий Павлович Бесперстых. Прошли публикации в солидных литературно-художественных изданиях Беларуси, слово о выдающемся русском поэте прозвучало по республиканскому радио.

Следует заметить, что это мое краткое слово на тему «Игорь Григорьев и Беларусь» – только маленький штришок к ней. Уверен, что большое, глубокое и всестороннее исследование на обозначенную тему еще впереди. И оно должно состояться, ибо Игорь Григорьев – *явление* в славянской литературе, в том числе и белорусской. И к нашей чести – посвятить ему большой, основательный труд. Слово этого могучего поэта-гражданина, поэта-патриота, поэта-лирика по глубине поднятых тем, по светоносной энергетике, по заложенным в нем боли, веры в Россию, надежды

на ее истинное место в мировой жизни сделали его талант сравнимым с талантом Сергея Есенина. Еще одно неоспоримое достоинство в этой личности заложено в том, что он символизировал и символизирует нашу общность, единство наших культур, народов, государств – России и Беларуси.

Особенный поклон от благодарных белорусов – сыну поэта Григорьеву Григорию Игоревичу, известному ученому, писателю и священнику, который так много делает для увековечивания памяти отца. По духу и по крови Г. И. Григорьев объединяет в себе два братских народа, две братские страны, олицетворяет наше вечное и предначертанное свыше единение и единство. А служить этому – великая цель.

Последние годы жизни Игоря Николаевича Григорьева (не менее чем военные годы) принесли ему (как и не только ему) – подлинному сыну и патриоту – немало мучений, терзаний и боли. Как же ему, правдолюбивому и благородному, открытому и прямому, доставалось от непонимающих, глуховатых и слеповатых душой, безразличных, пустых и черствых чинуш и дураков, недоброжелателей, завистников и врагов?! Но сколько света, веры, смирения, мудрости, любви он дарит чистым и светлым, думающим и ищущим, распахнутым душой и сердцем правде, красоте, добру, состраданию, любви!..

Спасибо Вам, Игорь Николаевич, за сильную, живую, большую поэзию, объединяющую и укрепляющую нас. Верю, Ваша душа услышит мое стихотворное обращение к Вам из нашего сегодня, которое свидетельствует об уверенности в том, что наше общее завтра будет! И будет светлым и радостным!

**Замечательному поэту и сыну России
Игорю Григорьеву**

Игорь Николаевич Григорьев –
Боль России, глас её просторов.
Родина, отвергнув мрак и тлен,
Гордо поднимается с колен.

Фениксом высокий дух парит,
Светлый мир её боготворит,
И надежды новая заря
Просвещенным видится не зря.

Русь, еще безвольная вчера,
Прирастает силою добра
И под крылья правды и свободы
Собирает страны и народы.

Шаг за шагом – путь ее светлей
Верой и любовью сыновей.
Благодарной матерью она
Праведные вспомнит имена...

Духом православным преисполнен,
Игорь Николаевич Григорьев,
Он себя не мыслил без России,
Без него немислима Россия.

Ігар Грыгор’еў. Расія¹

*Ўладзе тым не прызнаваў я многае,
Ў гэтым ладзе адмаўляю ўсё.*

Няволя, нядоля, чужына –
Ні слова, нішто не відаць.
Ці ж руская гэта лагчына?
Ці кваліцца ў рэчцы вада?

Як злодзей бяздомны, крадуся
Старонкаю роднай чужой.
Сцяной – чарната, не праб’юся,
Агідная цемра за мной.

Куды ты? Куды ты? Куды ты? –
Жуда безвыходная спрэс.
Табе толькі рады знябыты,
Нямы, заняволены лес.

Не вольны адолець няволю!
Нядоля, хоць нема крычы!
Ды – мёрзлае дыхае поле,
І падаюць зоры ўначы.

Ігар Грыгор’еў. Перад Расіяй²

Не здраджваў я Радзіме дарагой.
Гаркотай палыновай нават поўны,
Пакутаваў з ёй у глухую поўнач,
Але не здраджваў у цямрэчы той.

Яе бяда (ці нашая віна?),
Што вернікаў адрынуўшы ад Бога,
Паверыла пазбаўленым святога.
Яе бяда – мо, нашая віна?

Я да Радзімы ўсё ж не халадзею,
Хоць крыхабор смяецца: “Дуралом!..”
Абдзелены хай хлебам і віном –
Ад зябкасці яе не халадзею.

Пры чым яна (мо, справа нашых рук),
Што для сыноў на ласку пабыднела?
Занадта шмат гасцей паналаяцела.
Яе напасць – мо, справа нашых рук?

Радзіма, я не стану дакучаць
Ні шумам, ні назойлівай любоўю.
Не знай мяне, свяці пакуль любому.
Я пачакаю. Сорам – дакучаць.

¹ Пераклаў з рускай мовы Міхась Пазнякоў.

² Пераклаў з рускай мовы Міхась Пазнякоў.

В. В. Васильев (Овчинников)

«Я ИДУ ЧЕРЕЗ ПОКОСЫ ПРЯМИКОМ...»
(Псковскими дорогами Игоря Григорьева –
экологическая тропа)

Вот я и «М-65». На следующий день после дня рождения младший сын Витя, невестка Лера за рулём и старший внук Миша везут меня в Ситовичи. Долго я собирался. Больше пятидесяти лет прошло, как я там был последний раз, да и Ситовичей давно уж нет...

Проехали недолго. За поворотом на Карамышевых (или Лопатовских?) крестах наша старая «семёрка» забарахлила: машину дёрнуло вправо. Остановились. Витя поддомкратил, снял колесо, перемонтировал тормозные колодки – слетела разжимная пружина, собрал всё в кучу. На всё про всё – полчаса. Мы с внуком только что и успели, как «полюбоваться» на хищные заросли противного борщевика по обочинам.

Направо указатель «Жаборы». Свернули. Через пару километров – разрушенная ограда погоста. Всё облазили – наших нет. Едем дальше. Деревня. Из ворот вышла бабушка. Подказала, что впереди церковь, вокруг неё тоже небольшое кладбище. Здесь тоже наших нет. Возвращаемся на шоссе. Туготино. Где-то здесь родовое «поместье», сейчас – летняя дача моей тётушки. Небольшой домик волостной управы. Захо-

дим. В открытом кабинете главы никого. Открывается дверь, мужик, мой ровесник, приглашает в такой же маленький кабинетик зама или бухгалтера. Разговор сразу на общей волне. Про мою тётушку они не слышали – «дачники» в управу не заходят. А вот про заход на Ситовичи от Заозерья он рассказал. Сам ходил, это он год назад участвовал в рекогносцировке для порховских музейщиков. Готовят и список сожженных деревень, установят стенд на мемориале в Красухе. Вот только сожженные и вновь отстроенные после войны деревни сейчас снова медленно погибают...

Поворот в Нестрино, ещё немного – и справа на холме памятник Скорбящей Псковитянке. Красуха. Поднимаемся. Вокруг немятая трава. Напротив, через дорогу, – аллея, ведущая к месту, где стоял амбар, в котором заперли и сожгли 280 жителей деревни – стариков, женщин и детей. Около дороги русская печь. Внуку приходится объяснять, что это тоже памятник, – когда горели дома, от них оставались остовы кирпичных печей. Дальше по шоссе низинка и мост через ручей – речку Турищенку. На этом мосту в далёком ноябре сорок третьего и была подорвана машина с немецкими офицерами.

Проезжаем Веретени. Заозерье. Здесь оставляем машину с Лерой. Витя настраивает навигатор. Дальше нам ножками. Сначала через поле за деревней («Я иду через покосы прямоком...»), вот только поле уже не кошено. Дальше от поляны к поляне, потом сплошное чернолесье. Кое-где под ногами угадывается застарелая колея. Витя ведёт уверенно – четыре года в спецназе, да и маршрут не Бог весть какой сложный. Я присматриваю за внуком – трава в болотистых

низинках по пояс и выше. Бор и Клинь сомкнулись сплошным чернолесьем. Сын показывает жестом – справа остатки столба бывшей ЛЭП, идём верно. Рельеф тянет немного вверх. Местами встречаются кусты ирги – каринки, признак близкого жилья. Похоже, выходим к бывшей деревне. То же чернолесье, местами вековые липы, под ногами угадываются остатки фундаментов из камней – кругляшей валунов. Звякнуло. Старая кастрюля. На восточном краю бывшей деревни огромная обгоревшая липа с дуплом – медведь поместится. Не бабушкина ли липа? Раньше прямо за ней начинался большой выгон – пасли своих коров, овец. Сейчас всё заросло.

Мы сюда ещё вернёмся, и не раз. А сейчас – время. Берём азимут на Веретени. Идём сначала через ракитняк и то же чернолесье. Выходим на заросшее поле, колея дороги. Слева низинка, похоже, Веретенка там течёт. Выходим к деревне. Большинство домов с заколоченными окнами, подзаброшены.

Телефонный звонок на мосту, и через пять минут подъезжает отдохнувшая Валерия. На сегодня наша рекогносцировка закончена.

Дома достал дневник пятнадцатилетней давности. Заметки разговора с тётушкой. Родовые могилки я искал не там. Мои бабушка и дедушка похоронены на погосте в Гостенях, рядом с Заозерьем. Как-то перезагрузилось у меня в памяти на Жаборы.

Ещё раз открыл в компьютере карту. Перечитал повесть Игоря Николаевича «Всё перемелется». Открыл и просмотрел сайт Порховского музея. Сама собой возникла мысль о маршруте – туристской тропе.

Речки: Турищенка впадает в Веретенку, Веретенка – в Узу, Уза – в Шелонь, Шелонь – в Ильмень; а дальше Волхов, Ладога, Нева и Финский залив – Балтийская водная система.

Вариант главный. Автобусом от Порхова до Заозерья, 12 км. Ножками Заозерье – Ситовичи – Веретени, 5 км. Автобусом до Красухи. На мемориале «Вахта памяти». И автобусом в Порхов. Всего четыре-пять часов, но детям 10–14 лет (опыт есть) запоминается надолго. Да и взрослые пройдут не без интереса.

От меня. Сайт в интернете – с подробным сценарием (стихи и выдержки из повести Игоря Григорьева как путевые знаки) и картой-схемой маршрута. Это к весне будет. А потом, даст Бог, установим и стенды с указателями.

В развитие. Маршрут Туготино – Ситовичи – Веретени – Красуха.

Должно быть, и живописные озёра в Гостенях – Заозерье.

А. С. Ольхин

**ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГ,
ПОДГОТОВЛЕННЫХ К КОНФЕРЕНЦИИ**

Год назад мы с вами отмечали 90-летний юбилей со дня рождения Игоря Николаевича. За это время исследователями, ценителями поэзии Игоря Григорьева была проделана огромная по своему объему работа, судить об этом можно по плодам уходящего года. Мне бы хотелось представить вашему вниманию ряд книг, подготовленных и изданных к 90-летию юбилею Игоря Григорьева и к сегодняшней конференции.

1) Поэт и Воин: книга воспоминания об Игоре Григорьеве (СПб., 2013).

Открывает книгу автобиографическая повесть Игоря Григорьева «Все перемелется». Подготовленная к изданию еще в 90-х годах, она была опубликована впервые в 2013-м. Продолжают книгу 16 эссе, написанных родными Игорю Григорьеву людьми, соратниками по поэтической и боевой стезе.

Редактор – Михаил Евстратович Устинов.

Дизайн и верстка – Анна Валерьевна Селенкова.

В книгу «Поэт и Воин» вошла также работа поэта и прозаика, кандидата филологических наук Стани-

слава Золотцева «Зажги вьюгу!». Благодаря супруге Станислава Золотцева, Ольге Николаевне, сегодня эта книга представлена на конференции.

2) Григорьева Д. В. «Это здесь-то Бога нет?» (СПб., 2014).

Книга включает в себя размышления филолога-русиста Дарьи Васильевны Григорьевой о православной природе творчества русского поэта Игоря Николаевича Григорьева. Следующий раздел книги – избранные стихотворения поэта.

Дарья Васильевна – жена Игоря Григорьева, мать Григория Григорьева. Вряд ли кто-то лучше нее знает историю написания стихов и душевного состояния автора, потому анализ поэзии с точки зрения духовности, исповедальности – очень глубокий и сокровенный. Будучи опытным филологом, Дарья Васильевна провела параллели с другими русскими выдающимися поэтами, обогатив свой труд сравнительным анализом творчества Игоря Григорьева

Редактор и верстка – Михаил Евстратович Устинов.
Дизайн – Анна Валерьевна Селенкова.

3) *Бесперстных А. П.* Словарь эпитетов Игоря Григорьева: в 2 т. (СПб., 2014).

Уникальная по своему характеру и объему работа была проделана филологом-лингвистом, русистом, составителем многочисленных словарей Анатолием Павловичем Бесперстных. «Словарь эпитетов Игоря Григорьева» включает в себя около 10 000 лексических единиц. В словарь вошли эпитеты всех произведений И. Григорьева (как поэтических, так и про-

заических), а также из его поэтических переводов с литовского языка и писем.

В настоящий момент Анатолий Павлович Бесперстных работает над словарем языка Игоря Григорьева.

Редактор и верстка – Михаил Евстратович Устинов.
Дизайн – Анна Валерьевна Селенкова.

4) «Я не мыслю себя без России»: сборник стихов финалистов международного поэтического конкурса поэзии имени Григорьева (СПб., 2014).

На конкурс поступило более 500 заявок, около 2500 стихов. Россия была представлена всеми регионами, в конкурсе приняли участие поэты разных стран: Германии, Италии, Бельгии, Беларуси, Болгарии, Израиля, Казахстана, Молдовы, Украины. В поэтический сборник по итогам конкурса комиссией отобрано 51 стихотворение.

В сборник вошли стихи современников Игоря Григорьева, сопричастных его судьбе и поэзии, в частности стихи Глеба Яковлевича Горбовского со вступительным словом, а также стихи его жены, Лидии Гладкой, тоже со вступительным словом. Сборник «Я не мыслю себя без России» содержит в себе переводы стихов Игоря Григорьева на славянские языки, которые удалось сделать к 90-летию, и раздел «Словаря эпитетов Игоря Григорьева» (А. П. Бесперстных) на слово «Родина».

Составитель – Наталья Викторовна Советная.

Редактор – Михаил Евстратович Устинов.

Оформление – Анна Валерьевна Селенкова.

5) *Григорьев И. Н.* Перед Россией: Сборник стихов и прозы (М., 2014).

Книга включает в себя четыре последних прижизненных поэтических сборника, а именно: «Крутая дорога», «Кого люблю», «Боль» и «Набат». Стихотворения этих лет – вершина творческого мастерства поэта, его духовно-жизненной мудрости. Заключительная часть книги – автобиографическая повесть «Все перемелется».

Составитель – Александр Сергеевич Ольхин.

Оформление – Анна Валерьевна Селенкова.

Нельзя не сказать о ряде публикаций, посвященных Игорю Григорьеву, в журналах и газетах: журналы «Неман» (Минск), «Белая вежа» (Минск), «Московский Парнас» (Москва), «Воин России» (Москва); газеты «Воскресение» (Минск), «Вечный зов» (Санкт-Петербург), «Литературный Санкт-Петербург» (Санкт-Петербург).

Над оформлением грамот, дипломов, программы конференции, приглашений, объявления работала Дарья Григорьевна Рыбалтович. Дарья – внучка поэта, дизайнер. Дарьей Григорьевной к 90-летию поэта и воина Игоря Григорьева создан сайт его памяти: www.igor-grigoriev.ru.

Н. В. Переяслов

«ОН УМЕЛ ЖИТЬ ПО-БОЖЬИ...»

Судьбы людских жизней порой складываются самым невероятным образом, перекликаясь между собой, точно песенные строки или куплеты с припевами. Так, например, когда в мае 1954 года я только-только родился на свет, поэт Игорь Николаевич Григорьев уже успел навоеваться с фашистами и окончил русское отделение филологического факультета Ленинградского университета. А когда в 1996 году он умер, мне было уже 42 года, я являлся членом Союза писателей России и автором нескольких поэтических и прозаических книжек, успевших выйти в свет в Киеве, Москве, Санкт-Петербурге и Самаре. Но странное дело – поэтическое творчество Игоря Николаевича не сошло с годами с литературной арены, его стихи не замолчали и они не забылись, а продолжают до сегодняшнего дня существовать рядом с произведениями тех, кто начинал писать свои стихи ещё в годы моего взросления. И в этом нет ничего удивительного, если поэт является настоящим, потому что, как говорится, «в лирике не пустишь пыль в глаза, никуда не денешься от самого себя». Вот и поэзия Игоря Григорьева – сугубо настоящая, глубокая и правдивая. Вечная. Наполненная мыслями не только о себе единственно,

а обо всей Отчизне, о нашей с вами России, о тысячелетней святой Руси.

Те, кто хорошо знал Игоря Николаевича Григорьева и был близко знаком с ним самим и с его стихами, говоря о нём как о поэте отмечали, что у него было две основные темы – это любовь к родной земле и душа, опалённая войной. Его стихи наполнены обжигающей правдой жизни, любое из его стихотворений не просто фиксирует мгновения прошедших на его глазах сражений, но открывает перед читателями саму душу поэта, горящую в полыхающем огне войны, как избражённый в его стихотворении «Пылающий скит»:

Не прибыльна песня об этом,
Вся – пламя, октябрьская тишь:
Коль выпало стать поэтом –
От первой же искры сгоришь.

Что правда, то правда: стораю –
Вся глушь, как пылающий скит.
Поэтому я выбираю
Погоду, когда моросит.

«В такое бездожье беречься?
А грянет ненастье – запеть?
Да это ж от злата отречься!..»
А мне бы – дотла не сгореть.

Поэзия Игоря Григорьева не только сумела сохранить в себе запечатлённую в памяти поэта историю нашего великого народа, но с помощью строчек его стихотворений закрепила в десятилетиях величие духа нашей Отчизны, опять зазвучавшего на просторах нашей сегодняшней свободной родины. О нём неслучайно говорили, что «он умел жить по-Божьи» –

не кривил душой, не боялся огня и смерти, не гнался за славой. А только защищал свою Родину...

Стихи – это не просто красивые слова, написанные в столбик, это сконцентрированные и сжатые до пределов сила и мужество, которые несут в себе сквозь грозные века мощь и дух своего народа. А выдыхают этот дух в вечность – именно наши поэты, сумевшие своими словами дать народу неугасаемую веру в Победу.

ПРОТОКОЛ № 1
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СЛОВО. ОТЕЧЕСТВО. ВЕРА»

(Творчество поэта и воина Игоря Николаевича Григорьева
и писателей его поколения)

13 ноября 2014 г.

Санкт-Петербургское отделение Союза писателей России,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Присутствовало 78 человек.

Почётный гость: Мисурагин С. И. – советник, руководитель
отделения Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации в г.Санкт-Петербурге

Повестка дня:

Творчество поэта и воина Игоря Николаевича Григорьева
(1923–1996) и писателей его поколения.

Выступили:

1. Б. А. Орлов, поэт, председатель правления СПб отделения
Союза писателей России (С.-Петербург). «Да тебе ль стихам не
верить в Храме лирики, Григорьев!» – Открытие конференции.

2. Г. И. Григорьев, писатель, заслуженный врач РФ, доктор
медицинских наук, профессор, магистр богословия, священник,
сын поэта И. Григорьева (С.-Петербург, МИРВЧ, СПб. отделение
СП России). Григорий Игоревич напомнил собравшимся классификацию человеческого общества, предложенную немецким философом, психологом и психиатром Карлом Ясперсом: масса, зрители и народ. В обществе, которое находится в состоянии массы, каждый сам за себя. В категорию зрителей попадают

общества, которые объединяют общие развлечения. Народом общество становится, только если у него есть общая вера. «Я бы хотел, – сказал отец Григорий, – чтобы конференция послужила поднятию нашей духовности. Наша идеология – это русская литература».

3. Н. В. Советная, кандидат психологических наук, писательница (С.-Петербург, МИРВЧ, СПб. отделение СП России, СП Беларуси). – Представила обзорный видеоряд о жизни И. Григорьева «Нас в люди выводила Русь».

4. В. В. Шугля, поэт, Почётный консул Республики Беларусь (Тюмень, Общественная палата РФ, СП Беларуси). «На всех одна земная ось».

5. Б. А. Леонов, доктор филологических наук, профессор, литературовед, критик (Москва, Литературный институт им. М.Горького). Сделал анализ книги «Поэт и воин», раскрыл тему: «Григорьев в воспоминаниях современников».

6. А. М. Любомудров, доктор филологических наук, профессор, литературовед (С.-Петербург, Пушкинский Дом). «Мучаюсь бедами нашей горестной родины...»: Россия Игоря Григорьева. – Алексей Маркович отметил, что многие исследователи говорят о влиянии Сергея Есенина на поэзию Игоря Григорьева, но почему-то упускают несомненное влияние Александра Блока. «Его поэзию часто называют радостной, – продолжил Алексей Маркович, – но в ней едва ли не в большей мере присутствует трагизм. Слово “горе” в поэзии Григорьева одно из самых частотных и знаковых». Алексей Маркович выделил особенности лирики псковского поэта и отметил узловые моменты, объединяющие его с русской поэтической традицией.

7. А. Н. Андреев, доктор филологических наук, профессор, писатель, литературовед (Минск, Белорусский государственный университет). «Болен лирикой»: феномен поэтического мировосприятия И. Григорьева. – Анатолий Николаевич оценил творчество Игоря Григорьева как новое слово в литературе: «Совершенно не лишнее звено в цепи, с помощью которой куется целостность, сплав русской культуры. Боль Игоря Григорьева, весьма умное, диалектическое чувство, сегодня как нельзя кстати. Дело в том, что вечные ценности могут утверждаться только через

боль, иначе никак. Не стоит удивляться, что поэзия Григорьева, сложный художественный текст, сегодня только-только начинает открываться читателю. К сожалению (в котором присутствует изрядная толика боли), надо признаться, что русские пока не научились должным образом оберегать свое культурное наследие. Книга «Боль» тому подтверждение. Иметь поэта такого класса и калибра просто честь для любой литературы мира».

8. Г. Н. Ионин, доктор филологических наук, профессор, литературовед, критик, поэт (С.-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена). «Еще один голос России». – Герман Николаевич дал убедительный и аргументированный анализ творчества Игоря Григорьева в контексте традиции русской поэзии, в частности, предложил сравнительный анализ образных систем Сергея Есенина и Игоря Григорьева. Он отметил фольклорные и фантастические мотивы в творчестве поэта: «Пора включать Игоря Григорьева в большой и разновременный контекст отечественной литературы».

9. Н. А. Пителина, кандидат филологических наук, старший преподаватель (Псков, ПГПУ им. С. М. Кирова). – Выступила с докладом «Мотив памяти в поэзии И. Григорьева».

10. М. П. Поздняков, поэт, председатель Минской городской организации СП Беларуси, член Правления, Президиума СП Беларуси и СП Союзного государства (Минск, СП Беларуси). «Говорят про тебя, что ты – Белая Русь»: И. Григорьев в Беларуси. – Михаил Павлович рассказал, как помнят и ценят поэта Игоря Григорьева в Беларуси, где он жил более 10 лет, написал несколько книг и много переводил белорусских поэтов.

11. Г. Б. Пациенко, кандидат филологических наук, писатель (Москва, СП России). «Отчее слово»: мировоззренческие особенности творчества И. Григорьева. – Геннадий Борисович, высоко оценив творчество И. Григорьева, предложил «по итогам сегодняшней конференции <...> рекомендовать творчество воина и поэта на соискание премии Союза писателей России, а может быть, и Союзного государства. Право же, в канун юбилея Победы это было бы достойно и мудро».

12. А. Ю. Цепина, магистрант (Псков, ПГПУ им. С.М.Кирова). «Брошенные в пространство»: отражение экзистенциального

мироощущения человека XX в. в стихотворении И. Григорьева «Спит земля...».

13. В. В. Васильев (Овчинников), писатель (Псков, отделение Союза писателей России). «Я иду через покосы прямиком...»: псковскими дорогами Игоря Григорьева. Экологическая тропа. – Владимир Васильевич рассказал о создании туристической экологической тропы по местам, связанным с жизнью И. Григорьева.

14. Т. К. Никольская, кандидат исторических наук, литературный критик, поэт (Санкт-Петербургский христианский университет, СПб. отделение СП России). «Образы гражданской лирики в творчестве И. Григорьева и Л. Никольской».

15. О. Н. Ярошенко, педагог-филолог, переводчик, поэтесса (Минская обл. Ильянская средняя школа). «Перифраза в повести И. Григорьева “Все перемелется”».

16. А. С. Ольхин, поэт, музыкант (Москва, Московская епархия).

Александр Сергеевич представил участникам конференции книги, посвященные жизни и творчеству И. Григорьева:

– Поэт и воин: книга воспоминаний об Игоре Григорьеве. СПб., 2013;

– «Я не мыслю себя без России...»: Сборник стихов финалистов и победителей Международного поэтического конкурса. СПб., 2014;

– Григорьева Д. В. «Это здесь-то Бога нет?» СПб., 2014;

– Бесперстых А. П. Словарь эпитетов Игоря Григорьева: в 2 т. СПб., 2014;

– Игорь Григорьев. Перед Россией. М., 2014;

– С. Золотцев. «Зажги выюгу!» Псков, 2007.

Журналы, газеты с материалами об И. Григорьеве: «Московский Парнас»; «Белая вежа» (Минск), «Неман» (Минск), газеты «Воскресенье» (Минск); «Вечный зов» (СПб); «Литературный Санкт-Петербург»; «Воин России» (Москва).

17. Д. В. Григорьева, педагог-филолог, писательница, вдова поэта (С-Петербург). Дарья Григорьевна познакомила участников и гостей конференции с выставкой, посвященной творчеству И. Григорьева. Она также обратила внимание на право-

славный дискурс в творчестве поэта и представила свою книгу «Это здесь-то Бога нет?» о православной сущности поэзии Григорьева.

18. Н. В. Переяслов, поэт, секретарь правления СП России (Москва, Правление СП России). – Николай Владимирович выступил с заключительным словом, поблагодарил организаторов конференции, вручил награды Орлову Б. А., Советной Н. В., Григорьеву Г. И. и предложил рассмотреть предложение Г. Б. Пациенко.

19. Н. В. Советная, кандидат психологических наук, писательница (С.-Петербург, МИРВЧ, СПб. отделение СП России, СП Беларуси) предложила проголосовать за предложение Г. Б. Пациенко о выдвижении, в связи с 90-летием со дня рождения и с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне, поэта и воина – легендарного подпольщика, партизана, разведчика, орденоносца И. Григорьева и его творчества на соискание премии Союза писателей России. И за предложение Скокова Александра Георгиевича, заместителя председателя СПб. отделения СП России, которое поступило в письменном виде: выйти с предложением к Псковской администрации об увековечении памяти И. Григорьева присвоением его имени одной из библиотек Пскова, возможно, Центральной городской библиотеке.

ГОЛОСОВАЛИ: единогласно.

«Против» – нет.

«Воздержавшихся» – нет.

ПОСТАНОВИЛИ:

Ходатайствовать перед Правлением Союза писателей России о присуждении премии Союза писателей России поэту и воину Игорю Николаевичу Григорьеву, в связи с 90-летием со дня рождения и 70-летием победы в Великой Отечественной войне (посмертно).

Ходатайствовать перед Администрацией Псковской области, Комитетом по культуре Администрации Псковской области об увековечении памяти поэта-воина, поэта-гражданина, в частности о присвоении имени И. Н. Григорьева Центральной городской библиотеке.

Просить Санкт-Петербургское отделение СП России подготовить документы для выдвижения И. Н. Григорьева на премию СП России и для обращения в Администрацию Пскова и Комитет по культуре об увековечении памяти И. Н. Григорьева через присвоение его имени Центральной городской библиотеке г. Пскова.

Председатель: А. М. Любомудров, профессор, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Секретарь: Н. В. Советная, кандидат психологических наук, член СП России и Беларуси.

И. Н. ГРИГОРЬЕВ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Дата рождения: 17 августа 1923 г.

Место рождения: деревня Ситовичи, Порховский район, Псковская область.

Отец: Николай Григорьевич Григорьев.

Мать: Лаврикова Мария Васильевна.

Образование

1930–1934 гг. – Веретенская сельская школа первой ступени (4 класса), Псковская область.

1934–1937 гг. – Котельская средняя школа, Ленинградская область.

1937–1941 гг. – Плюсская средняя школа (10 классов), Псковская область.

1949–1954 гг. – Ленинградский государственный университет.

Жизненный путь

Март–май 1941 г. – курсант Ленинградского пехотного училища (комиссован по болезни глаз).

С августа 1941 г. – организатор и руководитель плюского молодёжного подполья.

С 12 августа 1943 г. – партизан Стругокрасненского межрайонного подпольного центра и партизанского отряда (руководитель и командир – Тимофей Иванович Егоров).

С 16 ноября 1943 г. – бригадный разведчик 6-й Ленинградской партизанской бригады под командованием комбрига Виктора Объедкова.

11 февраля 1944 г. – получил четвертое ранение в боях под д. Островно Лужского района.

Август 1944 г. – демобилизован по ранению.

1944–1949 гг. – промышлял охотой в костромских лесах, занимался фотографией на Вологодчине, работал в геологической экспедиции в Прибайкалье, грузчиком в Ленинграде.

1949–1954 гг. – студент русского отделения филологического факультета ЛГУ.

1954–1964 гг. – инвалид 2-й гр., занимается литературной деятельностью в Ленинграде и г. Городок Витебской области, Белоруссия.

С 23 апреля 1963 г. – член Союза писателей России, Ленинградское отделение СП, чл. билет № 02870.

1964–1967 гг. – живет в Ленинграде, занимается литературой.

1967–1980 гг. – переезжает во Псков, вместе с прозаиками Львом Колесниковым и Юрием Курановым, при поддержке секретаря обкома партии Ивана Густова, создает и возглавляет Псковское отделение Союза писателей.

16 января 1996 г. – умер после продолжительной тяжелой болезни, похоронен в д. Южки, Всеволожский район, Ленинградская область.

Награды

1. Медаль «За победу над Германией».
2. Медаль «Партизану Великой Отечественной войны».
3. Медаль «За оборону Ленинграда».
4. Медаль «За отвагу».
5. Орден Отечественной войны II степени.
6. Орден Отечественной войны I степени.

Семья

Жена (вдова) – Григорьева (Захарова) Диана Васильевна.

Сын – Григорьев Григорий Игоревич, заслуженный врач РФ, доктор медицинских наук, магистр богословия, священник.

Дочь – Кузьмина Мария Игоревна.

БИБЛИОГРАФИЯ

Издания произведений И. Н. Григорьева

- Родимые дали : стихотворения. – Л. : Лениздат, 1960.
- Зори да вёрсты : стихи. – М. ; Л. : Сов. писатель, 1962.
- Листобой : стихи и поэмы. – М. : Молодая гвардия, 1962.
- Сердце и меч : стихи. – М. : Воениздат, 1965.
- Горькие яблоки : лирика. – Л. : Лениздат, 1966.
- Забота : поэмы. Л. : Лениздат, 1970.
- Отзовись, Весняна : лирика и поэма. – М. : Сов. Россия, 1972.
- Не разлюблю : стихотворения; поэмы. – Л. : Лениздат, 1972.
- Красуха : стихи. – М. : Современник, 1973.
- Целую руки твои : лирика. – Л. : Лениздат, 1975.
- Жажда : стихотворения. – Л. : Лениздат, 1977.
- Стезя : новые стихи. – Л. : Лениздат, 1982.
- Жить будем : стихотворения. – М. : Сов. Россия, 1984.
- Уйти в зарю : стихотворения и поэмы. – Л. : Лениздат, 1985.
- Дорогая цена : стихи. – М. : Современник, 1987.
- Вьюга : поэма. – Л. : Редактор, 1990.
- Русский урок : лирика и поэмы. – Л. : Лениздат, 1991.
- Крутая дорога: стихи о судьбе и Родине. – Псков : Отчина, 1994.
- Кого люблю : посвященные стихотворения. – СПб. : Путь, 1994.
- Набат : стихи о Войне и Победе. – СПб. : Путь, 1995.
- Боль : избранное. – СПб. : Путь, 1995.
- Любимая – любимой остаётся: избр. стихи. – Псков : Курсив, 1998.
- Стихи: избр. стихи разных лет. – М. : Сам Полиграфист, 2013.
- Всё перемелется: автобиография. – М. : Сам Полиграфист, 2014.
- Перед Россией : стихи и проза. – М. : Сам Полиграфист, 2014.

Литература о творчестве И. Н. Григорьева

- Денисов, И. Первые встречи. – М. : Знание, 1962.
- Денисов, И. Высоты отдавать нельзя. – М. : Знание, 1963.
- Мартынов, Л. Несколько книг «День поэзии». – М., 1963.
- Время, пафос, стиль. Художественные течения в современной литературе. – М. : Наука, 1965.
- Шошин, В. Распахнутое сердце // Григорьев, И. Сердце и меч. – М. : Воениздат, 1965.
- Эльяшевич, А. Поэты, стиль, поэзия. – Л. : Лениздат, 1966. – С. 290–292.
- Шошин, В. Поэт Игорь Григорьев // Григорьев, И. Не разлюблю. – Л. : Лениздат, 1972.
- История русской советской литературы. – М. : Просвещение, 1974. – С. 561.
- Русская советская литература 50–70 гг. – М. : Просвещение, 1981.
- Шошин, В. Стезя Игоря Григорьева // Григорьев, И. Стезя. – Л. : Лениздат, 1982.
- Краткий очерк истории русской современной литературы. – Л. : Лениздат, 1984.
- Шошин, В. Огненный круг // Григорьев, И. Русский урок. – Л. : Лениздат, 1991.
- Шошин, В. Поэт последней деревни // Григорьев, И. Боль. – СПб. : Путь, 1995.
- Кириллов, В., Клемин, Вл. Огненный круг : очерки о плюских разведчиках // Контрразведка. – Псков : изд-во орг. мет. центра, 1995. – С. 202–253.
- Молева, С. Жестокая дорога – поэзия // Псковская правда. – 1996. – 25 янв.
- Родченкова, Е. Целую руку твою. – 1996. (Рукопись).
- Овчинников, В. Цена праведного слова // Вечерний Псков. – 1998. – 14 авг.
- Полишкарлов, А. Слово о капитане Игоре. – СПб. : «Околица» ; ТОО «Лад», 1998. – 40 с.
- Кузнецов, В. Песнь о величии и силе человеческого духа // Полишкарлов, А. Слово о капитане Игоре. – СПб. : «Околица» ; ТОО «Лад», 1998.
- Андреева, С. Коль выпало стать поэтом // Новости Пскова. – 2000. – 25 июля.

- Гусев, А. Заметки на полях книги Игоря Григорьева «Боль» // Новости Пскова. – 2000. – 25 июля.
- Васильев, В. Найдется ли равный ему... // Новости Пскова. – 2000. – 25 июля.
- Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги : библиографический словарь : в 3 т. / под ред. д. ф. н. члена-корреспондента РАН Н. Скатова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005.
- Золотцев, С. Зажги вьюгу : очерк о жизни и творчестве Игоря Григорьева. – Псков : АНО «Логос», 2007. – 84 с.
- От всей души, с любовью. Встречи с поэтом И. Н. Григорьевым, его стихами и друзьями // Лицейские встречи / сост. Д. В. Григорьева. – СПб., 2010. – 110 с.
- Поэт и Воин : книга воспоминаний об Игоре Григорьеве. – СПб., 2013. – 463 с.
- Советная, Н. Горит вьюга! // Неман. – 2013. – № 5.
- Советная, Н. «Человек я верующий, русский... Чего еще?» // Литературный Санкт-Петербург. – 2013. – Ноябрь.
- Шабович, Н. Авторские новообразования в поэзии Игоря Григорьева (на примере книги избранных стихов «Любимая – любимой остается») // Дзявятыя Танкаўскія чытанні (да 100-годдзя ўніверсітэта) : матэрыялы Міжнар. навук. канферэнцыі, г. Мінск, 26 верасня 2014 г. – Мінск : БДПУ. – С. 274–278.
- Бесперстых, А. П. Словарь эпитетов Игоря Григорьева : в 2 т. – СПб., 2014.
- Советная, Н. «Поверю в весеннюю Русь» // Белая вежа. – 2014. – № 1.
- Советная, Н. «Я не мыслю себя без России» // Московский Парнас. – 2014. – № 2.
- Советная, Н. «Отзывайся вздохом полным на удел души беззвучный...» // Перед Россией: стихи и проза. – М. : ООО «Сам Полиграфист», 2014. – 432 с.
- «Я не мыслю себя без России...»: Международный поэтический конкурс им. И.Н. Григорьева / сост. и вступит. ст. Н. В. Советной. – СПб., 2014. – 164 с.
- Григорьева Д. «Это здесь-то Бога нет?». – СПб., 2014. – 196 с.
- Андреев А. «Болен лирикой»: поэтический «сплав» в творчестве Игоря Григорьева. // Белая Вежа. – 2014. – № 8 (15). – С. 45–50.

СПРАВКИ ОБ АВТОРАХ

Анатолий Николаевич Андреев родился 28 апреля 1958 г. в городе Североуральске Свердловской области. Доктор филологических наук, профессор, писатель. Член Союза писателей Беларуси, член Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, член Союза писателей Союзного государства. Автор 220 научных публикаций, в том числе монографий «Целостный анализ литературного произведения», «Культурология», «Психика и сознание: два языка культуры», «Теория литературы», «Персоноцентризм в классической русской литературе XIX в.» и др. Автор двенадцати опубликованных романов («Легкий мужской роман», «Маргинал», «Для кого восходит Солнце?», «Халатов и Лилька», «Игра в игру», «Всего лишь зеркало...», «Авто, био, граф и Я» и др.), книги рассказов «За буйки», книги повестей «Прелести Леры», пьес. Живет в Минске.

Бесперстных Анатолий Павлович родился в 1942 г. в селе Черкассы Липецкой области (Россия). По образованию филолог. Автор поэтических сборников «Гора по имени Жизнь», «Одиннадцатая заповедь», «Бег длиною в жизнь», «Пешком по ноябрю», «Межсезонье», «Второе дыхание» и др., а также автор-составитель ряда словарей: «Словарь русских эпитетов», «Любовь» (словарь эпитетов), «Мудрость наших предков» (словарь русских пословиц), «Не мудрствуя лукаво» (фразеологический словарь), словарей эпитетов Лермонтова, Есенина, И. Григорьева, ряда словарей афоризмов русских классиков и др. Сейчас готовит к печати «Фразеологический словарь языка Игоря Григорьева» (более 3000 единиц) и начал работу над многотомным «Словарём языка Игоря Григорьева».

Дмитрий Константинович Войтюк родился 12 июля 1977 г. в городе Ишиме Тюменской области. Детство прошло в селе

Шаблыкино Ишимского района. Образование высшее, окончил Новосибирский государственный педагогический университет в 1998 г. по специальности «Дошкольная педагогика и психология». В 2004 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Влияние рефлексии на формирование психологической готовности личности к профессиональной деятельности». Преподаёт психологию, имеет частную практику по работе с детьми и подростками. С творчеством Игоря Григорьева знаком с 14 лет. Любимая книга – «Жить будем». На ряд стихов написаны песни.

Григорий Игоревич Григорьев – заслуженный врач РФ, доктор медицинских наук, доктор богословия, профессор. Родился 23 декабря 1956 г. в Ленинграде. Окончил военно-морской факультет Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, Санкт-Петербургскую православную духовную семинарию и академию.

Служил на Краснознамённом Тихоокеанском флоте СССР в должностях: начальника медицинской службы подводной лодки, начальника кабинета психоневрологии поликлиники флота, старшего психоневролога Тихоокеанского флота. После демобилизации работал психотерапевтом, наркологом Клинической больницы Управления делами Академии наук СССР. На базе АН СССР создал и возглавил Международный институт резервных возможностей человека.

В настоящее время – профессор кафедры психологии и педагогики Северо-Западного государственного медицинского университета им. И.И. Мечникова, декан факультета психологии и философии человека, заведующий кафедрой психологии Русской христианской гуманитарной академии, профессор кафедры педагогики и теории образования Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия, профессор Санкт-Петербургской православной духовной академии.

Настоятель храма Рождества Иоанна Предтечи в Юкках Выборгской епархии Санкт-Петербургской митрополии Московского Патриархата. Член коллегии Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению Русской Православной Церкви. Сопредседатель Экспертного совета Координационного центра по противодействию алкоголизму и утверждению трезвости Синодального отдела. Сопредседа-

тель Всероссийского общества трезвости и милосердия святого благоверного великого князя Александра Невского. Член правления Всероссийского Иоанно-Предтеченского братства «Трезвение» Русской Православной Церкви, а также попечительского совета информационно-просветительского ресурса Санкт-Петербургской митрополии «Вода живая».

Автор более 400 научных работ, 4 патентов, 10 учебно-методических пособий, 10 монографий. Член редсовета рецензируемого научно-практического журнала «Вестник психотерапии».

Член Союза писателей России, член Литературного фонда РФ, действительный член Петровской академии наук и искусств, Международной академии трезвости и Русского географического общества.

Автор еженедельной телевизионной программы «Точка опоры» на телеканале «Союз» и ежемесячной радиопередачи в прямом эфире на радио России Санкт-Петербург «Диалоги о здоровье нации».

Награждён многими государственными, ведомственными, общественными и церковными наградами.

Герман Николаевич Ионин – поэт, прозаик, литературовед. Родился в 1936 г. После окончания филологического факультета ЛГУ работал учителем в школах Ленинграда, был старшим научным сотрудником в Научно-исследовательском институте общего образования взрослых, доцентом филологического факультета ЛГПИ им. А.И. Герцена, ныне – профессор, зав. кафедрой литературы на факультете народов Крайнего Севера того же вуза. Доктор педагогических наук, профессор, член Петровской академии наук и искусств. Многие исследования Ионина посвящены творчеству Державина, Радищева, Фонвизина, Батюшкова, Жуковского, Пушкина, Чехова, Есенина, Маяковского, Ахматовой, Булгакова, Леонова и др. Член СП России. Автор учебников, хрестоматий, методических пособий, книг стихов и прозы «Апокалипсис», «Притчи», «Вторая ипостась» и др.

Борис Андреевич Леонов родился в г. Одесса в 1935 г. Окончил Московский городской педагогический институт им. В. П. Потемкина. Заслуженный деятель культуры РФ, доктор

филологических наук, профессор, литературовед, критик, автор книг «Эпос героизма», «Преемственность», «Духовный арсенал народа», «Утверждение», «Русская литература о Великой Отечественной войне», «Колоски и зёрна» и др. Работал в МГУ, ВГИКе, Литинституте, заместителем главного редактора журнала «Молодая гвардия», зав. кафедрой советской литературы Московского заочного педагогического института, гл. редактором издательства «Радуга», первым заместителем главного редактора журнала «Огонек», преподавал в Московском государственном педагогическом институте. Зам. гл. редактора газеты «Труд». Руководил студией писателей баталистов и маринистов Федеральной службы пограничных войск. Профессор кафедры новейшей русской литературы в Литературном институте им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. Лауреат ордена Дружбы народов, всероссийской литературной премии им. А. А. Фадеева, всероссийской литературной премии им. С. А. Есенина, всероссийской литературной премии «Золотой венец границ».

Алексей Маркович Любомудров родился в 1958 г., в городе Котельнич Кировской области. Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета и аспирантуру Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. В настоящее время – ведущий научный сотрудник ИРЛИ. Доктор филологических наук. Автор книг «Вечное в настоящем» (1991), «Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев» (2003), «Духовный путь Ивана Шмелева: Статьи, очерки, воспоминания» (2009) и др. Основные научные интересы: литература русского зарубежья, взаимоотношения религии и культуры, лексикография русских писателей XX века, история русской святости. Выступает также как историк, очеркист и журналист в различных церковных и светских изданиях. Член Союза писателей России (2000).

Татьяна Кирилловна Никольская – кандидат исторических наук, докторант Института истории РАН. Закончила Ленинградский государственный университет и Европейский университет в Санкт-Петербурге. Старший преподаватель Санкт-Петербургского христианского университета, автор ис-

следований по истории христианства в России XX века. Стихи, документальная и художественная проза публиковались в журналах «Нева», «Звезда», «Север», «Чело», других изданиях и коллективных сборниках. Автор трех книг.

Владимир Васильевич Овчинников (Владимир Васильев) родился 10 июля 1949 г. в поселке Грызавино Островского района Псковской области, в семье служащих. Окончил Северо-Западный политехнический институт (Ленинград, 1973). Мастер спорта СССР, чемпион России (1968), призёр всесоюзных соревнований по гребле на каноэ. В 1966–1991 гг. работал на заводе «Псковэлектромаш» инженером, зав. отделом, начальником ИВЦ. С 1991 г. – в НПО «Крымпродмаш». В 1997 г. вернулся во Псков, главный инженер, главный энергетик на различных предприятиях города. Писатель. Публиковался в газетах Крыма и Пскова.

Александр Сергеевич Ольхин родился 10 декабря 1985 г., в поселке Качуг Иркутской области. Образование: Московский государственный педагогический университет, музыкальный факультет. Музыкант, поэт. Публиковался в коллективных сборниках, журналах. Лауреат конкурса им. Игоря Григорьева 2014 г.

Борис Александрович Орлов родился 7 марта 1955 г. в деревне Живетьево Брейтовского района Ярославской области. Окончил Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище имени Ф. Э. Дзержинского (1977), Литературный институт имени А. М. Горького (1985). Капитан 1-го ранга. Служил на Северном флоте, на атомной подводной лодке (1977–1983). Работал в газетах «На страже Заполярья» (1983–1986), «Советский моряк» (1986–1990). Был начальником отдела Центрального военно-морского музея (1990–1993). С 1993 г. – главный редактор еженедельника Ленинградской военно-морской базы и военно-морских учебных заведений в Санкт-Петербурге «Морская газета». Руководитель ЛИТО «Путь на моря» им. Всеволода Азарова. Главный редактор «Литературного Петербурга». Автор почти двух десятков книг стихов. Публиковался в США, Англии, Китае, Японии, Израиле, Чехии, Сербии и других стра-

нах. Секретарь Союза писателей России, член правления Санкт-Петербургской организации СПР, член Санкт-Петербургского союза журналистов, член СП СССР (1986), Православного общества санкт-петербургских писателей. Академик Петровской академии наук и искусств. Четырежды избирался делегатом съездов Союза писателей России. Лауреат Большой литературной премии России, литературных премий Александра Невского, Андрея Платонова, Константина Симонова, Валентина Пиккуля, «Золотой кортик». Награжден почетным дипломом «За выдающийся вклад в развитие культуры в Санкт-Петербурге», а в 2011 г. указом Президента РФ – «Медалью Пушкина». Член Общественного совета по культуре при Правительстве Санкт-Петербурга. Живет в Кронштадте.

Геннадий Борисович Пациенко родился в деревне Зубаки Лиозненского района Витебской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, аспирантуру. Работал заведующим отдела редакции журнала «Молодая гвардия», преподавал в Литературном институте. С 1972 по 1980 г. возглавлял редакцию «Роман-газеты». Некоторое время являлся советником Министерства по делам национальностей Российской Федерации. Автор более 20 книг, в том числе «Пока пуля летит», «Дни среди молний», «Постучим по дереву», «Дождь под Рождество», «Взрыв души» и др. Член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси, почётный академик Пушкинской Академии, почётный гражданин Беларуси. Лауреат литературно-общественной премии «Лучшая книга 2011–2013 г.», лауреат конкурса «Герой нашего времени» им. М. Ю. Лермонтова. Награждён серебряной медалью Международного союза славянских журналистов, орденом им. С. А. Есенина.

Николай Владимирович Переяслов родился 12 мая 1954 г. Секретарь Правления Союза писателей России. Член Союза журналистов Москвы, Международной федерации журналистов и Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП). Действительный член Петровской академии наук и искусств, а также Славянской литературной и артистической академии в Варне (Болгария). Работал шахтёром, геологом, журналистом, секретарём Правления Союза писателей России, помощником

мэра Москвы (Ю. М. Лужкова). Автор более 30 книг стихов, прозы, критики и поэтических переводов, а также огромного количества публикаций в газетах и журналах России и других стран. Участник 1-й Международной поэтической конференции в Каире и 1-го Международного фестиваля поэзии стран Азии во Вьетнаме. Лауреат литературных премий имени А. Платонова, Р. Гамзатова, М. Лермонтова, В. Хлебникова и Большой литературной премии России. Награждён Почётными грамотами Министерства культуры РФ и Русской Православной Церкви, медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества», медалью Святого князя Даниила Московского и другими наградами.

Наталья Александровна Пителина родилась в Ленинграде. В 2004 г. закончила факультет русского языка и литературы Псковского государственного педагогического института им. С. М. Кирова. С 2005 по 2009 г. обучалась в аспирантуре при кафедре литературы. Занимается преподавательской деятельностью с 2007 г. Сфера научных интересов – история русской литературы XX–XXI веков. Занимается исследованием художественного наследия И. Грековой, принимает активное участие в конференциях разного уровня, грантах и проектах, реализуемых кафедрой. Является автором 13 научных статей. Живёт во Пскове.

Михаил Павлович Поздняков (Міхась Пазнякоў) родился в 1951 г. в деревне Забродье Быховского района Могилевской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Работал учителем в школах Минской области и г. Минска, научным сотрудником Института языкознания НАН Беларуси, директором литературного музея Максима Богдановича, главным редактором издательства «Юнацтва», главным редактором журнала «Вожык», главным редактором журнала «Нёман», заместителем директора холдинга «Литература и Искусство». Председатель Минского городского отделения Союза писателей Беларуси. Член президиума и правления Союза писателей Союзного государства. Член Белорусского союза журналистов. Поэт, прозаик, переводчик, критик, языковед, публицист. Автор более 70 книг поэзии, прозы, критики, публицистики, словарей и переводов для взрослых и

юных читателей. Перевел на белорусский язык роман М. Сервантеса «Дон Кихот» и многие другие произведения классиков зарубежной и русской литературы, а на русский язык романы, повести, рассказы, стихи многих известных белорусских писателей. Автор двухтомного «Слоўніка эпітэтаў беларускай літаратурнай мовы». Многие произведения Позднякова переведены на 18 языков. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (2015). Лауреат одиннадцати литературных премий, в том числе – международной «Я не мыслю себя без России». Награжден медалью Франциска Скорины за большой вклад в развитие белорусской литературы, а также медалями Союзного государства, Министерства обороны и Госкомитета погранвойск. Живет в Минске.

Ольга Игоревна Сафронова родилась в городе Запорожье, на Украине. С 2002 г. живет и работает в России, в Таганроге. Писать стихи начала давно, еще в школе. Во время учёбы в Харьковском авиационном институте увлекалась авторской песней, но именно лирическая поэзия стала не просто увлечением молодости, а насущной жизненной потребностью. Публиковалась в газетах «Таганрогская правда», «Гомельская правда», «Кобзарь на Дону», в коллективных сборниках «Поэт года 2011» (Москва, 2011), «Славянской боли кружева» (Таганрог, 2013), «Берега» (Таганрог, 2013–2014), «3 адной калыски» (Гомель, 2013). В 2013 г. в таганрогском издательстве «Нюанс» вышли два авторских сборника лирической поэзии: «Город без небоскребов» и «Весь год я вам дарю», в 2014 г. – авторский сборник стихов и переводов с белорусского языка «Журавлиная геометрия», в 2015 г. – сборник «Под высоким небом». Переводы автора с белорусского языка опубликованы также в коллективных сборниках «Крылья надежды» (Таганрог, 2012) и «Слово за словом» (Таганрог, 2013). Член Международного союза писателей и мастеров искусств (МСПИМ).

Наталья Викторовна Советная родилась в пос. Янтарный Приморского района Калининградской области. Кандидат психологических наук. Член Союзов писателей России, Беларуси, Союзного государства. Прозаик, поэт, публицист. Автор книг поэзии и прозы, в том числе «В поиске сокровища», «За краем

света», «Тайна русского Царя», «Два поклона», «Увидеть ветер», «Пучок травы». С 2013 г. – председатель оргкомитета ежегодного Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. поэта и воина Игоря Григорьева. С 2014 г. – ответственный секретарь Первых литературных чтений памяти И. Григорьева и Фонда памяти поэта и воина Игоря Григорьева. Награждена медалями «Святой благоверный великий князь Александр Невский» (2006), «Василий Шукшин» (2014), юбилейными. Победитель и лауреат литературных конкурсов Белорусского Экзархата РПЦ и газеты «Воскресение» (2008, 2014).

Анастасия Юрьевна Цепина родилась в городе Сигулда в Латвии. Учится в магистратуре Псковского государственного педагогического университета, филологический факультет. Занимается исследованием прозы Ю. П. Казакова. Сфера научных интересов: русская литература XX века.

Николай Викторович Шабович родился 4 января 1959 г. в деревне Бадени Мядельского района Минской области (Беларусь). Окончил филологический факультет Минского государственного педагогического института им. М. Горького. Работал учителем. Кандидат филологических наук, доцент. Преподаёт белорусский язык в Белорусском государственном педагогическом университете имени Максима Танка. Исследует окказиональную лексику в художественной речи. Автор около 50 статей, а также монографии «Аказіянальныя словы ў беларускіх мастацкіх тэкстах 20-х гадоў XX стагоддзя». Живёт в Минске.

Владимир Федорович Шугля родился 30 января 1947 г. в городе Кыштыме Челябинской области. Образование высшее, в 1970 г. окончил Свердловский институт народного хозяйства, в 1991 г. – Уральский социально-политический институт. Почетный консул Республики Беларусь в Тюменской области, член Общественной палаты России, член Союза писателей Беларуси, член Санкт Петербургского отделения Союза писателей России. Публиковался в журналах «Современник», «Молодая гвардия», «Великороссъ», «Русский крест», «Нёман», «Немига литературная», «Белая Вежа», «Второй Петербург», «Невский альманах», «Дон», «Вертикаль», «Югра» и других изданиях.

Оксана Николаевна Ярошенко родилась в 1982 г. в городе Молодечно (Белорусская ССР). Окончила филологический факультет Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка. Автор сборника стихов «Звычайнае шчасце», книг переводов «Славянской боли кружева», «Стихи спускаются с небес». Работает педагогом-организатором в ГУО «Ильянская средняя школа» Вилейского района. Член Международного союза писателей и мастеров искусств.

СОДЕРЖАНИЕ

Точка отсчета (<i>Н. В. Советная</i>)	5
[Программа конференции]	7
Б. А. Орлов	
«Да тебе ль стихам не верить в храме лирики, Григорьев!»	9
Г. И. Григорьев	
Духовно-нравственное значение поэтического слова	12
Н. В. Советная	
«Сжигай слова, чтоб сохранить мотив...»	15
А. Н. Андреев	
«Болен лирикой»: поэтический «сплав» в творчестве И. Григорьева	43
Д. К. Войтюк	
Мотивы духовного поиска в стихотворении И. Н. Григорьева «Разлука-даль»	56
Т. К. Никольская	
Образы гражданской лирики в творчестве И. Григорьева и Л. Никольской	67
Г. Б. Пациенко	
«Отчее слово»: мировоззренческие особенности творчества И. Григорьева	73
В. В. Шугля	
«На всех одна земная ось»: о патриотизме И. Григорьева ..	79
Г. Н. Ионин	
Еще один голос России	84
А. М. Любомудров	
«Мучаюсь бедами нашей горестной родины...» Россия Игоря Григорьева	90

Н. А. Пителина	
Мотив памяти в поэзии И. Григорьева	100
О. И. Сафонова	
Игорь Григорьев – близкий или далёкий? (О поэтическом переводе стихов поэта на украинский язык)	110
А. Ю. Цепина	
«Брошенные в пространство»: отражение экзистенциального мироощущения человека XX в. в стихотворении И. Григорьева «Спит земля...»	119
Н. В. Шабович	
О некоторых авторских неологизмах Игоря Григорьева ..	129
Приложение. А. П. Бесперстых. Эпитеты-окказионализмы И. Григорьева. Словарь	136
О. Н. Ярошенко	
Перифраза в повести И. Григорьева «Все перемелется» ..	153
Б. А. Леонов	
Григорьев в воспоминаниях современников	167
М. П. Поздняков	
Игорь Григорьев и Беларусь	173
В. В. Васильев	
«Я иду через покосы прямиком...» (Псковскими дорогами Игоря Григорьева – экологическая тропа)	182
А. С. Ольхин	
Презентация книг, посвященных жизни и творчеству И. Григорьева	186
Н. В. Переяслов	
«Он умел жить по-Божьи...»	190
Протокол № 1 Международной научной конференции «СЛОВО. ОТЕЧЕСТВО. ВЕРА»	193
И. Н. Григорьев. Биографические сведения	199
Библиография	201
Справки об авторах	204

Слово. Отечество. Вера

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 90-летию поэта
Игоря Николаевича Григорьева
(Санкт-Петербург, Пушкинский Дом, 13 ноября 2014 г.)

Составитель Н. В. Советная

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите
детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»
книга предназначена для читателей старше 16 лет

Редактор М. Е. Устинов
Оформление обложки Д. Г. Рыбалтович

Подписано в печать 21.09.2015 г.
Формат 84×108/32. Гарнитура Times New Roman
Бумага офсетная. Печать офсетная
Печ. л. 13,5. Тираж 200 экз. Заказ № 384
Отпечатано в типографии «Политехника-сервис»
с оригинал-макета заказчика
190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 18-д